

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor—in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатом можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Пригодич Н.Д. Высшие органы управления в блокадном Ленинграде: источники и цифровые методы их анализа	1
Дружевский А.О. Известные письма Антонио Поссевино из собрания историка Н. П. Лихачева	16
Розин В.М. Методология истории и схема генезиса революции в России по М.Я. Гефтеру (комментарии к его работам «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера»)	24
Филиппова Т.П. Минерально-сырьевые ресурсы европейского Севера РСФСР-СССР в программе научного изучения естественных производительных сил страны в 1917–1920-е гг.	38
Ислямова В.А. Международная выставка в Париже 1925 года и крымские экспонаты: к вопросу подготовки традиционного костюма крымских татар и ремесленных изделий, связанных с его производством	55
Хазиев Р.А., Гоффер П.С. Нелегальная финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в годы «хрущевского реформизма»	80
Тащиан Д.А. Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества	91
Игнатченко И.В. Формирование общественно-политических взглядов Жюль Ферри в 1860-е гг.	104
Грибачева А.П. Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941-1943 гг.)	118
Русанов И.Н. Джазовая музыка в дискурсе власти и культурной политике СССР периода позднего социализма (сер. 1950-х — сер. 1980-х гг.)	133
Лунышин С.Д. Венгерская кампания 1697 г.: планирование и подготовка	141
Макаров Е.П. Военно-политический контекст развития Виргинии после окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг.	152
Англоязычные метаданные	162

Contents

Prigodich N.D. Higher governing bodies in besieged Leningrad: sources and digital methods of their analysis	1
Druzhevskii A.O. Unknown letters of Antonio Possevino from the collection of historian N. P. Likhachev.	16
Rozin V.M. The methodology of history and the scheme of the genesis of the revolution in Russia by M.Ya. Gefter (comments on his works "There will be no Third Millennium" and "Stalin died yesterday")	24
Filippova T.P. Mineral and raw material resources of the European North of the RSFSR in the program of scientific study of the natural productive forces of the country in the early years of Soviet power.	38
Islyamova V.A. The 1925 International Exhibition in Paris and the crimean exhibits: on the question of preparing the traditional costume of the Crimean Tatars and crafts related to its production	55
Khaziev R., Goffer P.S. Illegal financial and economic activities of Lenmyasorybtorg during the years of «Khrushchev reformism»	80
Tashchian D.A. Russian-Czech Cultural, Enlightenment, and Scientific Cooperation at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Key Personalities and Areas of Cooperation	91
Ignatchenko I.V. Formation of Jules Ferry's socio-political views in the 1860s.	104
Gribacheva A.P. Production activities of food industry enterprises in besieged Leningrad (1941-1943)	118
Rusanov I.N. Jazz music in the discourse of power and cultural policy of the USSR during the period of late Socialism (1950s — 1980s)	133
Luniashin S.D. Hungarian Campaign 1697: Planning and Preparations	141
Makarov E.P. The military-political context of the development of Virginia after the end of the French and Indian War of 1754-1763.	152
Metadata in english	162

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Пригодич Н.Д. Высшие органы управления в блокадном Ленинграде: источники и цифровые методы их анализа // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.74112 EDN: IJMLCV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74112

Высшие органы управления в блокадном Ленинграде: источники и цифровые методы их анализа

Пригодич Никита Дмитриевич

ORCID: 0000-0002-3774-9731

кандидат исторических наук

доцент; центр социальных и гуманитарных наук; Национальный исследовательский университет ИТМО

Старший научный сотрудник; Санкт-Петербургский государственный университет

197101, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, пр. Кронверкский, 49, литер А

✉ ndprigodich@gmail.com

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74112

EDN:

IJMLCV

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2025

Дата публикации:

06-05-2025

Аннотация: В статье приведена постановка научной проблемы об изучении действий высшего советского и партийного руководства Ленинграда в годы блокады. Автор фокусирует свое внимание на актуальности изучения методов управления городом в сложившихся уникальных условиях. Анализ распределения властных полномочий позволит уточнить принципы функционирования Ленинграда в годы войны и его связь с общей структурой политического руководства в СССР. В последние годы данное направление получило заметный толчок за счет публикации широкого круга документов и материалов. В этой связи, источниковой базой исследования является объемный массив решений и постановлений Бюро Областного и Городского комитетов ВКП(б),

Военного Совета Ленинградского фронта и Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Анализ советско-партийного управления Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, основанный на объемном массиве решений и постановлений властных институтов, приложений и стенограмм к ним, базируется на основе методов исторической информатики. Историографический обзор советского и постсоветского периодов позволяет сделать выводы об обширных обращениях исследователей к связи политического управления города с многочисленными темами экономического и социального характера. Однако, в этом ряду, продемонстрировано отсутствие попыток анализа поставленной проблемы с применением междисциплинарных методов. В этой связи научная новизна заявляемого исследования заключается в подходе к рассматриваемой проблеме. В статье приведены тематические сюжеты применения методов исторической информатики, включая методы компьютеризированного контент-анализа, машинного обучения, дескриптивной статистики и корреляционного анализа. Возможности данных методов представляют собой актуальный инструмент, позволяющий приблизиться к решению некоторых поставленных общих задач. Соотнесение результатов исследования с историографией позволит получить более развернутое представление о государственной системе управления в блокадном Ленинграде.

Ключевые слова:

блокада, Ленинград, политическое управление, анализ данных, постановления оргнов власти, стенограмма, метод, Великая Отечественная война, Военный Совет, оборона

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00025, <https://rscf.ru/project/24-78-00025/>

Введение

В годы Великой Отечественной войны в Ленинграде сложились уникальные условия для проявления черт обособленной системы распределения властных полномочий при условии существующей строгой централизации власти в СССР. Наиболее характерно такие особенности проявились летом 1941 г. и в начальный период ленинградской блокады. В дальнейшем эта система эволюционировала, отчасти сохранив уникальную специфику. Ленинград, являвшийся в довоенное время одним из крупнейших в стране индустриальных центров, сохранил свое значение и в период блокады, несмотря на все трудности осадного положения. В этой связи система управления, на некоторое время отданная на откуп ленинградскому партийному руководству, представляет собой характерный аспект, опираясь на который возможно сделать обобщенные выводы об истории обороны и блокады города, а также составить представления о механизмах политического управления.

Анализ советско-партийного управления Ленинграда представляет основу для решения значимой научной проблемы по установлению принципов функционирования города в годы войны и их связи с общей структурой политического руководства в СССР. Это предполагает выявление системы управления промышленностью, военными, гражданскими, советскими и партийными организациями Ленинграда в предвоенный период и сравнение с изменениями в период 1941–1944 гг. В то же время обозначается необходимость привлечения результатов анализа распределения персональных ролей членов бюро ленинградских обкома и горкома ВКП(б), а также систематизации и

типологизации решений высшего партийно-государственного руководства. Политическое управление в кризисных условиях является важной научной и практической задачей, актуальность которой лишь усиливается. Изучение опыта военного периода, особенно на примере блокадного Ленинграда с его обширной индустриально-трудовой базой, сохраняет свою фундаментальную основу и сегодня. Результаты анализа региональной специфики методов управления в кризисной ситуации позволят более основательно подходить к решению актуальных задач социально-экономического характера.

Источники

В военный период времени в Ленинграде сформировалось три властных центра, тесно переплетенных между собой. С одной стороны, это советские районные и общегородские институты во главе с Исполкомом ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, формально являющимся высшим органом городской власти. С другой стороны, это Городской и Областной комитеты ВКП(б) во главе с объединенным Бюро ГК и ОК Ленинграда. Третьим центром стал Военный Совет Ленинградского фронта, образованный накануне начала блокады вместе с формированием самого фронта [\[1\]](#). В этой связи, важнейшими источниками исследования выступают решения Бюро ГК и ОК ВКП(б) города, постановления Военного Совета Ленинградского фронта, решения Ленгорисполкома, а также материалы к ним, стенограммы совещаний и документы отдельных секторов.

В последние годы был издан целый ряд сборников документов по направлению деятельности всех трех органов власти, представляющий собой объемный массив данных.

Так, под руководством Н.Ю. Черепениной вышел двухтомный сборник постановлений и стенограмм Ленгорисполкома [\[2-3\]](#). Под руководством К.А. Болдовского трехтомный сборник в четырех книгах с решениями, стенограммами и материалами Бюро ОК и ГК [\[4-6\]](#). Он же возглавляет научную группу по подготовке к публикации постановлений Военного Совета Ленинградского фронта. На данный момент изданы первый и второй том охватывающие период до конца 1942 г [\[7-8\]](#).

В результате обширной и плодотворной работы был введен в научный оборот объемный массив постановлений, решений, стенограмм и материалов, подавляющая часть из которых уже опубликована. Тысячи страниц машинописного текста, сотни страниц статистических данных требуют разнообразия подходов и методов к изучению этого типа источников.

Историография и результаты исследований

Исследование роли политического руководства Ленинграда в деле обороны города в годы войны долгое время оставалось под запретом. Это стало следствием «Ленинградского дела» и послевоенных властных взаимоотношений в советской партийной элите [\[9, с. 17\]](#). Только начиная с 1960-х гг. вместе с обобщающими трудами по истории блокады стали появляться и первые оценки партийного участия [\[10-11\]](#). Наиболее ценными трудами советской историографии более позднего периода следует признать работы Н.Д. Шумилова и С.В. Базовского [\[12-13\]](#). Отдельно необходимо отметить не менее яркий задел в области изучения работы ленинградского военного-промышленного сектора в трудах А.Р. Дзенискевича [\[14-16\]](#). О связи города и фронта писал В.М. Ковальчук [\[17-19\]](#).

Однако, несмотря на обширную советскую историографию обороны и блокады Ленинграда, только в последнее время наметилась тенденция на более широкий взгляд на принципы формирования системных механизмов управления городом. В данном отношении важнейшее положение занимают как высшие партийные органы, так и советские институты власти. Определенный тренд указанного направления подхватил целый ряд исследователей. Среди них выделяются работы Н.А. Ломагина о роли политического руководства, Дж. Хааса о стратегиях выживания населения в блокадном городе [\[20-22\]](#). В вопросе исследования принципов работы легкой и пищевой промышленности города, а также в вопросах жилищной политики преуспели М.В. Ходяков и О.А. Гаврилова [\[23-27\]](#). Наибольший вклад в обобщение аккумулированных знаний с использованием целого комплекса новых источников привнес Г.Л. Соболев [\[9, 28-29\]](#).

В последние годы увеличилось количество специальных работ, затрагивающих вопросы политического управления. Так по направлению управления промышленностью наиболее целенно накопленные данные были обобщены в статье А. В. Лосика и А. Н. Щербыв рамках документально-исследовательского пятитомника «Ленинград. Война. Блокада» [\[30, с. 424-444\]](#). Похожая попытка была предпринята и в статье А. В. Зотовой [\[31\]](#). Наибольший вклад в отдельные исследования по авиапромышленному производству в Ленинграде внес Д. А. Бочинин, работы которого затрагивают выпуск авиатехники и производство специальных сплавов для ВВС [\[32-34\]](#). Также необходимо выделить научные статьи А. С. Степанова и М. Ю. Мухина [\[35-36\]](#). Однако следует отметить, что представленные специальные исследования затрагивают лишь предвоенный период.

В последние годы, увеличивается количество обобщающих трудов по истории Великой Отечественной войны, где уделяется место общим вопросам партийно-политического управления [\[37-38\]](#).

В настоящий момент наметилась тенденция на более широкий взгляд на принципы формирования системных механизмов управления городом. В данном отношении важнейшее положение занимают как высшие партийные органы, так и советские институты власти. Наибольший вклад в изучение рассматриваемой проблемы внесла группа петербургских авторов в составе К.А. Болдовского, А.Н. Чистикова, Е.Д. Твердюковой, занимающаяся исследованием работы ленинградского партийного аппарата в годы Великой Отечественной войны [\[39-44\]](#). Результаты этой работы представляют важнейшую составляющую решения ряда задач в рамках рассматриваемой темы. Благодаря им мы имеем более детальные представления о номинальных границах между компетенциями Военного Совета фронта, долгое время являвшимся главным центром управления, куда в том числе входил первый секретарь ГК А.А. Жданов, компетенциями Бюро ОК и ГК, куда помимо А.А. Жданова входил председатель Ленгорисполкома П.С. Попков и компетенциями самого Ленгорисполкома.

Подробное описание новейших достижений в области изучения истории блокады Ленинграда в самых разных ее проявлениях представлены в статье К.А. Болдовского «Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015–2021)» [\[45\]](#).

Историография затронутой проблематики не ограничивается лишь отечественными исследованиями. Помимо уже упомянутого Дж. Хааса в разное время к теме связи причин и хода истории ленинградской блокады с особенностями партийно-политического управления обращались многие авторы. Так, в работе Д. Гланца, рассмотрены ключевые

аспекты связи города с Ленинградским фронтом при содействии задачам обороны [\[46\]](#). Британский историк М. Джонс фокусирует внимание своего исследования на причинах катастрофических последствий блокады, уделяя основное внимание не планам и действиям немецкого командования, а стилю политического управления [\[47\]](#). К сожалению, здесь не обошлось без обширного использования безосновательных штампов постсоветского времени, перекочевавших из публицистических работ и неоднократно развеянных. Отдельные сюжеты военного времени были рассмотрены и в основательных трудах Д. Брандербергера, посвященных познесталинской эпохе и непосредственно истории «Ленинградского дела» [\[48\]](#). Некоторые пересечения в этом можно обнаружить и с отечественными работами, например О. В. Хлевнюка [\[49\]](#).

Вместе с обширными тематическими направлениями изучения отдельных проявлений управленческих решений в Ленинграде в период блокады и подходов к рассмотрению их в комплексе, представленный краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что на данный момент исследование научной проблемы проводятся методами и подходами социальных и гуманитарных наук. В то же время, в отечественной и мировой науке проявляется тренд на междисциплинарные исследования, позволяющие расширить или пересмотреть некоторые выводы классических работ. Одним из таких направлений является область исторической информатики в целом и отдельных цифровых методов при анализе исторических данных в частности [\[50\]](#). Значительный объем однородных текстовых и статистических источников, доступных к настоящему моменту в рамках обозначенной тематики, формирует фундаментальную базу для проведения исследования на основе междисциплинарных методов.

Методология

Анализ советско-партийного управления Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, основанный на объемном массиве решений и постановлений властных институтов, приложений и стенограмм к ним, базируется на основе методов исторической информатики. В этой связи следует обозначить некоторые конкретные задачи, которые могут отвечать поставленной цели. Помимо фундаментальной основы в виде определения самой структуры управления в военный период и выявления полного комплекса источниковой базы, которые были обзорно представлены в предшествующих разделах и частично базируются на историографическом заделе, необходимо упомянуть также следующее:- Проведение анализа статистики распределения ресурсов по предприятиям и организациям Ленинграда в годы блокады;- Изучение объемного массива решений бюро ленинградских обкома и горкома ВКП(б) и стенограмм его совещаний, постановлений Военного Совета Ленинградского фронта, решений Ленгорисполкома и стенограмм его совещаний блокадного периода;- Соотнесение результатов исследования с анализом распределения персональных ролей в управлении блокированным городом, представленным в историографии. Рассматриваемое направление исследования носит комплексный характер, в первую очередь за счет междисциплинарного подхода на стыке наук. Интерпретация полученных данных и соотнесение их с результатами опубликованных исследований позволит выявить на обработанном материале как уникальные региональные особенности, так и некоторые шаблонные решения.

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные принципы историзма, системности, научной объективности. Применяя эти принципы, предполагается всесторонний анализ исследуемой проблемы. Применение принципа историзма необходимо для отражения развития объекта изучения с учетом всех его

структурных и организационных изменений как запланированных, так и объективно обусловленных менявшимися условиями предвоенного, а затем и военного времени. Принцип системности позволяет провести всесторонний анализ деятельности представителей политического управления города, как целостного объекта исследования, во взаимодействии с другими элементами обеспечения механизма принятия решений, прежде всего городскими советскими и партийными структурами. Применение принципа научной объективности необходимо для критического отношения к используемым историческим источникам, равно как и для использования научных работ предшественников.

Предполагаемое исследование возможно лишь при междисциплинарном подходе, на стыке социальных, гуманитарных и технических наук, что заложено в саму научную проблему. В этой связи выполнению поставленных в исследовании задач способствует:

- Метод дескриптивной статистики при анализе решений бюро ленинградских обкома и горкома ВКП(б) и стенограмм его совещаний, постановлений Военного Совета Ленинградского фронта, решений Ленгорисполкома и стенограмм его совещаний блокадного периода. Это позволит наглядно подтвердить или скорее скорректировать/дополнить имеющиеся представления о границах компетенций между властными органами;
- Метод корреляционного анализа при изучении статистики распределения ресурсов по предприятиям и организациям Ленинграда в годы блокады. В первую очередь он актуален для анализа решений по распределению энергоресурсов и выявлению закономерностей с привязкой к конкретным этапам блокады;
- Методы машинного обучения "с учителем" по задачам многомерной классификации и регрессии при изучении широкого комплекса источниковой базы проекта. Здесь одним из актуальных направлений является прослеживание персональных ролей для совмещавших сразу несколько постов;
- Метод комплексного компьютеризированного контент-анализа на основе решений бюро ленинградских обкома и горкома ВКП(б) и стенограмм его совещаний, решений Ленгорисполкома и стенограмм его совещаний блокадного периода.

Рассмотрим несколько примеров возможного применения указанных методов на тематическом материале. В период с конца осени 1941 г. по январь 1944 г. Бюро ленинградских ГК и ОК ВКП(б) осуществляли распределение энергетических ресурсов по предприятиям и учреждениям Ленинграда. В условиях блокады ценность каждого киловатта электричества, килограмма мазута и литра бензина была чрезмерно высока не только для поддержания работы заводов, но и для выживания населения города. Такие решения, чаще всего, принимались сроком на 10 дней и включали в себя сведения о распределении бензина, электроэнергии, мазута, дизеля, угля, дров и керосина по потребителям. При подготовке к публикации сборника документов решений руководящих партийных органов Ленинграда в период 1941–1944 гг. авторский коллектив подготовил в виде приложений сводные статистические таблицы по распределению энергоресурсов [\[3, с. 794–814; 4, с. 1154–1231; 5, с. 1624–1668\]](#). Данный источник содержит большой объем статистической информации. В качестве метода ее изучения может быть применено совмещение корреляционного анализа и машинного обучения «с учителем» по задачам классификации.

При проведении анализа используем сервис Google Colab для задействования облачной

версии Jupyter Notebook. В качестве тестового датасета возьмем данные из сводных таблиц по распределению бензина (смеси) в период с осени 1941 г. по январь 1944 г., а также распределение электроэнергии с января 1943 г. по январь 1944 г. Они позволяют нам визуализировать общий объем энергоресурсов по отдельным временным этапам. Эти данные обрабатываем с помощью библиотеки Pandas, которая позволит выделить датафреймы. Для анализа данных используем библиотеку NumPy.

Некоторая специфика приложений с таблицами по распределению энергоресурсов заключается в выделении заметного их объема для дальнейшего перераспределения между потребителями. Это может включать в себя объединение заводов по принадлежности к тому или иному комиссариату (реже), органу власти или передача полномочий распределения в ведение Уполномоченного Госплана СССР по г. Ленинграду. В этой связи, сравнение может быть произведено лишь при дополнительной предобработке данных и их подробному комментированию. Каждый подобный случай затрудняет возможность более детального анализа, в связи с чем требуется дополнительное сегментирование распределения и анализ отдельной части перед переходом к общему сравнению всех предприятий.

В качестве иного подхода может быть использовано объединение статистики по группе потребителей. Для примера приведем данные по распределению бензина (смеси) за май 1943 г. в тоннах. Из общего количества потребителей для сокращения количества строк в диаграмме исключим наркоматы юстиции, стройматериалов, бумажной промышленности, финансов, морского и военно-морского флота, заготовок, среднего машиностроения, рыбной промышленности, авиапромышленности, черной металлургии, а также кинокомитет и центральный совет Осоавиахима, которые потребляли менее 1 тонны бензина в месяц.

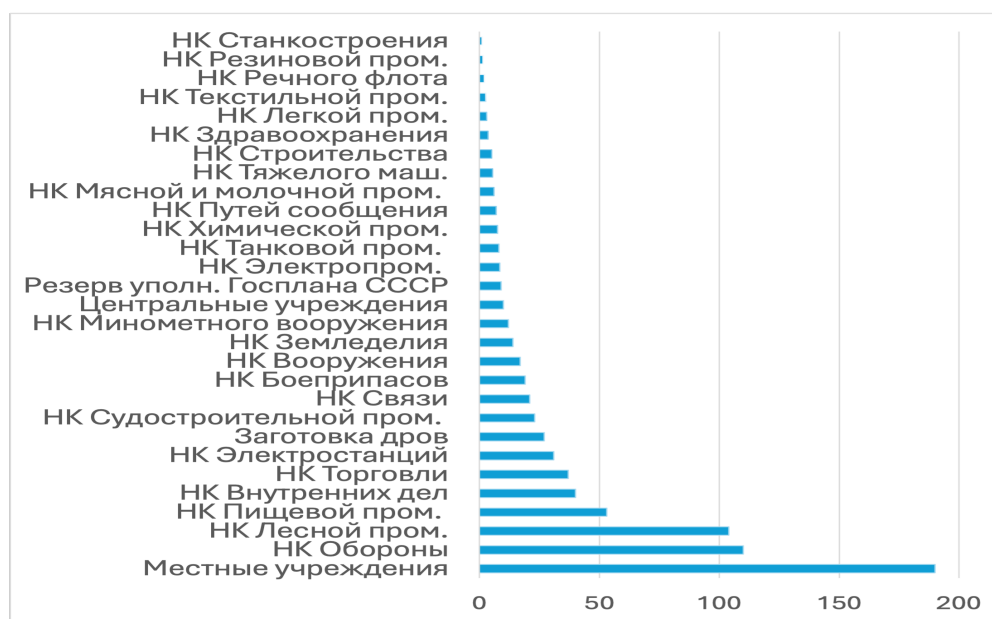

Рис. 1. Май 1943 г.

В данном случае заметно, что даже при объединении потребителей в группы их неравное количество заметно влияет на результаты. Именно поэтому выделяется распределение по местным предприятиям и организациям Ленинграда, куда входят как промышленные объекты, так и общественные организации и содействие выполнению конкретных задач (например «очистка города»).

Более подготовленными к дальнейшему анализу результатами визуализации данных являются сводные значения объема распределяемых энергоресурсов. Так на

представленной ниже таблице приведены сведения о количестве распределяемого бензина в тоннах за период с конца ноября 1941 г. по январь 1944 г. Из них мы можем сделать выводы о том, что пики распределения приходились на февраль 1942 г. и февраль 1943 г., что соответствует периоду наиболее низких температур. В летний же период топливо, наоборот, сокращалось к распределению в целях экономии. Однако есть и нехарактерные скачки статистики, которые свидетельствуют о периодах появления дополнительных задач, связанных как с промышленными задачами, регулированием общественной жизни, так и подготовкой военных операций на фронте.

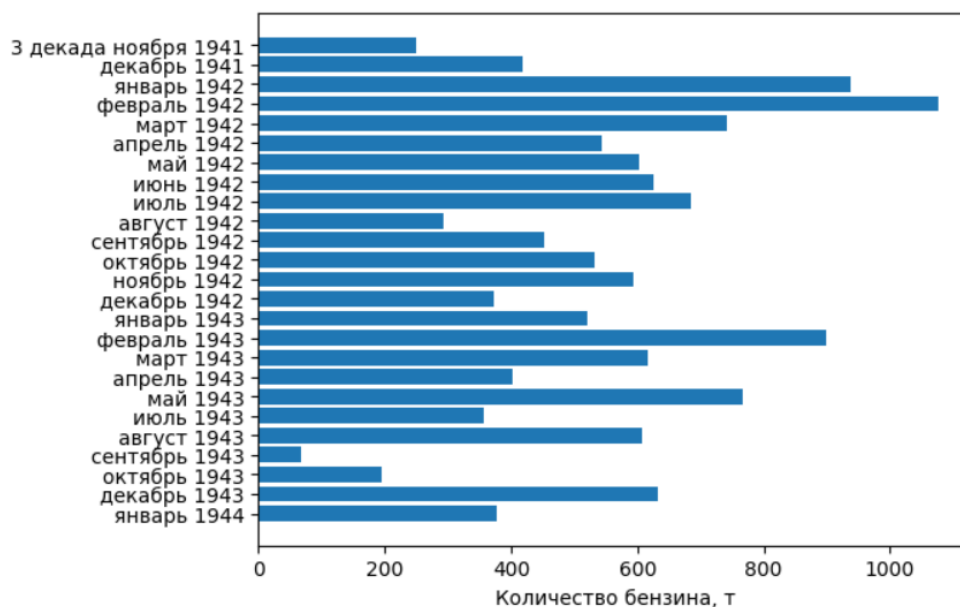

Рис. 2. Распределение бензина 1941-1944 гг.

Схожим образом могут быть интерпретированы и сведения об объеме распрямляемой электроэнергии за период с января 1943 г. по январь 1944 г. в млн. кВт/ч. Такой вид сводной статистики пересекается в своем определении с предыдущей таблицей.

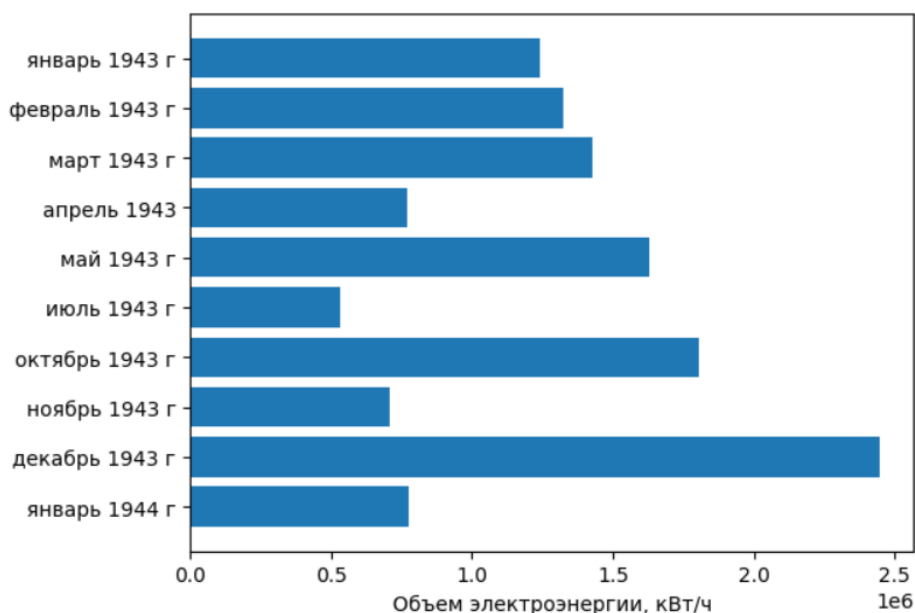

Рис. 3. Распределение электроэнергии за 1943 г. в млн. кВт/ч.

Другим примером применения представленных выше методов является использование комплексного компьютеризированного контент-анализа при изучении решений Бюро

ленинградских ОК и ГК ВКП(б). Такой метод может быть задействован при типологизации принятых решений по темам. Это необходимо для решения частной проблемы анализа основных задач, на решение которых было направлена работа высшего партийного органа. В более общем ключе это позволяет сравнить сектор ответственности Бюро с Военным Советом Ленинградского фронта и Ленгорисполкомом, при изучении структуры механизмов властного управления Ленинграда в годы блокады. Проведение контент-анализа основано на поиске ключевых слов, характерных для того или иного типа задач. Сам поиск может быть произведен как с помощью инструментов «поиск по документу» в текстовом редакторе, так и при задействовании возможностей большой языковой модели. В данном случае были использованы результаты работы модели ChatGPT 4.5 в сравнении с результатами «поиска по документу» и обобщением полученных данных.

При проведении анализа были выделены основные группы задач, решению которых уделялось наибольшее количество времени. В их число входили вопросы управления промышленными предприятиями, организационно-партийные мероприятия, распределение ресурсов и партийно-кадровое обеспечение. При этом, несмотря на огромное значение для жизни города в период блокады, меньшее внимание было уделено вопросам эвакуации предприятий, оборудования и населения, продовольственному и ресурсному снабжению, мобилизации и военному обеспечению. При этом с течением блокады постепенно снижается внимание к задачам распределения промышленных ресурсов и увеличивается к темам городского хозяйства, продовольственного распределения и транспорта.

Для решения задач по интерпретации полученных данных и представления выводов проведенного исследования необходимо использование основных методов исторической науки. В их числе следует отметить историко-типологический, историко-описательный и историко-сравнительный. Историко-типологический метод в освещении исторических процессов поможет провести систематизацию решений советско-партийных органов власти. Использование историко-описательного метода позволяет выявить структуру управления города в период блокады. Применение историко-сравнительного метода дает возможность практически репрезентовать анализ механизмов политического управления Ленинграда, выявленных в ходе исследования на материалах исторических источников и историографии. Кроме того, неотъемлемой частью междисциплинарного исследования предстанут и методы политологических наук. Наибольшее значение они имеют для изучения действий политического руководства и формирования общих выводов исследования. Особенное значение представляет бихевиористский метод, направленный на определение поведенческих практик партийного-политического руководства Ленинграда. Данный аспект необходим для определения степени независимости местных органов политического управления от союзного центра в области принятия управленческих решений. Для решения задачи по представлению общих выводов исследования необходимо задействовать структурно-функциональный метод, который позволяет выделить связи между частным сюжетами и экстраполировать выводы на общий объект исследования.

Выводы

Тематика политического управления высшими советскими и партийными органами Ленинграда в годы Великой Отечественной войны является одним из актуальных трендов современной исторической науки. В последние годы данное направление получило заметный толчок за счет публикации широкого круга документов и материалов. Характеристика этой источниковой базы включает себя заметный объем текстовых и

статистических данных. Использование этих данных классическими методами исторической науки эффективно в контексте отдельных тематических исследований. Однако анализ совокупности источниковой базы может быть произведен с использованием междисциплинарных методов и подходов. Это позволяет получить результат по визуализации, классификации, регрессии, который затруднён при применении исключительно гуманитарных подходов и в этой связи их выводы могут быть недостаточно подкреплены. Солидный накопленный историографический задел позволяет дополнить круг имеющихся результатов и внести в них дополнения, уточнения или некоторые корректировки.

Представленное исследование направлено, в первую очередь, на обозначение потенциала междисциплинарных методов, подкрепленное некоторыми отдельными примерами. Возможности машинного анализа данных, применение некоторых функций больших языковых моделей, представляют собой актуальный инструмент, позволяющий приблизиться к решению поставленных общих задач. Соотнесение результатов исследования с историографией позволит получить более развернутое представление о государственной системе управления в блокадном Ленинграде.

Библиография

1. Болдовский К. А. Руководящие органы блокированного Ленинграда: полномочия и сферы компетенции // Труды Института истории обороны и блокады Ленинграда. 2023. № 1. С. 96-109. EDN: YEICLE.
2. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения (ноябрь 1941-декабрь 1942 гг.): Сб. док. / Отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 440 с.
3. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи докладов, обсуждений, замечаний к проектам, решения (январь-декабрь 1943 гг.): Сб. док. / Отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: Арт-Экспресс, 2018. 640 с.
4. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941-1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Июнь 1941 г. - март 1942 г. / Отв. сост. К. А. Болдовский. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 863 с.
5. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941-1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Март 1942 г. - декабрь 1942 г. / Отв. сост. К. А. Болдовский. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. 1261 с.
6. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941-1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Январь 1943 г. - январь 1944 г. / Отв. сост. К. А. Болдовский. В 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022. 1760 с.
7. Постановления Военного совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. - март 1942 г.). Сб. документов / Отв. сост. К. А. Болдовский. СПб.: Нестор-История, 2023. 656 с.
8. Постановления Военного совета Ленинградского фронта. Часть 1 (апрель 1942 г. - декабрь 1942 г.). Сб. документов / Отв. сост. К. А. Болдовский. СПб.: Нестор-История, 2024. 792 с.
9. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание. Книга первая: июнь 1941 - май 1942. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 712 с. EDN: SFOPYX.
10. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде (1941 год). М.: Воениздат, 1961. 207 с.
11. Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н., Шишкин В. А.

- Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л.: Наука, 1970. 324 с.
12. Шумилов Н. Д. В дни блокады. М.: Мысль, 1977. 302 с.
13. Базовский В. Н. Самое дорогое: Докум. повествование об А. А. Кузнецове. М.: Политиздат, 1982. 255 с.
14. Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. 1941-1945. Л.: Лениздат, 1972. 213 с. EDN: YAFXML.
15. Дзенискевич А. Р. Заводы на линии фронта: Рабочие Ленинграда фронту. М.: Политиздат, 1978. 111 с.
16. Дзенискевич А. Р. Рабочие ленинградской промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938-1945 гг. Л.: Наука, 1986. 479 с.
17. Ковальчук В. М. Ленинград и большая земля. История Ладужской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941-1943 гг. Л.: Наука, 1975. 328 с.
18. Ковальчук В. М. Магистраль мужества: Коммуникации блокированного Ленинграда, 1941-1943. СПб.: Вести, 2001. 517 с. EDN: VZTFCU.
19. Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград, 1941-1944: посвящается 60-летию Великой Победы. СПб.: ДБ, 2005. 234 с. EDN: QPAZXZ.
20. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. Кн. 1. СПб.: Олма-пресс, 2004. 446 с.
21. Ломагин Н. А. Учет и контроль - основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941-1942 гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 155-182. DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00054. EDN: OXTPAQ.
22. Hass J. K. Seeing like a Starving State: The Soviet Political Economy of Death in the Blockade of Leningrad // Modern history of Russia. 2021. Vol. 11, No. 2. P. 324-338. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.202. EDN: PFYZHQ.
23. Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941-1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 44-67. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.203. EDN: WWQRRZ.
24. Гаврилова О. А. "Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания": о производстве и потреблении пива в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 60-81. DOI: 10.51255/2311-603X-2017-00004. EDN: ZRCELP.
25. Гаврилова О. А. Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941-1942 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 853-869. DOI: 10.21638/spbu24.2022.403. EDN: JRUXCL.
26. Ходяков М. В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941-1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 812-839. DOI: 10.21638/spbu24.2022.401. EDN: CIEMBO.
27. Ходяков М. В. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 455-468. DOI: 10.15826/qr.2022.2.681. EDN: QWFGYZ.
28. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание. Книга вторая: июнь 1942 - январь 1943. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 793 с.
29. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание. Книга первая: февраль 1943 - январь 1944. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. 1221 с. EDN: YOZCAF.
30. Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт: материалы и исследования / Сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. СПб.: Галарт, 2019. 527 с.
31. Зотова А. В. Военная промышленность Ленинграда в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 103-110. EDN: SQJALP.

32. Бочинин Д. А. Производство алюминиевых сплавов на заводах Ленинграда и Ленинградской области для авиапромышленности в 1928-1941 гг. // Клио. 2011. № 3(54). С. 83-85. EDN: NVWRLP.
33. Бочинин Д. А. Производство самолётов в Ленинграде в 1940-1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 39-44. EDN: RVKLCX.
34. Бочинин Д. А. О разработках новой авиационной техники в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны // Труды Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского. 2013. № 638. С. 47-53. EDN: RWLVUX.
35. Степанов А. С. Авиапромышленность Ленинграда и её перестройка накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 6. С. 9-13. EDN: KHXDPB.
36. Мухин М. Ю. Эвакуация авиапромышленности в 1941 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 86-98. EDN: RBQKLB.
37. Атлас Победы. Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. / Отв. ред. Ю. А. Никифоров. М.: Просвещение-Союз, 2025. 295 с.
38. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
39. Болдовский К. А. Руководящие кадры блокадного Ленинграда в номенклатуре ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 840-852. DOI: 10.21638/spbu24.2022.402. EDN: RDTPUX.
40. Болдовский К. А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 201-215. DOI: 10.51255/2311-603X-2020-00063. EDN: XUMMLH.
41. Болдовский К. А. Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 70-82. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.104. EDN: QVOROT.
42. Чистиков А. Н. Чрезвычайные органы управления Ленинградом летом 1941 г. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 189-200. DOI: 10.51255/2311-603X-2020-00062. EDN: DBOLYV.
43. Твердюкова Е. Д. Контроль исполнения решений в системе исполнительной власти Ленинграда в годы блокады (1941-1944) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 177-188. DOI: 10.51255/2311-603X-2020-00061. EDN: UEZTQO.
44. Твердюкова Е. Д. Опыт создания базы данных "Руководители блокадного Ленинграда" // Отечественные архивы. 2021. № 3. С. 15-22. EDN: QEBPON.
45. Болдовский К. А. Блокадный Ленинград: новые источники и исследования (2015-2021) // Российская история. 2022. № 3. С. 135-145. DOI: 10.31857/S0869568722030104. EDN: FXDTQT.
46. Jones M. Leningrad: State of Siege. London: Hodder & Stoughton, 2009. 324 p.
47. Glantz D. M. Leningrad: city under siege 1941-1944. Rochester: Grange Books, 2005. 224 p.
48. Бранденбергер Д. "Ленинградское дело" и наследие сталинизма // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С. 998-1009. DOI: 10.21638/spbu24.2024.412 EDN: VJQALB.
49. Хлевнюк О. В. Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны. Историография, источники и перспективы исследований // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 15-26. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-15-26 EDN: YNMEPJ.
50. Гарскова И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу системы управления в блокированном Ленинграде в 1941–1944 гг., с акцентом на взаимодействие трёх ключевых институтов власти: городского Совета депутатов, партийных органов (обкома и горкома ВКП(б)) и Военного совета Ленинградского фронта. Автор ставит задачу выявить специфику распределения полномочий между этими структурами, опираясь на обширный массив архивных документов, и демонстрирует возможности применения цифровых методов для обработки исторических источников.

Методологическая основа сочетает классические принципы историзма, системности и объективности с инновационными подходами исторической информатики. Автор предлагает использовать, в частности, дескриптивную статистику для анализа компетенций органов власти; корреляционный анализ распределения ресурсов; машинное обучение для классификации персональных ролей; контент-анализ для исследования текстовых источников.

Хотя выбор методов междисциплинарен и актуален, их практическое применение в статье описано крайне схематично. Отсутствуют примеры конкретных алгоритмов или инструментов (например, названия программного обеспечения, названия переменных, количество наблюдений, другие параметры анализа фактически отсутствуют), что делает фактически невозможной воспроизводимость исследования. Кроме того, не до конца ясно, как именно методы машинного обучения дополняют традиционный исторический анализ.

Тема управления в условиях блокады Ленинграда остается востребованной в исторической науке, особенно в контексте изучения кризисных систем. Актуальность усиливается междисциплинарным подходом: применение цифровых методов открывает новые перспективы для анализа массивных данных (стенограмм, статистики).

Новизна исследования заключается в попытке систематизировать управленческие решения с помощью цифровых инструментов, что ранее не было характерно для отечественной историографии Ленинградской блокады. Тем не менее, статья скорее обозначает потенциал методов, чем демонстрирует их результаты. Читатель ожидал бы конкретных выводов, полученных с помощью машинного анализа, а не только декларации его возможностей.

Статья структурирована логично. Отдельные разделы, например, историографический, содержат длинные перечисления работ без глубинного анализа их вклада. Стоило бы сократить список цитат, сосредоточившись на ключевых дискуссиях.

Список литературы впечатляет объёмом (42 наименования) и включает как классические труды (Г.Л. Соболев, В.М. Ковальчук), так и новейшие исследования (К.А. Болдовский, Дж. Хаас). Однако заметен перекося в сторону работ петербургской школы (Болдовский упоминается 8 раз), что сужает панораму историографии. Не хватает ссылок на зарубежных авторов, кроме Дж. Хааса, — например, на исследования А. Риса или М. Джонса.

Автор учитывает возможную критику в адрес цифровых методов, отмечая, что их применение требует сочетания с традиционными подходами. Однако ответ на главный вопрос — «Почему именно эти методы эффективны для анализа блокады?» — остаётся поверхностным. Например, не затронута проблема интерпретации данных: как избежать анахронизмов при машинной обработке исторических текстов? Также стоило полемизировать с теми, кто скептически относится к «оцифровке» гуманитарных наук (например, с позиций школы микроистории).

Автор продемонстрировал внимательное отношение к источниковой базе, знание архивных материалов и современных публикаций документов, предложил инновационный подход, заключающийся в попытке внедрить методы исторической информатики в изучение истории блокады Ленинграда.

Однако, нельзя не заметить теоретическую абстрактность рассуждений — методы описаны обобщённо, без примеров их применения к конкретным документам и без конкретных результатов применения методов.

Основной вывод статьи — о необходимости междисциплинарного подхода для изучения управления в блокадном Ленинграде — убедителен, но недостаточно подкреплён результатами. Автор справедливо отмечает, что цифровые методы позволяют выявить новые паттерны в данных, однако отсутствие конкретных наблюдений, примеров (например, анализа распределения ресурсов в связи с потреблением) делает этот тезис исключительно декларативным.

Статья тематически соответствует тематике журнала «Исторический журнал: научные исследования» но её можно опубликовать только в случае, если будут представлены результаты анализа, которые представлены в разделе Методология. Необходимо конкретизировать применение методов (добавить примеры анализа данных, в том числе описав исследуемые датасеты). Необходимо сделать историографический обзор более сбалансированным, в том числе за счёт работ зарубежных авторов. В текущем варианте текста статьи предлагаю статью отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Высшие органы управления в блокадном Ленинграде: источники и цифровые методы их анализа»

Предмет исследования – обозначен в названии и разъяснён в тексте.

Методология исследования. Методология исследования базируется на принципах научной объективности, системности и историзма, и при написании статьи были использованы методы исторической информатики и применён междисциплинарный подход на «стыке социальных, гуманитарных и технических наук». Для решения поставленных задач применены методы: метод дескриптивной статистики, метод корреляционного анализа, метод машинного обучения «с учителем» по задачам многомерной классификации и регрессии, метод комплексного компьютеризированного контент-анализа. Эти методы и совмещение некоторых из них перспективны при анализе большого объёма статистической и другой информации и позволяют провести анализ данных по ряду вопросов по теме исследования и решить ряд задач, поставленных автором в статье.

Актуальность. В условиях военного времени и других экстремальных ситуаций вопросы управления становятся чрезвычайно важны, и руководящим органам приходится принимать решения, которые выходят за рамки стандартных практик. Блокада Ленинграда началась в сентябре 1941 года и длилась до января 1944 года. В условиях блокады ленинградское партийное руководство в экстремальных условиях было вынуждено принимать комплексные управленческие решения, направленные на функционирование промышленных предприятий, городской инфраструктуры, обеспечение жизнедеятельности населения в условиях нехватки продовольствия, медикаментов, топлива, электричества. А потому изучение системы управления Ленинградом в годы войны представляет собой важный аспект для изучения истории

обороны и блокады города и механизмом управления. Изучение опыта управления блокадным городом позволяет установить принципы функционирования города в годы войны и их связь с общей структурой политического руководства в СССР. Изучение опыта политического управления в военный период является важной актуальной теоретической и практической задачей — без сомнения, актуально и не вызывает сомнений.

Научная новизна статьи заключается в постановке проблемы и задач исследования. Новизна обусловлена междисциплинарным подходом и методологией исследования.

Стиль, структура, содержание. Статья написана хорошим академическим языком, статья легко читается и воспринимается хорошо. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение цели статьи. Структура состоит из следующих разделов: введение; источники; историография и результаты исследований; методология; заключение. Во введении раскрыта актуальность темы, её цель и задачи. В разделе «Источники» перечислены органы власти, которые действовали в период блокады в Ленинграде, и отмечается, что источниками выступают решения этих органов власти, стенограммы совещаний и документы отдельных секторов. Уделено внимание и опубликованным источникам, вышедшим в последние годы. В следующем разделе дан качественный анализ литературы по теме исследования, отмечены работы отечественных и зарубежных исследователей по различным вопросам изучаемой темы и вопросам, требующим дальнейшего изучения. Очень качественно написан раздел, посвящённый методологии исследования, отмечен потенциал междисциплинарного подхода, возможности машинного анализа данных и применение ряда функций больших языковых моделей и какие задачи они способны решать. В заключении приведены выводы по теме.

Библиография работы составляет 50 источников по теме исследования и соответствует теме исследования и её задачам. Библиография показывает, что автор в теме разбирается глубоко и всесторонне.

Статья написана на актуальную тему и, без сомнения, вызовет интерес у всех, кто интересуется вопросами политического управления в экстремальных условиях. Статья вызовет интерес у историков, социологов, политологов, архивистов, специалистов, занимающихся оцифровкой документов, разработчиков программного обеспечения для обработки широкого круга исторических, архивных, статистических материалов и др.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Дружевский А.О. Неизвестные письма Антонио Поссевино из собрания историка Н. П. Лихачева // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.74339 EDN: ITFEDR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74339

Неизвестные письма Антонио Поссевино из собрания историка Н. П. Лихачева

Дружевский Антон Олегович

аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века РГПУ им.А.И.Герцена
методист отдела просветительских и образовательных программ; ФГБУ "Президентская библиотека
им. Б.Н. Ельцина"

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Центральный р-н, наб. Реки Мойки, д. 48-50-52

✉ adruzhevskij@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74339

EDN:

ITFEDR

Дата направления статьи в редакцию:

30-04-2025

Дата публикации:

07-05-2025

Аннотация: В статье автор анализирует неизвестные письма папского легата Антонио Поссевино (1534-1611) из собрания историка – источниковеда Н.П. Лихачева (1862-1936), которые были обнаружены исследователем в ходе изучения русско-польских документов в Научно – историческом архиве Санкт- Петербургского Института истории РАН 25 января 2024 года. Антонио Поссевино несколько раз встречался с Иваном Грозным, пытаясь убедить правителя перейти из православия в католицизм, заключить религиозную унию. Дипломат выступал посредником между Иваном Грозным, Стефаном Баторием и Папой. Однако в силу ряда причин миссия папского посланника не увенчалась успехом. И хотя Московия проиграла в Ливонской войне, но исконной веры своей не изменила. Автор использовал различные методы исследования: анализ, синтез, придерживался системного подхода и научной объективности, использовались

текстологический анализ, контекстуальный анализ. Текстологический анализ помог понять мировоззрение Поссевино. Представленные в статье письма папского посланника впервые вводятся в научный оборот и ранее не были известны. Отметим, что первое из представленных писем – оригинал шестнадцатого века. Письма помогают изменить представление о Поссевино и его миссии, по-новому интерпретировать его роль в истории. Анализ источников, которые мы вводим в научный оборот, способствует пониманию дипломатических отношений между Москвией и Западом в XVI веке. Становится понятно, что Московия для папского посланника является страной, которая ему интересна. Россия не стремилась к афишированию своих действий в Европе: информационная война была ею проиграна. Свидетельством этому служит то, что европейские дворы не испытывали в ней интерес, а Поссевино через знакомого епископа рекламировал свои труды. Мы узнаем дополнительные штрихи личности Антонио Поссевино. Идеологический противник Ивана Грозного приобретает черты живого человека, который хитер, изворотлив и профессионален. Отметим, что Поссевино испытывает искренний интерес (не смотря на то, что он идеологический противник Ивана Грозного) к Московии, что вытекает из характера этих писем. Письма разные по содержанию: в первом больше об отношении Поссевино к Московии, во втором – о частных религиозных делах папского легата.

Ключевые слова:

дипломатия, Иван Грозный, Антонио Поссевино, иностранцы о России, Ливонская война, исследователь, научный исторический архив, папский посланник, историк, архивные документы

Эпоха Ивана Грозного до сих пор вызывает живой интерес не только у профессиональных историков, но и литераторов, кинематографистов. Подобный тренд сохраняется на протяжении почти пяти веков. Еще при жизни первого русского царя западные посланники стремились изучить личность правителя и особенности повседневной жизни россиян в средневековую эпоху^[1]. В годы затяжной Ливонской войны (1558-1583) контакты с представителями западных стран участились^[2]. Информационная война и оголтелая пропаганда в черном цвете изображали москвитов и их государя.^[3] Зарубежные гости исполняли волю своих хозяев, приезжали в Россию для налаживания межгосударственных связей.

Одной из самых интересных и многогранных фигур зарубежной дипломатии является папский посланник Антонио Поссевино, который на протяжении 1581-1582 года порядка 10 раз был удостоен аудиенции Ивана Грозного^[4, с.88-89]. Документы из архива историка Н.П. Лихачева проливают свет на биографию этого человека^[5]. Спорным является год рождения Антонио Поссевино^[6]. Архивные документы показывают, что более вероятным годом его рождения является 1534 г.^[7] Проживший всего 78 лет, папский посланник был многогранной личностью и выступал в разных ипостасях: иезуит, писатель, дипломат, ректор академии в Падуге, благотворитель, переговорщик, балансирующий между Иваном Грозным и Стефаном Баторием. При первой встрече с государем, обуреваемый негативным предубеждением, он описывает его кровавые руки и глаза, соответствующие прожженной жизнью человеку^[8, с.198-204]. Для нас представляет огромный интерес, что в ходе визита Поссевино имеет возможность наблюдать за Иваном Ивановичем, который при трагических обстоятельствах уйдет из жизни в ноябре

1581 года. Неожиданная смерть царевича развернет полемику об обстоятельствах и причине его смерти между Б.Н. Флорей (сторонник смерти сына государя от его руки) [9,с.389-390] и приверженцами версии отравления царского сына (Л.Е. Морозова) [10,с.216-234]. Точку в дискуссии поставила Т.Д. Панова, которая обнаружит протокол вскрытия останков царевича научной комиссией под руководством антрополога М.М. Герасимова в 1963 г [11,с.137]. Из этих материалов убедительно видно, что царевич с большой вероятностью умер от третичного сифилиса, что не исключает ускорения процесса после удара посохом в висок. Тем не менее, удивительно, но Поссевино не приводит в своих отчетах особенности внешности Ивана Ивановича, которые характерны для данного заболевания: гуммозная инфильтрация, характерная внешность, кожные проявления [12]. Вероятно, заболевание находилось в латентном периоде. Спусковым механизмом прогрессирования сифилиса выступила реакция организма на конфликт между отцом и сыном, произошедший в ноябре 1581 года в Александровой слободе. Еще в эпоху великих реформ В.О. Ключевский, признавая значимость записок иностранцев о России, отмечал, что сочинения Антонио Поссевино наиболее достоверны [13]. Поссевино вел тонкую дипломатическую игру и балансировал между противоборствующими сторонами при заключении Ям-Запольского перемирия. Исполняя волю римского папы, он стремился ослабить Россию, приведя ее в лоно католической церкви и увеличивая зависимость Московии от Запада. Важность этого идеологического противостояния осознавал и Н. П. Лихачев, который в 1930-ые гг. формировал коллекцию делопроизводственных документов, составленных на древних языках. После смерти ученого документы Поссевино были разделены и интегрированы в коллекцию № 39 «Россика». Это личные письма Антонио Поссевино и несколько его кратких биографий [14]. Материалы же коллекции № 45 «Антонио Поссевино» представляют собой копии документов, собранных Поссевино и переписанных лишь в девятнадцатом веке [15]. Еще в 1930-ые годы Б.Д. Греков планировал издать все труды Антонио Поссевино с комментариями. Отчасти осуществить эту идею удалось Л.Н. Годовиковой, которая перевела большинство из сочинений папского посланника и ряд его личных писем [16]. Тем не менее, есть письма, которые ускользнули от ее внимания. Приведем перевод вводимых нами в научный оборот писем полностью [17]:

«Светлейшему и досточтимому господину Юлиусу (Эхтеру фон Меспельбрунн), милостью Божией епископу Вюрцбургскому, канцлеру Франконии, всемилостивейшему господину.

В Вюрцбурге

Светлейший и досточтимый господин, во Христе всемилостивейший!

С того времени, как я, возвращаясь из Московии, принял, во время пребывания в Аугсбурге, письма Вашего Высочества к вечной памяти Григорию XIII, Великому Понтифику, мне сразу пришла на ум мысль, и неоднократно возвращалась впоследствии, не мог ли я быть как-либо полезен для службы Вашему Высочеству, ведь мне прекрасно известна непрестанная ее забота о Церкви Христовой, а высочайшие заслуги перед нашим Обществом сделали меня покорным слугой Вашего Высочества. Но когда до меня дошли сведения о том, что Ваше Высочество одобрительно отзывалось о тех (трудах), что были опубликованы под моим именем, а сам я уже в течении многих лет усердно работал над появлением довольно обширного труда, то я до сей поры ожидал, пока он не будет напечатан в Понтификальной Типографии. И поскольку такого же рода извинения мне пришлось принести совсем недавно, третьего дня, Высочайшему Понтифику, я никак не мог упустить выпавшую мне возможность передать экземпляр

(этого труда) через господина прокуратора досточтимого и светлейшего епископа Бамбергского. Засим, посылая этот труд Вашему Высочеству, нижайше прошу, чтобы тому, что отсылается Вам, была оказано благосклонность. Тем временем, поскольку (мой труд) напечатать весьма нелегко, и я добиваюсь возможности осуществить это пусть даже в Бельгии, Галлии ли Германии, прошу Ваше Высочество, если только оно решит, что этот труд может быть полезным для Его Академии, для школ, для людей деловых, да даже и для магистратов, пусть от него, или же любых других (представителей властей), будет дано повеление книготорговцам, чтобы они заказали себе (эту книгу) из Венеции. Поскольку там в скором времени выйдет некоторое количество ее экземпляров, я постараюсь, чтобы они не продавались дороже, чем по себестоимости печати. Поскольку я в скором времени отправлюсь отсюда, чтобы, при помощи Бога Всевышнего, прибыть в Венецию, сообщаю, что я пребуду в Венеции вплоть до конца ноября месяца; и если (Ваше Высочество) пожелает дать мне какое-либо поручение, пока я буду находиться в этом городе, разумеется, я смогу получить письма от Вашего Высочества, которые можно направить на адрес досточтимого Апостольского легата, пребывающего там.

Наконец, нижайше предлагаю любые свои услуги и почтительную службу Вашему Высочеству, надеясь, что с помощью Божией второй том моего труда, о котором я упомянул в этом письме, будет опубликован, если мне удастся достичь всего того, что является необходимым для всего дела. Да обогатит Вас Бог Своими небесными дарами. Рим. 8 сентября 1593 г.

Вашего Высочества

Вечный слуга во Христе

Антонио Поссевино, Общество Иисуса».

Письмо показывает, что в Европе не было большого интереса к России. Россия оставалась далеким, непонятным и варварским государством. Московия вышла на арену европейской политики только с Ливонской войной. Из текста документа видно, что А. Поссевино понимал, что за Россией будущее. Московия - очень важный игрок, который вышел на международную арену. Этого игрока нужно знать и изучать. Вряд ли автор письма хотел заработать на продаже своих сочинений, раз предлагал реализовывать их по себестоимости. Для него было важно имя, как для дипломата, т.е. он надеялся, что его услугами будут пользоваться другие государи, которые станут входить в контакт с Московским государством. Поссевино привлекала слава первооткрывателя, по большому счету было мало европейских дипломатов, которые имели дело с Московским государством.

1. Антонио Поссевино прогнозировал большую роль в европейских делах, говорил, что нужно знать и изучать. Поэтому он издавал свои записки не ради заработка, а для просвещения.

2. Автор стремился прославить свое имя, надеялся еще не раз поехать послом в Московское государство. Поссевино был человеком тщеславным.

3. Европейские дворы дремали в то время, они не представляли себе значения Московского государства. В этом отношении папский престол был ближе к реальной политической ситуации, т.к. получал сведения, что Московское государство сильное, с ним выгодно иметь дело, выгодно договариваться, ну и возможно в качестве программы максимум - втянуть в унию с католической церковью. Об этом, конечно, тоже мечтал А. Поссевино.

Таким образом, в одной письме заключено достаточно много информации: штрихи к биографии А. Поссевино и особенности европейской политики.

4. Россия не стремилась к афишированию своих действий в Европе: информационная война была ею проиграна. Свидетельством этому служит то, что европейские дворы не испытывали в ней интерес, а Поссевино через знакомого епископа рекламировал свои труды.

5. Вместе с тем письмо Поссевино является важным инструментом в идеологической войне Московии и западных стран.

6. Хотя миссия Антонио Поссевино не имела успеха, его поездки в Москву повлияли, как на Ивана Грозного (конфликт с сыном) так и на самого Поссевино, который пытался объективно представить Россию и ее государя.

Теперь остановимся на втором письме папского легата, которое было обнаружено нами в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН^[18]:

копия

Досточтимому во Христе отцу нашему

Сеньор Вирджинио Орсино (1567 – 1596, сын Латино Орсини, видного итальянского военного теоретика 16 в.) ди Ламентана, после окончания (военной) службы в Венгрии (участвовал с июля 1594 по январь 1595 г. в австро-турецкой войне) отбыл на службу к королю Франции (Генриху IV), от которого он получил отряд вооруженных людей в сотню человек, обещание чина генерала итальянской конницы и итальянских (букв. «загорских») гвардейцев. Он принес королю присягу, но принес с условием, что не станет оказывать услуги против Святой Церкви и короля (венецианского дожа) Маттео (Маттео Сенарега, 1595 – 1597 занимал должность дожа), но будет только защищать корону Франции. Прибыв в Лион, он, с согласия коннетабля (Генриха I) де Монморанси, встретился со мной и рассказал мне о той нужде, что принудила его к этому; за время службы во Фландрии он потерял всех своих лошадей, а в Венгрии – деньги; и поскольку на его плечах лежит забота о восьми детях, он принял это предложение, ведь из других мест предложений не было. Также он прибавляет, что написал Вашей святости послание и передал с одним дворянином, но пока что не получил от нее никакого ответа. Предоставив мне доказательства тому, он также мне сообщил, что в его вооруженном отряде имеется много римлян, уроженцев Марке (пограничной области Анконы) и несколько рыцарей Мальтийского ордена, и спросил, могу ли я, если пожелаю, дать отпущение грехов и ему, и его людям, и что все до одного они желают и исповедаться, и причаститься. На это я ему ответил, что все же соображения совести не дают мне никакой возможности допустить такое преступление, и указал на то, что в силу того, что он является подданным короля (Генриха IV) и должен следовать тому, что от него требуют в рамках службы, я никак не мог отправить запрос в Рим на то, чтобы проявить (о них пастырское) попечение; однако у него есть все шансы добиться благополучия и покончить с бунтом у своих солдат, распустив свои отряды, стоящие у города Анкона, что со временем он и должен был бы сделать, если бы в нем вновь проснулось горячее желание быть христианином и римским дворянином (нобилем), и он оказал бы всяческое уважение во всех делах Святой Церкви. Таким образом, прошу у Вас решения, досточтимый отче, по поводу него, его людей и подобных этому вопросов, а также благословения и тех полномочий, что могут быть необходимы для спасения человеческих душ, если я останусь во Франции, а равно и для соседних с ней

провинций, например, Савойи и Бургундии, где происходят ровно такие же случаи. Кроме того, я всегда был среди прочего рад тому, что Общество (иезуитов) для разбирательств дел итальянцев (букв. «загорцев») через посредство кардинала (Джулио Антонио Санторио, архиепископа) Санто-Северина получило возможность отпускать грехи на исповеди тем, кто исповедуется по поводу французских дел, кто присоединился к королю (Генриху), носил оружие, и если они покусились на церковное имущество, или же допустили нечто предосудительное либо ради какой-то цели, либо ради своих интересов, то есть завладели им незаконными способами, удержали его для своего пользования, или же в пользу кого-либо другого, или же какая-либо иная причина была бы способна воспрепятствовать им в возвращении их душ к Богу, и эта возможность была мне предоставлена на протяжении трех лет, с 9 сентября 1593 г. Однако, как я сказал, случай этот новый, и, возможно, Ваше святое блаженство проявит в нем снисходительность, по той причине, каковую Ваша премудрость собственноручно описала в послании к христианам <...>

Речь в источнике, напоминающем аналитический отчет, идет о том, что некий итальянский дворянин переходит на службу французскому королю. И соответственно может воевать против итальянцев. Он просит у Антонио Поссевино отпущения грехов. Вероятно папский посланник имеет право исповедовать, как член Общества Иисуса и представляет в административно-территориальном аспекте итальянскую территорию, т.е. либо в плане исповеди и духовного окормления земли были в тот период территориально поделены. Он отказывает ему в исповеди и просит у своего начальника его исповедовать. Полагаем, что военная ситуация той эпохи влияла на Поссевино и поэтому он, представляя территориально ряд итальянских земель, не мог по существующим правилам оказывать проводить исповедь итальянскому военному и его людям. Письмо показывает, что папский посланник был человеком очень точным: человеком системы. Он на все испрашивал соизволения, поэтому полагаем, что в плане его участия в Российской истории, он в точности транслировал папские посылы, т.е. от себя он ничего не предлагал. Тем самым придерживался принципа: минимум самостоятельности и максимум трансляции пожеланий римского папы. Строгая дисциплина ордена иезуитов с молодых лет приучила его к послушанию начальству. Тем самым мы узнаем из источников дополнительные штрихи личности Антонио Поссевино. Анализируя документы, мы видим, что идеологический противник Ивана Грозного приобретает черты живого человека, который хитер, изворотлив и профессионален.

Библиография

1. Джером Г. Записки о России. Москва: МГУ, 1990. 288 с.
2. Ульфельдт Я. Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельдта в XVI веке. Москва: Университетская типография, 1889. 61 с.
3. Штаден Г. Записки о Московии. Москва: Древлехранилище, 2008. 584 с. EDN: QPOCTD
4. Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве / сост. и предисл. И. В. Курукина; перевод с немецкого С.П. Гиждеу; пер. с латинского Л.Н. Годовиковой. Москва: Аграф, 2005. 256 с.
5. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Коллекция 39, картон 589 ед. хран. 4-7.
6. Большая российская энциклопедия, 2004-2017. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3162196 (дата обращения: 27.04.2025).
7. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Коллекция 39, картон 589 ед. хран. 4-7.
8. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Коллекция 39, картон 589 ед. хран. 4-7. См. 4 с. 198-204.
9. Флоря Б.Н. Иван Грозный. Москва: Академический проект, 2019. 421 с.
10. Морозова Л.Е. Иван Грозный глазами современников. Москва: Кучково поле, 2022.

384 с.

11. Панова Т.Д. Иван Грозный: его предки и родня: История в лицах и судьбы в свете новых исследований. Москва: Кучково поле, 2024. 384 с.

12. Мавлютова Г.И., Юсупова Л.А., Мисбахова А.Г. Поздние формы сифилиса: современное состояние проблемы. Режим доступа:

<https://www.lvrach.ru/2015/06/15436248> (дата обращения: 27.04.2025).

13. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Москва: Прометей, 1991. 334 с. EDN: SCGGGB

14. Описи Научно-исторического архива СПБ ИИ РАН. Коллекция 39 "Росси́ка", 1528-1910 гг. Режим доступа: <https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2025/01/arhiv-spbii-ran-zes-kollekciya-39.pdf?ysclid=ma02pha0p8452942975> (дата обращения: 27.04.2025).

15. Описи Научно-исторического архива СПБ ИИ РАН. Коллекция 45 "Антонио Поссевино", 1836-1840 гг. Режим доступа: <https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2024/12/arhiv-spbii-ran-zes-kollekciya-45.pdf?ysclid=ma02wocval303023580> (дата обращения: 27.04.2025).

16. Поссевино А. Исторические сочинения о России шестнадцатого века. Москва: издательство Московского университета, 1983. 272 с.

17. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Коллекция 39, картон 589 ед. хран. 6, л. 1-2. Письмо епископу Вюрцбурга. Документ найден А.О. Дружевским. Перевод осуществлялся при поддержке Д.С. Чепеля.

18. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Коллекция 39, картон 589 ед. хран. 7, л. 1-2. Копия письма неустановленному лицу. Документ найден А.О. Дружевским. Перевод осуществлялся при поддержке Д.С. Чепеля.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В.Г. Белинский как-то заметил, что тысячелетняя история России представляет собой неистощимый источник для всякого драматика и трагика. И сегодня в нашем обществе ведутся споры вокруг личностей и деяний Ивана IV, Петра I, Иосифа Сталина и других исторических персонажей. Примечательно, что образ того же Ивана Грозного во многом формировался под влиянием зарубежных гостей в Московском государстве, в связи с чем вызывает интерес критический анализ посланий и записей иностранцев по русской истории XVI столетия.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются известные письма Антонио Поссевино из собрания историка Н. П. Лихачева. Автор ставит своими задачами проанализировать отдельные факты биографии Поссевино и дискуссию по его личности, а также рассмотреть ранее неизвестные письма папского посланника.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор приводит полный перевод вводимых в научный оборот писем Антонио Поссевино. Научная новизна заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 18 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим материалы из

фондов Научно-исторического архива СПб ИИ РАН, а также заметки Г. Штадена, Я. Ульфельдта и др. Из используемых исследований отметим труды Б.Н. Флори, Л.Е. Морозовой, Т.Д. Пановой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения личности Ивана Грозного и его эпохи. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как эпохой Ивана Грозного, в целом, так и самим первым русским царем, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что Поссевино «был многогранной личностью и выступал в разных ипостасях: иезуит, писатель, дипломат, ректор академии в Падуе, благотворитель, переговорщик, балансирующий между Иваном Грозным и Стефаном Баторием». На основе анализа двух писем Поссевино автор приходит к выводу о том, что посланник «на все испрашивал соизволения, поэтому полагаем, что в плане его участия в Российской истории, он в точности транслировал папские послы, т.е. от себя он ничего не предлагал». По мнению автора, Поссевино придерживался следующего принципа: «минимум самостоятельности и максимум трансляции пожеланий римского папы».

Главным выводом статьи является то, что на основе анализа писем «идеологический противник Ивана Грозного приобретает черты живого человека, который хитер, изворотлив и профессионален».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах. В качестве недостатка отметим определенную краткость представленной на рецензирование работы.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Методология истории и схема генезиса революции в России по М.Я. Гефтеру (комментарии к его работам «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера») // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.73356 EDN: HEQUSX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73356

Методология истории и схема генезиса революции в России по М.Я. Гефтеру (комментарии к его работам «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера»)

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.73356

EDN:

HEQUSX

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2025

Дата публикации:

13-05-2025

Аннотация: В статье предложены комментарии к двум работам Михаила Гефтера «Третьего тысячелетия не будет» и «Сталин умер вчера». Отмечается определенное совпадение взглядов автора и М. Я. Гефтера, касающиеся понимания истории и методологии истории. Обсуждаются несколько проблем, возникших при чтении указанных работ: понимание М. Гефтером истории как нескольких локальных историй с началами и завершениями, разные подходы к реконструкции личностей Ленина и Сталина, предложенное Гефтером объяснение логики русской революции. Намечается методология решения поставленных проблем, предполагающая анализ двух объектов:

первый, Гефтер, изучающий историю России и ее героев (Ленина, Сталина и др.), и второй объект, автор данной статьи, анализирующий и осмысляющий работы Гефтера. Со Сталиным Гефтеру все ясно, прожитая жизнь вождя во всех его деяниях известна, к нему невозможно применить никаких определений, кроме негативных. Иное отношение Гефтера к Марксу и Ленину: он пытается организовать беседу с этими историческими субъектами. С точки зрения Гефтера, Ленин был близок к тому, чтобы признать, что мировой революции вообще не будет, она в той форме, которую ожидали, состояться не может. Автор высказывает предположение, что реконструкция Гефтера открывает перспективу разрешения тупика развития России: не революция, а эволюция, не унитарное государство, а федерация, продуманная и обеспеченная новым социальным порядком и законом. Последняя часть статьи – краткое историческое самоопределение автора. Он, используя материал личной истории и анализ жизни Эмануэля Сведенборга, намечает свое понимание истории и методологии истории, отмечая совпадения с взглядами Гефтера.

Ключевые слова:

история, время, прошлое, будущее, реконструкция, факты, мышление, методология, вожди, государство

Введение

Только недавно прочел эти работы и был сильно впечатлен: не встречал ничего более значительного и интересного, касающегося исторического и философского осмысления революции в России (ее предпосылок, 17-го года и последующих событий), да и представления Михаила Гефтера о методологии истории выглядят очень современно. Захотелось посмотреть критику и комментарии к работам Гефтера. К удивлению почти ничего, за исключением нескольких статей С.С. Неретиной и еще двух-трех работ. И это при том что, на мой взгляд, взгляды автора «Третьего тысячелетия не будет» не просто современны (он ушел от нас в 1995 году, т.е. прошло 30 лет), но в определенной степени представляют собой вызов российским историкам, а его соображения по методологии истории и схеме революции в России относятся не только к истории, но и современной философии и социальной психологии и в силу оригинальности нуждаются в осмыслении.

Поразило меня еще одно обстоятельство. Хотя я познакомился с исследованиями Гефтера буквально в последние месяцы, а до этого только слышал, что есть такой интересный историк и философ, тем не менее, получалось, что некоторые поставленные им задачи (например, объяснение роли открытия смерти в происхождении человека, культурологическая трактовка истории, анализ значения личности, диалектика исторической закономерности и сингулярности), были также и моими задачами, которые я последовательно решал в течение многих лет. Как будто я принял от Михаила Гефтера эстафету. Начну с проблем, возникших у меня при чтении указанных в заголовке двух работ. При этом буду много цитировать Гефтера, поскольку, во-первых, не хочу приписывать ему свои мысли, во-вторых, пусть сами читатели судят, правильно ли я Гефтера понимаю. В данном случае цитаты не столько подтверждение, сколько метод осмысления.

Проблематизация

Гефтер не просто рассказывает о личностях Ленина и Сталина, но предлагает

реконструкцию эволюцию этих личностей, включающую также размышления, касающиеся характера их поступков и решений. Бросается в глаза некоторая несоразмерность: эти реконструкции выходят далеко за пределы исторического интереса, здесь налицо психологические и философские нарративы, размышления и обобщения. Выглядит это таким образом, как если бы речь шла не просто о роли личности в истории, а о самой логике истории; история начинает подчиняться поискам решений и поступкам этих субъектов, обладавших огромной властью. Возникают два вопроса: не излишни ли подобные реконструкции для понимания истории, не оказывается ли Гефтер на чужой ментальной территории (психологии и философии), а также, как в таком случае нужно мыслить историю: как историю властных личностей или все же последние востребованы только в той мере, в которой для них сложились объективные (интерсубъективные) условия. Тогда поступки этих личностей всего лишь действия иных, деиндивидуальных (внеличностных) образований и процессов (экономических, социальных, культурных и др.).

«Последней акцией моего сектора, – вспоминает М. Гефтер, – стал сборник о Ленине, рассыпанный в верстке. В нем – моя статья, послужившая окончательным поводом к отлучению от советской науки. Эпиграф из Пастернака сочли по меньшей мере неуместным. «Он управлял течением мыслей, и только потому – страной». Сказали, что так писать о Ленине бестактно, а статья, хоть и осталась ими непонятой, была сочтена ревизионизмом. Один важный на Старой площади человек, который мне до этого покровительствовал, Анатолий Черняев, сказал: “Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!” И после этого на годы забыл мой адрес и телефон» [\[3\]](#).

Дополнительный вопрос к теме о реконструкции личностей Ленина и Сталина. Они различны в ценностном отношении: к первому Гефтер относится явно сочувственно, видя в его поисках положительные замыслы и реалистические решения (признание многоукладности российской культуры, введение НЭПа, утверждение отдельного для России и отличного от общего мирового плана пути революции), а ко второму его отношение, хотя и объективное, но достаточно негативное. Ленин, пишет Гефтер, «готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, — *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог <...> Ленин — убийца поневоле, а для Сталина убийство станет гигантским жизненным смыслом. И он наполнил этим смыслом нашу жизнь. Исподволь, незаметно нас, совращая *убийством как смыслом*. Ленин подошел ближе к тому, от чего был поначалу далек, – что пора *освободить людей от революции*. <...> ... важный психологический подтекст Сталина: нет уж, голубчики, – резвитесь, но конечный результат не должен принадлежать никому, кроме меня одного. Все обязано уместиться в мой результат, если не уместилось — невместившееся должно *прекратить быть*» [\[3\]](#).

Правилен ли подобный подход с разными отношениями к героям истории? И вообще понимание истории Гефтером очень необычное. История не бесконечное историческое полотно, не имеющее ни начала, ни конца во времени, а локальные истории, с началом и концом (а что, спрашивается, до самих этих историй и после?). История законосообразна (детерминирована) и случайна. Ее порождают, и она порождает порождающего. Персоны типа Ленина и Сталина сами образуют историю (становятся

историческими «обстоятельствами»). История не столько исторические факты и события, сколько генезис истории, а, следовательно, историй одного и того же исторического процесса может быть несколько. История, если она история, требует осмысления, и вовсе не как объект исторического интереса, а как необходимое условие современности, исправления исторических путей развития.

«С этой точки зрения, – пишет Гефтер, – история возникает единожды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства. <...>

Значные места предопределенности и роль случаев, которые заводят машину истории, распаляя детерминационную похоть. Отсюда родом все суперперсоны политиков XX века. <...>

Историческое начинается там, где вещи, доселе не совместные, оказываются совмещены! Таинственная вещь, но если этого не понять, не заниматься историей. В момент, когда несовместимое станет совмещено, является харизматический лидер. <...> в ЦК готовятся к заседанию 2-го съезда Советов... в последний момент появился Ленин, и вопрос о докладчике отпал: о земле вправе выступить только он, это ясно всем. Ленин идет к трибуне – он совершенно не готов! Тогда он просто достает из кармана эсеровский наказ о земле, добавив к нему пару вступительных фраз, его зачитывает – и все! Игра сыграна. Программой большевиков стал наказ мужиков-эсеров – а в Советской России появился мужицкий царь» <...>

Человек, который извлек из кармана чужой наказ и объявил его всей России как программу советской власти...Действуя индетерминистски, человек формирует ультрадетерминистские реальности. Детерминизм — это детище человека. Он его выдумывает, его лепит, его изобретает — и становится пленником того, что сотворил <...>

Дело в том, что Ленин сам обстоятельство. Громадное, сильное и очень стойкое обстоятельство русской истории. Творя обстоятельства, он сам стал обстоятельством, которое надо объяснить. Вот загадка Ленина. <...>

Человек в огромной степени запрограммирован обстоятельствами, начиная с рождения, воспитанием, унаследованным опытом – с этой точки зрения он почти целиком задан! Но есть в нем щель незаданности. Человек не примиряется, пытаясь раздвинуть эту щель до освобождения от заданности, — это невозможно, это никому не удалось. Но на этой почве выросли утописты, пророки, революционеры, вожди, харизматики. <...>

Опровергнуть до полного исключения ее из человеческого существования! И если заданность – тягота, то история – освобождение, несущее в себе будущие тяготы и формирующее вторичную, от самой истории идущую заданность. Так что, когда мы сопротивляемся заданному, мы видим ее уже не в чистом виде, а в смеси, где трудно различить сорта и истоки заданного. <...>

История есть делаемая история. Потому что человек не только обнаруживает, что он в истории, он ее делает. То, что история делается, входит в ее определение». <...>

Придя к молчаливому Ленину, я увидел советский мир как русский. И теперь я могу ответить на вопрос, от которого никто из таких, как я, не уйдет, – вопрос о нашей причастности. О том, почему до сих пор мы не смеем ни преодолеть прошлое, ни понять

его, ни даже признать. В увиденном мной Ленине, в так открывшейся мне его личности, я нахожу силу и право дать ответ» [\[3\]](#).

Гефтер рисует следующую картину предпосылок русской революции. Маркс от всемирной и единой для всех народов истории приходит к идее многих развитий и возможных историй, отводя России в этом пространстве особое место. Ленин повторяет его ход мысли, приблизившись к пониманию фактической неготовности России к смене экономической формации и социального строя (об этом, кстати, писал Александр Богданов). Не в силах отказаться от первоначального замысла, Ленин с одной стороны, отводит НЭПу роль экономической предпосылки, настаивая на его временном характере, с другой – выходит на идею управления (корректировки) истории, чтобы последняя развивалась нужным для большевиков образом. Гефтер убежден, что эта идея корректировки истории и стала источником многих негативных последствий, в том числе концепции и практики тоталитаризма.

Здесь явно схема генезиса, очень интересная, но нуждающаяся в убедительной методологии и подтверждении историческими фактами. Вопрос, можно ли считать исторические исследования Гефтера удовлетворяющими этому требованию?

«Прежде для Маркса, – отмечает Гефтер, – развитие было одно, в единственном числе для всего человеческого земного шара, а теперь возможны развития, во множественном числе. Тогда встает новая проблема того, как это другое развитие, идущи своим ходом и взаимодействуя с классическим буржуазным развитием, создаст собственный вход в коммунистическую цивилизацию? Ведь на промежуточных ступенях между ними возможны тяжкие конфликты развитий — в форме войн, ожесточенных столкновений. Здесь в смутной, первоначальной еще форме, присутствует многое из последующего, что мы переживали на нашем веку. Тогда есть не только развитие, а еще и неразвитие, предразвитие, недоразвитие, отставание и т. п. <...>

У Ленина возникает совершенно новая идея развития. Решение аграрного вопроса создает в ней исходную предпосылку спонтанного естественно-исторического развития России. Эта спонтанность своим ходом не может пробить себе путь – спонтанность вводится. Как капитализм в России первично вводим абсолютизмом, так и свободное буржуазное развитие вводится сверху революцией – в лице революционной власти, которая выступит демиургом спонтанного развития, творцом естественно-исторической эволюции. <...>

В этом парадоксальном нововведении заключены все будущие коммунистические катастрофы – включая коллективизацию и эксперименты Мао. Когда власть, творимая революцией, выступает «демиургом спонтанности», то эта новация невольно может разойтись к своим полюсам. Одним из полюсов станет огромная утопия, питающая порыв миллионов крестьянских масс, а другим полюсом явится гипертрофия возникающей внутри революции власти. Которая из инструмента, предназначенного дать простор развитию, превращается в нечто иное. <...>

Возникает распорядитель развития, который почти изначально, утратив свойство спонтанности, приобретает совершенно другие свойства» [\[3\]](#).

Методология решения поставленных проблем

Это тот случай, когда применение готовых методов не является эффективным, требуется наметить методологию, которая годится для рассматриваемого материала и предмета. Такая методология должна ответить на следующие вопросы: с каким объектом, мы имеем

дело, и в какой дисциплине будем его рассматривать? Объектов два: первый, Гефтер, изучающий историю России и ее героев (Ленина, Сталина и др.), естественно, меня эта история тоже интересует, и второй объект, автор данной статьи, анализирующий и осмысляющий работы Гефтера. В некотором отношении я тоже принадлежу к цеху истории, поскольку во многих своих исследованиях реализовал методологию культурно-исторического подхода, кроме того, в 2018 году вышла написанная мною книга «Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука» [7]. Как методолога истории, а Гефтер, на мой взгляд, не только историк, но и методолог истории, меня интересует удивительное совпадение наших взглядов, ведь я Гефтера не знал, и прочел некоторые его работы только недавно.

Теперь о какой научной дисциплине должна идти речь? Прежде всего, о методологии: и методологии истории и шире вообще методологии, поскольку Гефтер в своих работах выходит на психологические и философские обобщения. Если следовать М. Бахтину, история является гуманитарной наукой, поскольку имеет дело с текстами, их истолкованиями (интерпретациями), рефлексивным знанием, взаимодействием двух акторов (познаваемым и познающим), индивидуальными феноменами. Чужие сознания, пишет Бахтин «нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тот час же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы <...>

Если понимать текст широко, – пишет Бахтин, – как всякий связанный знаковый комплекс, то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе) <...>

Науки о духе. Дух не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах...Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения...Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями...не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может» [1, с. 116, 281, 283, 285, 287].

Если принимать эти различия и высказывания, то для обсуждения сформулированных выше проблем нужно реконструировать, во-первых, понимание Гефтером истории, во-вторых, сравнить это понимание с авторской концепцией истории, образно говоря, организовав по Бахтину «разговор двух духов».

Авторское истолкование некоторых аспектов творчества Гефтера

Творчество сложный процесс, несколько раз возвращающийся в своему началу, чтобы уточнить или переосмыслить его, и снова последовательно выстроить дискурс. Тем не менее, на мой взгляд, он содержит некоторый механизм – *акты познания и разрешения проблем*, который движет, детерминирует разворачивание процесса творчества. Кратко действие этого механизма можно представить в следующей структуре.

проблемные и познавательные ситуации	→	СХЕМЫ	→	новые действия (деятельность, поступки)
---	---	--------------	---	---

В тексте Гефтера нетрудно увидеть основные проблемы, которые склонили его выбрать профессию историка и понимать историю как способ решения этих проблем и самой жизни. По сути, их три-четыре: детский страх перед еврейскими погромами, осмысление советской истории (гражданской и отечественной войнами, унесшими миллионы, культом Сталина и лагерями, тупиками перестройки и реформ), попыткой понять слепую веру интеллигенции в социализм и вождей революции, наконец, страхом и переживаниями возможного конца света в эпоху холодной войны.

«Бабушка, – вспоминает Гефтер, – первой приобщила меня к истории. Любимым рассказом детства была ее история о еврейских погромах в Одессе. Каждый раз, когда я просил, ее рассказ повторялся, и я уже знал, что будет дальше. С замиранием сердца ждал момента, когда погромщики приближаются к дому – пьяные физиономии, страшные уличные сцены, вопли, судорожное ожидание и кульминационный момент — с двух сторон дома выходят знаменитые одесские самооборонщики! Их звали *айдды-самооборонщики*. Они в упор стреляют в погромную толпу, та рассеивается. История впервые вошла ко мне с этим рассказом» . <...>

Война для меня из-за тяжелых ранений в августе 1942-го оказалась недолгой. Мучительных воспоминаний немного, вот два штришка. Первый. 1941 год, мы уходим от немцев, те идут по пятам – деревня, высоко стоящий дом. Я, мой друг Валя Вайсман с каким-то майором выходим из окружения. Навсегда запомнил фразу майора. Он был кадровый военный и мне сказал: «Ты думаешь, это Гитлер на нас идет? На нас тридцать седьмой год идет!» А мне нечего было ему ответить. <...>

Холодная война <...> это два поколения людей, выросших в ее рамках, надышавшихся ее воздухом. Это не заблуждение, которое можно отслоить от остальной жизни, <...> это проекция человека как такового. Это человеческая жизнь, которая дышит кровью. <...>

Россия в нынешних границах – огромное пространство, какого история не знала. Тем не менее, это и сверхдержава, обладающая достаточным оружием жизнеуничтожения. Холодная война кончается, не закончившись. <...>

Здесь вдруг вырисовался основной вопрос нашей планеты. Кто обещал, что человек сможет выжить? Кто докажет с фактами в руках, что человек может выжить? <...>

Мы не хозяева всех будущих, спонтанных и адских вещей. С какого боку вырвется магия, не знаем, а если бы и знали, нам ее не остановить. <...>

В XX веке человек возвращается к тому соотношению с Вселенной, которое было сугубо безразлично его архаическому предку. Он заново ощутил себя смертным родовым существом. Это ощущение вводит его соотносительность с Вселенной в отношение к текущей истории. Человека озадачивает судьба Вселенной, в пределах которой он стал одинокой фигурой (ср. [8])... в XIX веке кому было дело, тысячу или миллиард лет просуществует Солнечная система? Нынешний человек неосознанно ввел поправку на смерть в отношение к сущему и к своему месту в мироздании» [3].

Уясняя логику истории, восстанавливая прошлое, Гефтер разрешает указанные проблемы. Со Сталиным ему почти все ясно, прожитая жизнь вождя во всех его деяниях известна, к нему невозможно применить никаких определений, кроме негативных: безграничная жажда власти, восточная хитрость, бесчеловечность, чудовищные и грандиозные замыслы, допустимость любых средств, включая убийство, миллионы безвинных жертв. Конечно, это тоже реконструкция, но, кажется, для нее есть все

основания: и факты, и логика революции, и подходящая личность.

Иное отношение Гефтера к Марксу и Ленину: здесь он пытается организовать беседу двух духов. «Как вышло, – спрашивает Гефтер, – что век, который, казалось, навсегда отменил рабскую заданность человеческого существования, загнал себя в ловушку коллективного самоубийства? Я хочу это понять. Ленин меня бы не понял, а я его таким образом надеюсь понять. Я должен бы вступить на путь двойной рефлексии, рассказывая о себе, вступившем с Лениным в отношения, которые сами по себе проделали эволюцию. Он человек, который занял кусок моей жизни и расположился в нем» [\[3\]](#).

В плане этой беседы я бы отметил две вещи. Во-первых, марксистский андеграунд налицо, и неважно, что он Гефтером переосмыслен: это часть тебя, твоего прошлого. Во-вторых, Гефтер как историк приходит к предположению, что Маркс искал выход, поняв, что его концепция единой всемирной (унитарной) истории не верна. «Вывод Маркса – капитализм пережил свой второй “XVI век” и теперь начался сызнова. Значит, капитализм обладает неизвестным коммунистической теории ресурсом – за счет чего? За счет пространства планеты... Марксу очень важно, что на подходе Россия. Но важны и трудности внутреннего движения “Капитала”, где предмет заявлен как унитарно-планетарный. А планетарный оказывается не унитарен! Получается, что и коммунизм может быть унитарно-планетарен, а может быть глобален по-другому? Капкан предмета. И с этим Маркс уходит» [\[3\]](#). Именно с этой развилки в 20-х годах, по мнению Гефтера, начинает Ленин, столкнувшись с трудностями построения социализма в России.

Ленин был близок к тому, чтоб понять – мировой революции вообще не будет. Та мировая революция, на которую он рассчитывал, идя к Октябрю, вокруг идеи которой собралось руководящее ядро интеллигентов, эмигрантов и подпольщиков, – мировая революция в той форме, которую ждали, состояться не может... Мировая революция не удалась – где же выход?.. что же – России в одиночку проламываться вперед? Чаадаевский вопрос постучался в дверь к Ленину. Ответ Ленина на него, сокращая до телеграммы, можно выразить словами – мировая революция в одной стране. Формулой, настолько противоречивой, что она не поддается ни развертыванию, ни осуществлению. <...>

Этот человек готов был менять свой взгляд и не раз делал это. Но довести пересмотр до конца означало повторить то, что *почти успел* сделать предсмертный Маркс, – *пересмотреть основания*. На такую ревизию Ленин пойти не мог, хотя шел к ней. Но в особенности не мог другого: он не смел принести главной жертвы. Его новый взгляд на Мир – на этого многоукладного субъекта, с равноправностью его ипостасей, означал, что теперь надо было *принести в жертву Партию*. Такого он сделать не мог» [\[3\]](#).

А Сталин мог и, подготовившись, уничтожил старую Партию.

Опять, вынужден согласиться: это реконструкция истории, причем для нее не так уж много подтверждающего материала. Можно понять Анатолия Черняева, сказавшего: «Михаил Яковлевич! Это уже не новое прочтение марксизма – это ваше!». Однако для меня эта реконструкция вполне убедительная, во всяком случае, она многое объясняет. В гипотетическом теоретическом плане (в логике генезиса истории) можно предположить, что Ленин все же не вышел на сценарий отказа от прежней стратегии, также как и на идею естественного, своего пути российской революции, направляемой вождем и партией. Даже если это предположение верно, у нас нет фактов и серьезных аргументов, чтобы считать, что такое не могло быть. Одновременно, реконструкция Гефтера открывает перспективу разрешения тупика развития России: не революция, а

эволюция, не унитарное государство, а продуманная и обеспеченная новым социальным порядком и законом федерация.

«Новое государство, – пишет Гефтер, – можно строить только в стратегическом отступлении. Оно должно политически отступить в жестко ограниченные, всем известные пределы. Урезав ряд функций, за счет суверенизации или республиканизации России, как угодно. Сильная государственная власть еще возможна, но она уже не “Москва, Кремль”. Не располагая ресурсами, чтобы у всех все отобрать, а затем распределять самой, она вынуждена будет вступить в политическую игру с землями и договориться про новые правила. <...>

Сейчас речь идет о большем. О том, что основная тяжесть забот о ведении текущих дел возлагается на сами территории. И процесс суверенизации этих земель, по истории, масштабу, характеру населения растущих в целые страны – *русские страны!* – этот процесс неустраим. По отношению к нему есть только двоякое решение. Либо сила запрета, и тогда превеликая кровь, либо настоящая реформа – доведенный до конституционного основания федеративный союз. Включающий и русские страны, как бы те ни звались: земли, края, республики и так далее. В качестве главы государства, но не главы исполнительной власти президент должен стать лидером союза стран, образующих Россию. Стражем новой Федерации» [\[3\]](#).

Правда, вопрос, удалось бы построить настоящую федерацию, учитывая картину, которую нарисовал Гефтер: традицию авторитетной власти русских царей, утопическое сознание разночинцев и революционеров, многовековую привычку российского населения к беспрекословию и подчинению, неправое сознание, начиная с верхних этажей власти? Мало вероятно. И еще одно соображение. В конце работы Гефтер выходит на предположение, что начинается смена Эона: «Человек-добытчик использовал ресурсы Земли, заданные планетарной и космогонической эволюцией. Из обреченного он стал существом, использующим все, что есть на Земле. Теперь его главным ресурсом станут ресурсы, заключенные в самом человеке. Он переходит в этот модус вынужденно – отступая из эпохи истории, где наметилось уничтожение его вида и высших форм жизни на Земле... выросла опасность конца вида Номо вследствие нивелировки его высшими, “умными” технологиями прогресса. То есть вид *Nomo sapiens* должен будет как-то спасать себя от успехов собственной деятельности, искать новую основу и фундамент для разнообразящейся динамики человеческого... Значит, с человеком опять что-то случится. Может, не в последний раз, а может, на этот раз *Nomo sapiens*’у уже не удастся выскользнуть.» [\[3\]](#). Трудно сказать, что при такой смене будет происходить с Россией, не смое, не перекроит ли этот процесс все прежние цели и задачи.

Историческое самоопределение автора

Выше указаны две задачи: понимание Гефтером истории и сравнение этого понимания с авторской концепцией истории. Начну с того, что и для меня еврейские погромы, история России и страх перед концом света были актуальными проблемами. Об этом свидетельствуют мои сновидения. Помню, еще до службы в армии мне приснился сон, что я прячусь от погромщиков, которые меня все же находят; основное переживание – страх. Служил я в Германии в период обострения холодной войны. Командиры настраивали нас на ядерную войну, говоря, что за неделю мы должны на танках дойти до Ла-Манша, причем будем идти через Германию, разрушенную атомной бомбардировкой. Я так уставал, что в этот период мне ничего не снилось. Но после армии начал упорно сниться сон с одним и тем же сюжетом. Я бегу домой к родителям.

Вокруг развалины, оставшиеся после атомного взрыва. Они белые и светятся от радиации. Вокруг висит страх. Сон прошел через три года. Безусловно, это была психологическая травма [\[9\]](#). Думаю, у Гефтера тоже.

Светлана Неретина, возражая К. Попперу, утверждавшему, что «не может быть никаких быть исторических законов», а потому подобно многим историкам, рассматривавшего историю как «интерпретацию событий», пишет, что «сама история есть этот универсальный закон мира, приведенного в сознание», что такой закон есть «*мы сами как исторические существа*» [\[6, с. 433\]](#). Я бы согласился с поправками. Интерпретация исторической событий получается в результате реконструкции истории («человек, – пишет Гефтер, – это существо, которое изобретает прошлое» [\[3\]](#)). Отсюда выросла отрасль знания, где эта творческая игра приобретает форму реконструкции прошлого. В свою очередь, реконструкция истории обусловлена «историческим способом жизни личности» и особенностью осознания прошлого, которые характерны вовсе для всех. Необходимость осознания прошлого важна для правильного понимания себя, других и мира. Подлинная история – это всегда история, имеющая начало и конец и ясная в событийном отношении. Не о том ли самом пишет Неретина, утверждая, что миф – это сказ о жизни, как она *вообще* бывает, история – сказ о том, как она бывает в конкретный промежуток времени, возникает и умирает? [\[6, с. 20-21, 441\]](#).

Говоря об «историческом образе жизни личности», я подразумеваю три момента. Во-первых, исторический образ жизни предполагает жизнь не только со своими современниками, но и с давно ушедшими людьми. Естественно не со всеми, а со значимыми для нас. Говоря жить, я имею в виду: стараться понять их поступки, включать их в свой круг (люди, мои предки), черпать от них силы или, наоборот, защищаться, предоставлять, как писал Бахтин, им голос, задавать вопросы и прочее, т.е. все, что входит в гуманитарное понимание жизни как общения и единства совместного бытия. Во-вторых, исторический образ жизни предполагает убеждение, по которому прошлая жизнь людей как-то определяет мою настоящую жизнь. Вариантов исторической детерминации, как показывают исследования, существует много: продолжающаяся во мне социальная традиция, разотождествление с ней, отрицание прошлого, переосмысление прошлой жизни, ассимиляция ее, обновление прошлого и т.д. В-третьих, оба указанные здесь момента реализуются с опорой на правильные реконструкции истории, т.е. такие, которые удовлетворяют требованию «тождества и нетождества прошлого и настоящего» [\[10\]](#).

Когда я писал свою концепцию истории, еще не читал Гефтера. Прочтя, поразился, как будто я у него учился и решаю поставленные Гефтером задачи. Исторические задачи мне ставил не Гефтер, а мой учитель Георгий Щедровицкий, понимавший историю совсем иначе. Пройдя университеты «Московского методологического кружка», и разойдясь во взглядах со своим учителем, я кардинально пересмотрел его марксистские взгляды на историю. Возьмем всего лишь одну тему, обсуждаемую и Гефтером: начала и концы разных историй, разворачивающихся в лоне исторического времени. Как такое можно помыслить, и почему это не одна история? Не буду приводить аргументы общего характера, а рассмотрю один кейс – жизнь шведского ученого, а потом христианского эзотерика первой половины XVIII столетия Эмануэля Сведенборга. Сначала факты.

Сведенборг вырос в семье Еспера Сведберга, епископа и полкового священника королевской гвардии. Естественно получил хорошее религиозное воспитание, а потом и естественнонаучное. Окончил Упсальский университет и стал известным ученым и инженером (в пятьдесят пять лет Сведенборг опубликовал двадцать пять томов

исследований по минералогии, анатомии и геометрии). Был последовательным христианином, о чем свидетельствуют записи на многих страницах его трудов.

- «1. Часто читать Слово Божье и размышлять о нем.
2. Покорять себя во всем воле Божьего промысла.
3. Соблюдать во всех поступках истинное приличие и хранить всегда безукоризненную совесть.
4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего звания и долг службы, и стараться сделать себя во всех отношениях полезным членом общества» [\[11, с. 4\]](#).

Неожиданно Сведенборг оставляет науку и меняет образ жизни. «Этим событием, – пишет Хорхе Луис Борхес, – было откровение. Оно снизошло на Сведенборга в Лондоне; как было отмечено в его дневнике, откровению предшествовали сны... В Лондоне какой-то незнакомец шел за ним по улице и, войдя в его дом, назвал себя Иисусом Христом. Он сказал, что Церковь приходит в упадок, подобно еврейской церкви перед приходом Христа, и что Сведенборг должен обновить ее, создав третью церковь, церковь Иерусалима... Он сказал, что Сведенборгу будет позволено посетить мир иной, мир духов с бесчисленным количеством небес и адов. Он сказал, что Сведенборг должен изучить Священное Писание. И прежде чем что-нибудь написать, Сведенборг посвятил два года изучению еврейского языка, потому что он хотел читать Священные тексты в оригинале. Он снова принялся их штудировать и усмотрел в них основу для своего учения. Это немного напоминает каббалистов, которые основываются в своих поисках на Священных текстах...» [\[2, с. 521-522\]](#).

«Тайны, открываемые на следующих страницах, – пишет сам Сведенборг, – относятся к небесам и аду и к жизни человека после его смерти. Ныне человек церкви едва ли что знает о небесах и об аде и о жизни своей после смерти, хотя обо всем этом писано в Слове. Даже многие принадлежащие к церкви все это отрицают, говоря себе: кто оттол приходил и рассказывал? Но эта склонность к отрицанию, преимущественно свойственная многоученым мира сего, не заразила и не испортила простых сердцем и простой верой, мне дано было в течение 13 лет быть вместе с ангелами, говорить с ними как человеку с человеком и видеть, что происходит на небесах и в аду. В настоящее же время мне дано описать, что я видел и слышал в той надежде, что невежество просветится и неверие уничтожится. Такое непосредственное откровение совершается ныне потому, что оно то самое, которое разумеется под пришествием Господа» [\[11, с. 14\]](#).

Ферелиус, друг Сведенборга, за год до смерти спросил, не намерен ли Сведенборг «перед смертью для обнаружения истины отречься, может быть, от чего-нибудь из того, что он написал. На это Сведенборг, поднявшись с кровати и положив руку на грудь, отвечал с некоторым жаром, свидетельствуя истину всего им написанного и прибавив, что мог бы написать гораздо больше, если бы это было ему позволено». Исповедуясь, перед смертью, Сведенборг сказал: «Все мною написанное, – чистая истина... вы впоследствии с каждым днем будете более и более убеждаться в этом» [\[11, с. 13-14\]](#).

Теперь моя интерпретация. Первая история Сведенборга обычная, начинается с детства и до самой смерти, – это жизнь глубоко верующего христианина. Вторая история уже необычная, Сведенборга эзотерика. Вышел он на эзотеризм, разрешая противоречия двух картин мира – духовной, христианской и научной. Например, в его учении Бог – не Троица, а единое Существо (очевидно, с точки зрения науки, ипостаси Творца

воспринимались Сведенборгом как противоречие). Каждый человек в учении Сведенборга – бессмертный дух. В этом отношении смерти нет, а есть духовная трансформация. Так была разрешена невозможность для ученого помыслить воскрешение из мертвых. Со временем Сведенборг выходит на эзотерическую идею двух миров, подлинного, духовного и вторичного, природного.

«Словом, – пишет Сведенборг, – все, что есть в природе, от самого малого предмета и до самого большого, есть соответствие; потому что мир природный со всеми своими принадлежностями заимствует свое бытие и существование от мира духовного, а тот и другой от Божественного...Кто после этого, мысля хоть несколько по здравому рассудку, скажет, что все эти чудеса не от духовного мира, которому природный служит телесной оболочкой или для того, чтоб духовную причину представить в вещественном проявлении» [\[11, с. 54-55\]](#).

Третья история – мистическая. Она начинается с посещения Сведенборгом неба и ада, общения с ангелами, причем все это для Сведенборга реальность, в которой невозможно усомниться. «Теперь, – пишет Сведенборг, – обратимся к опыту. Что ангелы имеют человеческий образ, то есть что они такие же люди, это я видел до тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видел, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения» [\[11, с. 42\]](#).

По отношению к этим высказываниям, конечно, можно занять позицию, сформулированную И.Кантом, мол, Сведенборг фантаст и ненормальный. «Поэтому, – пишет Кант, – я нисколько не осужу читателя, если он, вместо того, чтобы считать духовидцев наполовину принадлежащими иному миру, тотчас же запишет их в кандидаты на лечение в больницы и таким образом избавит себя от всякого дальнейшего исследования...в творчестве Сведенборга я нахожу ту самую причудливую игру воображения, какую многие другие любители находили в игре природы, когда в очертаниях пятнистого мрамора им рисовалась святая семья или в сталактитовых образованиях – монахи, купели и церковные органы...Я устал приводить дикие бредни самого дурного из всех фантастов или продолжать их вплоть до описания им состояния после смерти...было бы напрасно пытаться скрыть бесплодность всего этого труда – она бросается в глаза каждому» [\[5, с. 327, 340, 347\]](#).

Однако, на мой взгляд, в данном случае неважно, существует сведенборгианский мир или его нет. Жизнь человека протекает не столько в природном окружении, сколько в семиотике и воображении. Недаром в настоящее время мы так озабочены цифровизацией и искусственным интеллектом.

Итак, три истории: каноническая христианская, эзотерическая, тоже христианская, но не каноническая, и мистическая и, действительно, в одном историческом времени новоевропейской культуры. Для меня понятно, о чем пишет Гефтер: да отдельные истории с началами (становлением) и концами (завершением).

Заключение

В данной статье я коснулся только нескольких проблем методологии истории, затронутых Гефтером. Остальные на очереди. Закончить я бы хотел следующими его высказываниями.

«История – это попытка построить человеческую жизнь, которая не может состоять из одного только сознания и мышления...История есть попытка втянуть всю жизнь в акт ее осознания и сказывания. <...>

С этой точки зрения история возникает единожды. Она однократна. Тогда можно представить, отчего она иссякает в настоящее время. Ведь то, что представлялось высшим для человека – мышление осознания, принужденное к растворению в повседневности, – неизбежно приобрело зловещие свойства. <...>

Светлана Неретина отчасти права, называя мои взгляды исторической эсхатологией, что-то в этом действительно есть. Но как бы мне при этом не оттолкнуть свою идею не конца, но исчерпания истории?» [\[3\]](#)

«Спросят: а к чему это обращение к прошлому? Отвечаю: во имя сохранения очеловеченной Земли и себя – Человеком. Сохранения, благодаря изменению, развитию, у которого главный азимут – не единство на единственной, пусть даже самой идеальной основе, а единство, проистекающее из различий, из диалога различий, из взаимного оспаривания их, как и взаимной заинтересованности в том, чтобы они были, были «вечно» и жили своей жизнью» [\[4\]](#).

Библиография

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Борхес Х.С. Думая вслух // Борхес Х.С. Собр. Соч.: В 4 т. СПб, 2005.
<http://lib.ru/BORHES/dumaya.txt>.
3. Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. 2023. <https://predanie.ru/book/220783-tretego-tysyacheletiya-ne-budet-russkaya-istoriya-igry-s-chelovechestvom/#/toc3>
4. Гефтер М.Я. Сталин умер вчера // Подборка перестроечной публицистики. 2024.
<yadi.sk/i/4g5q3h7ZZbv4Qg>.
5. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Кант И. Собр. Соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 511 с.
6. Неретина С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. – М.: Голос, 2018.
7. Розин В.М. Новая концепция истории: История как образ жизни личности, социальный дискурс и наука. М.: URSS, 2018. 208 с.
8. Розин В.М. Образы и парадоксы Вселенной. Прологомены к рефлексивной концепции космологии. М.: Голос, 2024. 164 с.
9. Розин В.М. Понятие и феномен травмы: биологический, психологический и социокультурный аспекты // Электронный философский журнал Vox: Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org>. Выпуск 42 (сентябрь 2023). С. 50-69.
10. Розин В.М. Дискурсы исторического познания и история как способ жизни // Электронный философский журнал Vox: <http://vox-journal.org> Выпуск 27 (декабрь 2019). С. 34-60.
11. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде. Киев: Украина, 1993. 336 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации статья написана в стиле эссе, и я невольно поддаюсь

влиянию ее автора и извиняюсь перед редакцией за некоторое нарушение рецензионного стиля. Тем более, что предмет статьи очевиден из ее названия, а метод сам по себе является ее главной темой

Для меня размышления автора статьи стали таким же неожиданным открытием, каким для него самого стали сочинения М. Гефтера. Я тоже могу констатировать, что интересующая автора тема очень близка мне последние десятилетия. Главную мысль статьи, как мне кажется, вполне передают две фразы: «Человек – это существо, которое изобретает прошлое» (Гефтер) и «Жизнь человека протекает не столько в природном окружении, сколько в семиотике и воображении» (автор статьи). Чтобы несколько сбить пафос, приведу в чем-то близкое этим фразам, но более скептическое утверждение П. Валери: «Жизнь являет собой необыкновенно реальное сочетание элементов, одни из которых никчемны, другие — иллюзорны».

У меня вызвало некоторое сожаление, что автор даже не упоминает о различных направлениях так называемого «методологического нарративизма», которые сложились в различных областях знания. «Методологический нарративизм» – это убеждение, что характер тех или иных теоретических дисциплин зависит от того, как выстраивается повествование о событиях. Наверное, наиболее востребованным нарративизм оказался в описании методов как раз исторической науки (Х. Уайт, Ф. Анкерсмит и др.). Параллельно этот же подход проявился в исследованиях оснований морали А. Макинтайра, а еще раньше в герменевтике «позднего» П. Рикёра. Позднее к нарративизму стали прибегать в психотерапевтической практике, например, М. Уайт, Д. Эпстон и др. Пожалуй, можно даже утверждать, что нечто подобное складывается и в естественных науках. Общим местом для всех этих подходов является утверждение А. Макинтайра: «Человек в своих действиях на практике и в своих вымыслах представляет животное, которое повествует истории», вполне коррелирующее с процитированным выше утверждением автора статьи. А вне таких историй т. н. «реальная жизнь» состоит из отдельных событий и действий, которые никуда не ведут, не обладают никаким порядком и никак не связаны друг с другом. В таком виде «реальная жизнь», говоря словами героя романа Сартра «Тошнота», вообще непостижима.

К сожалению, все эти подходы существуют пока независимо друг от друга, хотя, на мой взгляд, могли бы сложиться в некую единую «философия нарратива».

Впрочем, если автор статьи стал бы упоминать различные нарративные методы, то это увело бы читателей от главной темы статьи: исторической методологии М. Гефтера. Кроме того, отсутствие подобных упоминаний с лихвой компенсируются интересными рассуждениями о Сведенборге.

Таким образом я считаю, что статья отвечает всем самым высоким научным требованиям. Статья ярко и убедительно написана, и может быть опубликована в журнале без каких-либо добавлений.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Филиппова Т.П. Минерально-сырьевые ресурсы европейского Севера РСФСР-СССР в программе научного изучения естественных производительных сил страны в 1917–1920-е гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.74029 EDN: HNIVBM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74029

Минерально-сырьевые ресурсы европейского Севера РСФСР-СССР в программе научного изучения естественных производительных сил страны в 1917–1920-е гг.

Филиппова Татьяна Петровна

кандидат исторических наук

Старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр "Коми научный центр Уральского отделения Российской
академии наук"

167000, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24, оф. 311

✉ tanya.tatiana-fil@yandex.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74029

EDN:

HNIVBM

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2025

Дата публикации:

14-05-2025

Аннотация: Статья актуализирует внимание на проблеме освоения минерально-сырьевого потенциала европейского Севера России через призму осмысления исторического опыта научных исследований этой территории в начальный период советского государства – 1917–1920-е гг., в контексте решения государственных задач по изучению и практическому использованию естественных производительных сил РСФСР-СССР. Объект изучения – деятельность государственных ведомств и научно-исследовательских учреждений, направленная на освоения природных ресурсов

европейского Севера страны. Предмет исследования – историческая роль науки в изучении минерально-сырьевых ресурсов европейского Севера страны и получение результатов для дальнейшего индустриального развития этого региона. Основа исследования – документы фондов Российского государственного исторического архива, Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, Центрального государственного архива научно-технической документации г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Национального архива Республики Коми, часть из них вводится в научный оборот впервые. Одну из составляющих источниковой базы работы составили опубликованные законодательные акты, характеризующие деятельность советского правительства, а также научные труды ученых. Методологической основой исследования стали принципы современной исторической науки: историзм и научная объективность. Примененный системный подход позволил создать объективную историческую реконструкцию событий, связанных с изучением минерально-сырьевых ресурсов европейского Севера в обозначенный временной период. Определено, что после 1917 г. европейский Север находился в зоне особых приоритетов советского правительства. Решение государственных задач по расширению минерально-сырьевой базы страны для выхода из кризиса обусловило необходимость широкого применения минерального сырья этой территории в развитии экономики. Это положило начало экспедиционной деятельности научных учреждений в 1920-е гг. Ее результатами стало открытие важнейших для страны месторождений полезных ископаемых – апатит-нефелиновых руд, пегматитов, каменного угля и др. Сделан вывод, что в период 1917–1920-х гг. проблема освоения европейского Севера получила общегосударственное значение, что дало мощный посыл к ее систематическому изучению и дальнейшему индустриальному развитию. Изучение истории познания северных территорий может дать новый импульс к осмыслению современных проблем освоения минерально-ресурсного потенциала европейского Севера России.

Ключевые слова:

европейский Север, научное изучение, минерально-сырьевые ресурсы, производительные силы, РСФСР, СССР, государственный план электрификации, ученый, геологические исследования, экспедиция

Современная Россия находится в поисках путей будущего развития районов Крайнего Севера и Арктики, одним из ключевых факторов пристального внимания к этим территориям является их стратегическое значение в обеспечении страны ценными минерально-сырьевыми ресурсами [\[1, 2\]](#). В данных условиях среди научного сообщества заметно актуализировались вопросы истории изучения этих районов. Большой интерес для современных ученых представляет анализ мобилизационной модели освоения Севера и Арктики, реализованный в советский период истории нашей страны [\[3, 4, 5\]](#). Под влиянием значительных политических перемен и экономического кризиса после 1917 г. советское правительство инициировало масштабный процесс изучения и оценки производительных сил периферийных районов. Реализация этой программы способствовала развитию минерально-сырьевой базы, и дала начало ускоренному формированию горнопромышленной индустрии в отдаленных уголках страны. В условиях формирования современных проектов развития Севера и Арктической зоны чрезвычайную актуальность приобретает оценка исторического опыта, планов и проектов прошлого, что может в сочетании с новейшими научно-технологическими достижениями

дать новый импульс к осмыслению проблемы освоения минерально-ресурсного потенциала этих территорий. Одним из северных регионов, где был опробован опыт форсированного освоения в советский период, стал европейский Север России, занимающий обширное пространство на карте нашего государства – от Кольского полуострова и Карелии на западе до Северного Урала на востоке. В административном отношении он включает Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, Республики Карелию и Коми, Ненецкий автономный округ. Сегодня этот регион имеет стратегическое значение для развития страны, он является одним из основных поставщиков минерального сырья (нефти, каменного угля, руд, газа и др.) в центральные районы России.

Истории познания этой территории посвящено значительное число опубликованных работ [\[6, 7, 8\]](#). В фокусе внимания исследователей история экспедиций, деятельность научных учреждений, созидательная роль отдельных ученых в изучении этой территории. Однако в настоящее время малоисследованными остаются аспекты о взаимосвязи результатов научных исследований с дальнейшим промышленным развитием региона. Цель статьи – проанализировать ключевые задачи и направления деятельности в научном изучении европейского Севера РСФСР-СССР в условиях реализации задач по расширению минерально-сырьевой базы страны в начальный период истории советского государства в 1917–1920-е гг.

Проведенное исследование базируется на анализе неопубликованных и опубликованных источников. В основу положен комплекс архивных документов, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива, Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, Центрального государственного архива научно-технической документации г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Национального архива Республики Коми, сохранивших документальные свидетельства об истории изучения Севера. Кроме этого значительную часть источниковедческой базы составили опубликованные законодательные акты, характеризующие работу советского правительства – постановления, распоряжения органов государственной власти по вопросам развития экономики и науки. Среди них первостепенное значение имели – Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО) 1920 г. и материалы Первого пятилетнего плана народно-хозяйственного строительства СССР (1928–1932), изучение которых позволило определить задачи, которое ставило государство перед научным сообществом в изучении европейского Севера. Не менее важной составляющей исследования стала работа с трудами ученых, которые зафиксировали сведения об их мнениях и научных поисках.

На протяжении истории территория европейского Севера России находилась в фокусе пристального внимания науки и государства, однако суровые климатические условия и отдаленность от центра долгое время являлись препятствиями к ее исследованию. Первые шаги в научном изучении европейского Севера России были сделаны в конце XVIII в., когда экспедиций академиков П. С. Палласа [\[9\]](#) и И. И. Лепехина [\[10\]](#) положили начало физико-географическому и геологическому изучению территории. В течение XIX столетия исследования были продолжены единичными экспедициями Императорского Санкт-Петербургского Русского географического общества, Корпуса горных инженеров, Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества, Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Потребности развития экономики России, когда промышленность нуждалась в минерально-сырьевых ресурсах, обусловили ключевые направления в изучении европейского Севера – поиск полезных ископаемых и расширение знаний о его геологическом строении. Важное значение имели результаты

исследований Н. В. Широкина (1834) [\[11\]](#), А. И. Шренка (1837) [\[12\]](#), К. М. Бэра (1837–1840) [\[13\]](#), А. Ф. Мидендорфа (1840) [\[14\]](#), А. А. Кейзерлинга (1843) [\[15\]](#), Э. К. Гофмана (1847–1950) [\[16\]](#) и др. Учеными было положено начало изучению Тиманского кряжа, Полярного Урала, Хибинского горного массива. Определено наличие полезных ископаемых – каменного угля, золота, серного колчедана, нефтеносных пород.

Начало систематических исследований этой территории связано с деятельностью первой государственной геологической службы страны – Геологического комитета, организованного в 1882 г. в составе Горного департамента. Исследования Северного Урала, Тимана, Кольского полуострова (Е. С. Федоров, Ф. Н. Чернышев, П. Б. Риппас и др.) [\[17–19\]](#) дали для науки новые сведения о геологии европейского Севера России. В нач. XX в. важнейшим направлением изысканий комитета стало изучение Ухтинского нефтеносного района и оценка его перспектив для промышленности – П. И. Полевой (1907) [\[20\]](#), А. Н. Замятин, Н. Н. Яковлев (1909–1910) [\[21\]](#).

Значимость европейского Севера стала четко осознаваться правительством Российской империи только в начале XX столетия, когда поражение в русско-японской войне поставило перед страной задачу освоения Северного морского пути, как важнейшей транспортной артерии, связывающей Запад и Восток. Это обусловило необходимость развития районов прилегающих к акватории северных морей. Важным шагом в решении вопросов колонизации и изучения европейского Севера стало строительство морского порта на Кольском полуострове и прокладка Мурманской железной дороги (1915–1916). Немаловажную роль в актуализации внимания к Северу сыграли изыскания Геологического комитета, проведенные вдоль прокладки железнодорожной магистрали на Кольском полуострове и территории Карелии, проведенные в 1916–1917 гг. (А. А. Полканов, Н. Г. Кассин, В. И. Соколов, Д. В. Соколов и др.) [\[22–23\]](#). В результате были выявлены месторождения железных руд, строительных материалов, пегматитовых пород и др. Тем не менее, проведенные изыскания охватывали лишь отдельные районы европейского Севера России, большая часть этой территории к концу 1917 г. оставалась «белым пятном» для науки.

1917 г. стал эпохальным годом в истории России, который ознаменовал слом всего существующего устройства страны. Под влиянием больших политических перемен и разразившегося экономического кризиса актуальность приобрели вопросы использования природных ресурсов отдаленных регионов. Необходимость поиска новых источников минерального сырья, таких как уголь, нефть, руды цветных металлов обусловили пристальное внимание правительства к изучению периферийных территорий уже в первые годы советской власти.

Проблема необходимости вовлечения сырьевых ресурсов страны в экономику была поставлена после прихода большевиков к власти. В работе председателя Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленина 1918 г. «Очередные задачи Советской власти», которая стала фактически планом будущего социалистического строительства, подчеркивалась необходимость обеспечения крупной индустрии страны материальной основой. Главным ключом к этому являлись «гигантскими запасы» полезных ископаемых, находящихся в недрах России [\[24, с. 188\]](#). Формируемая в РСФСР программа изучения естественных производительных сил страны была напрямую увязана с задачами подъема экономики, что настоятельно требовало организации поиска источников минерального сырья. В связи с этим подлежала коренной перестройке и работа всей государственной геологической службы, которая в первые годы советской власти приобрела новые организационные формы.

Руководство геолого-поисковыми работами правительство возложило на Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ), образованный в 1917 г., как центральный орган управления народным хозяйством. В системе ВСНХ началась организация профильных комитетов, которые ведали вопросами, связанными с добычей и переработкой полезных ископаемых (Главный Торфяной комитет, Главный нефтяной комитет, Главный угольный комитет) [25, с. 462–463, 503]. В рамках новых приоритетов усилилась роль Геологического комитета, работа которого также подлежала перестройке. В 1918 г. он был передан в ведение ВСНХ, а его деятельность сориентирована на поиски сырьевых ресурсов. В новых условиях комитет стал организационным центром комплекса геологических исследований в стране. Несмотря на события Гражданской войны к лету 1918 г. профильными геологическими ведомствами развернулась работа по поиску и разведке полезных ископаемых в центральных губерниях, Оренбургском крае, Астраханской губернии, под Петроградом [26, с. 85].

Для реализации поставленных задач по расширению производительных сил советскому правительству необходимо было привлечь к сотрудничеству все научные силы и выстроить новую систему взаимодействия власти и науки. В апреле 1918 г. В. И. Ленин рекомендовал ВСНХ поручить Российской академии наук организовать работу комиссий для составления плана реорганизации промышленности и экономики для обеспечения страны главными видами сырья (нефти, угля, железных руд). К решению этой задачи была привлечена Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она функционировала в составе Академии наук еще с 1915 г., занимаясь сбором сведений о естественных производительных силах России. После 1917 г. деятельность Комиссии заметно активизировалась, ее силами начались поиски минерального сырья на Мурманском побережье, в Вологодской губернии, а также в центре страны [27].

В 1918–1923 гг. сотрудниками Геологического комитета и КЕПС издавались сборники «Полезные ископаемые», который представлял сводку недр страны [28, 29]. Эти издания обозначили неразрывную связь геологических исследований с оценкой запасов полезных ископаемых и стали основой для расширения минерально-сырьевой базы.

В течение 1918 г. в советской России оформилась новая структура геологической службы, что позволило под контролем государства развернуть интенсивные изыскания в перспективных ресурсных районах РСФСР. Однако внешняя и внутренняя обстановка в этот период были неблагоприятны. В условиях Гражданской войны и иностранной интервенции, когда страна оказалась отрезанной от основных поставщиков сырья, правительством на первый план были выдвинуты вопросы поиска новых источников ценных недр. В это время изучение европейского Севера было обозначено на высоком правительственном уровне как важное стратегическое направление.

В 1918 г. РСФСР находилась в огне Гражданской войны. В связи с английской интервенцией на юге страны доступ к нефтяным месторождениям Грозного и Баку был заблокирован. В связи с возникшим топливным кризисом 13 июля 1918 г. Постановление СНК предписывало ВСНХ «представить предположения на обследование нефтяных и угольных богатств Печорского края» [30, л. 3]. Данная задача была возложена на Геологический комитет. Летом 1918 г. Ухтинский нефтеносный район посетила экспедиция руководителя нефтяной секции комитета геолога К. П. Калицкого. Ее результаты подтвердили выводы предшествующих экспедиций о наличии перспективных месторождений нефти, но обозначили проблему нерентабельности промышленного освоения этой территории, которое требовало значительных финансовых затрат [31].

На тот момент в научных кругах советской России уже существовала дискуссия о нефтяных богатствах Ухты. Несомненно, в это время над учеными довлел замысел руководства государства о создании новых топливно-энергетических районов. С одной стороны этой полемики были ученые Геологического комитета, убежденные в том, что нефть на Ухте есть, но ее немного и заниматься ее освоением в данный момент невыгодно. С другой стороны, часть геологов считала, что район необходимо начать незамедлительно изучать. Одним из сторонников этого мнения был руководитель Главного нефтяного комитета ВСНХ геолог И. М. Губкин, убежденный в большой перспективности этой территории [\[32\]](#).

В 1919 г. по инициативе И. М. Губкина Главный нефтяной комитет РСФСР принял решение выделить средства на дальнейшее изучение Ухтинского района. Будущая экспедиция готовилась совместными усилиями Главного нефтяного комитета и Геологического комитета [\[33, л. 20, 32\]](#) и состоялась уже летом 1919 г., но из-за развернувшихся событий Гражданской войны добраться дальше среднего течения р. Вымы она не смогла.

О формировании в деятельности советского правительства «северного» направления свидетельствует факт создания специального органа. 30 января 1919 г. Постановлением коллегии Народного комиссариата торговли и промышленности учреждена Комиссия по изучению и практическому использованию Русского Севера при Петроградском отделении Научно-технического отдела (НТО) ВСНХ (председатель – геолог И. П. Толмачев). В ее состав вошли представители государственных структур (ВСНХ, Наркомат торговли и промышленности и др.) и научных учреждений (Геологический комитет, комиссий Российской академии наук и др.). Она ставила своей задачей изучение естественных производительных сил европейского Севера с целью их практического использования. Для их выполнения и реализации Комиссия должна была производить сбор, обработку, систематизацию материалов, накопленных об исследованиях этой территории, разрабатывать научные планы и осуществлять экспедиций [\[34, л. 6-7\]](#). В рамках ее деятельности создавались специальные бюро, которые ведали отдельными вопросами (Соляное бюро – развитие солеварения на Севере, Промысловое бюро – обследование морских и звериных промыслов).

Учитывая одно из приоритетных направлений в познании европейского Севера – изучение ухтинских нефтеносных месторождений, в ее составе 30 апреля 1919 г. было создано специальное Ухтинское бюро. Оно было призвано объединить работу организаций, занимавшихся изысканиями в Ухтинском нефтеносном районе (Геологический комитет, Наркомат путей сообщения, Главный нефтяной комитет и др.) [\[35, л. 27-27 об.\]](#). Работа бюро сосредоточилась на изучении «Ухто-Печорской проблемы», то есть на решении актуальных вопросов по поиску нефти и угля в бассейне р. Печоры. На заседаниях обсуждалась и координировалась работа экспедиций, направляемых в этот район. Бюро занималось разработкой плана промышленно-экономического обследования Ухтинского нефтеносного района.

В 1919 г. по инициативе Ухтинского бюро, при поддержке ВСНХ, вопрос об ухтинской нефти, в том числе проблема транспортных связей с этим районом, рассматривался Малым и Большим Совнаркомом. Такое внимание диктовалось по-прежнему сложным топливным кризисом в стране. Результатом обсуждения стало Постановление СНК РСФСР от 9 апреля 1919 г., которое предусматривало создание специальной комиссии для решения «Ухто-Печорской проблемы», развертывание экспедиционных изысканий в Ухтинском районе, строительство железной дороги, которая бы соединила район Ухты с

Московской железнодорожной магистралью [\[36, л. 39–40\]](#). Однако события Гражданской войны не дали возможность осуществить данный проект.

Вовлечение в арену боевых действий, значительной части европейского Севера, а также недостаточное финансирование деятельности Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера стали причинами того, что экспедиционная деятельность Ухтинского бюро не получила широкого развития. Единственной стала экспедиция, направленная в бассейн р. Печоры в 1919 г., которую возглавил геолог Н. А. Кулик. В ее задачи входило экономическое и геологическое обследование обширного района бассейна р. Печоры. Одним из ведущих направлений исследований должно было стать изучение Ухтинского района, однако в связи с военными действиями на Севере добраться до р. Ухты ученым не удалось.

В январе 1920 г. решением коллегии НТО ВСНХ Комиссия по изучению и практическому использованию Русского Севера была присоединена к Научной комиссии Петроградского отделения НТО ВСНХ, ее задачей оставалось всестороннее изучение Русского Севера для промышленного использования [\[6, с. 21–22, 26\]](#).

Государственные задачи по включению производительных сил европейского Севера в общую экономическую систему государства были обозначены в разрабатываемом в 1920 г. правительством страны Государственном плане развития электроэнергетической отрасли РСФСР. По своей сути документ должен был стать единым государственным планом развития народного хозяйства на ближайшее десятилетие. Важнейшей целью страны провозглашалась электрификация. Одобренный в декабре 1920 г. VIII Всероссийским съездом Советов план Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО) впервые официально задокументировал проблему индустриализации Севера и необходимость включения ее сырьевых ресурсов в экономику страны. Европейский Север РСФСР рассматривался как богатейшая база естественных природных ресурсов, а его потенциал оценивался наравне с крупными промышленными центрами – Уралом и Донбассом. Центральное значение отводилось лесным ресурсам, топливно-энергетическому сырью (торф, уголь, нефть, горючие сланцы), рудным полезным ископаемым. Среди ключевых направлений, вокруг которых должно было сосредоточиться научное исследование этих территорий, значилось изучение естественных ресурсов Кольского полуострова, Карелии и Полярного Урала [\[37\]](#).

Согласно плану, намечался целый комплекс изыскательских работ на европейском Севере, которые должны были дать новые знания о геологическом строении этой территории и ее недрах. Несмотря на то, что этот регион рассматривался как богатейшая сырьевая база, превосходившая другие районы страны по количеству естественных ресурсов, разработчики плана подчеркивали, что задача изучения и промышленного развития этой территории сложная и требует высоких затрат для экономики. Узловыми проблемами, которые препятствовали ее индустриальному развитию, авторами ГОЭЛРО обозначались недостаток рабочих кадров и слабое развитие транспорта и инфраструктуры [\[38\]](#). К реализации этих масштабных государственных задач был привлечен ряд научных учреждений, основными задачами которых стали поиски и изучение месторождений полезных ископаемых на европейском Севере страны.

Ключевым событием для постановки вопроса изучения минерально-сырьевых ресурсов европейского Севера стала организация 4 марта 1920 г. Приказом ВСНХ РСФСР Северной научно-промысловой экспедиции (далее – Севэкспедиция) (с 1925 г. – Научно-

исследовательский институт по изучению Севера) (председатель Президиума – Р. Л. Самойлович). В состав организации вошли представители ведущих научных учреждений: Геологического комитета, Русского географического общества, Полярной комиссии Российской академии наук и др. Основной задачей Севэкспедиции определялось производство научных исследований естественных производительных сил Русского Севера в целях их практического использования, а также руководство и координация научно-практических работ. Ее деятельность включала исследования рыбно-зверобойных промыслов, оленеводства, изучение почвенно-ботанических и экономических условий. Одной из генеральных линий являлись геологические изыскания и поиски полезных ископаемых, разработка плана их добычи и рационального использования для нужд промышленности [\[39, л. 1–3\]](#).

После отхода белых войск с территории европейского Севера в 1920 г. отряды Севэкспедиции предприняли ряд геологических экспедиций. На Кольском полуострове Хибинским отрядом академика А. Е. Ферсмана была обследована центральная часть полуострова. Ученым удалось собрать уникальные сведения о геологии Хибинского массива и богатую коллекцию редких минералов (энигматита, эвдиалита, эвколита, астрофиллита и др.). Отряд под руководством профессора П. В. Виттенбурга работал в северной части полуострова, важнейшим итогом стало подтверждение наличия в этом районе месторождений железных руд. Первые результаты работ Севэкспедиции обратили на себя внимание правительства. На межведомственных совещаниях, созванных НТО ВСНХ 10 и 13 декабря 1920 г. итоги работы учреждения получили положительную оценку, а его деятельность признана «имеющей общегосударственное значение» [\[40, л. 25\]](#).

Окончание военных действий на территории европейского Севера страны позволили деятельности научных учреждений развернуться с большим географическим масштабом.

В период Гражданской войны основные каменноугольные районы (Кузбасс, Восточная Сибирь, Урал и др.) оказались отрезаны от центра. Одним из источников ценного сырья могла стать территория бассейна р. Печоры, где в XIX столетии были выявлены признаки угленосности. На эту главную задачу были ориентированы исследования Севэкспедиции в этом районе. С 1921 г. исследованиями отрядов под руководством геологов А. А. Чернова, Д. Д. Руднева, В. А. Варсановьевой, Т. Н. Добролюбовой, Е. Д. Сошкиной были охвачены районы бассейнов рр. Косью, Усы, Печоры, Илыч, Подчерем, Щугор [\[41\]](#). Проведенные изыскания свидетельствовали о значительных запасах каменного угля на севере страны. Полученные данные позволили профессору А. А. Чернову к 1924 г. обосновать представление о границах Печорского каменноугольного бассейна, что стало ключевым выводом о промышленной перспективности этого района [\[42, л. 7–8\]](#).

С 1924 г. в связи с начавшимся процессом реорганизации Севэкспедиции к исследованиям потенциальной угленосности в бассейне р. Печоры подключился Геологический комитет. За период 1924–1928 гг. под эгидой геологической службы отрядами геологов В. А. Варсановьевой, Т. А. Добролюбовой, А. А. Чернова, Н. А. Кулика, Б. К. Лихарева изучались бассейны рр. Кожим и Косью, где были определены проявления каменного угля и нефти, а также велись работы по составлению десятиверстной карты Тимана, Северного Урала, Большеземельской тундры [\[43, 44\]](#).

К середине 1920-х гг. Геологический комитет вновь вернулся к обсуждению Ухтинской проблемы. В 1925 г. на основании имеющихся сведений геолог Д. В. Наливкин предложил новую схему стратиграфии Ухтинского района, обосновав его

перспективность на нефть и газ [\[45\]](#). Другим важным фактором для актуализации данного направления стала необходимость поисков месторождений радиоактивных элементов. В 1926–1927 гг. в Ухтинском нефтеносном районе работали экспедиции сотрудников комитета, химиков А. А. Черепенникова и Л. Н. Богоявленского. Итоги исследований произвели сенсацию – в водах Ухтинского района обнаружено высокое содержание редкого металла – радия [\[46\]](#).

Другим важным направлением исследований научного сообщества стало изучение территории Кольского полуострова. В течение первой половины 1920-х гг. исследовательскими отрядами Севэкспедиции под руководством А. Е. Ферсмана была проделана огромная работа по изучению центральной части Кольского полуострова. Ученые проводили минералогические и петрографические обследования Хибинских и Ловозерских тундр. В этот период было открыто около 90 месторождений редких металлов, обнаружены залежи уникальных минералов. Важнейшими стали выводы о наличии на полуострове апатит-нефелиновых пород. Первые находки апатита, в которой было определено высокое содержание фосфора и калия, позволили А.Е. Ферсману высказать предположение о широком использовании сырья для производства удобрений. Проблема искусственных удобрений стояла для СССР в этот период очень остро, большая их часть для аграрного комплекса завозилась из-за границы. Экспедиционные исследования сотрудников Научно-исследовательского института по изучению Севера геологов А. Н. Лабунцова и В. И. Влодавца, проведенные в 1925–1928 гг. в Хибинских тундрах, подтвердили выводы предшествующих экспедиций. На плато Расвумчорр, по склонам гор Кукисвумчорра и Юкспорра, были открыты коренные апатит-нефелиновые месторождения [\[47\]](#).

На севере Кольского полуострова развернул систематические исследования Геологический комитет. С 1923–1927 гг. под руководством А. А. Полканова проводились маршрутные исследования с целью составления десятиверстной геологической карты Европейской части Союза. В результате исследований ученый впервые дал описание разнообразных горных пород этой части полуострова. Сведения о месторождениях, полученные А. А. Полкановым – рудные полезные ископаемые (золото, молибденит, железные и никелевые руды и др.) и нерудные полезные ископаемые (пирит, титановое сырье, барит, полевошпат и слюда, глины и др.) стали значительным вкладом в формирование сводной картины геологических недр Кольского полуострова [\[48\]](#).

Выводы ученых о колоссальных запасах минерального сырья Кольского полуострова определили его дальнейшую историю, как мощного горнопромышленного центра СССР.

Одним из регионов европейского Севера, где в 1920-е гг. начались интенсивные поиски минерального сырья, необходимого для экономики страны, стала территория Карелии. Еще в период революционных событий и Гражданской войны Геологическим комитетом разрабатывалась программа исследований Олонецкой губернии (до 1917 г. территория Карелии входила в состав трех губерний – Архангельской, Выборгской, большая часть в Олонецкую) [\[49, с. 12, 51\]](#). В соответствии с ней предполагалось приступить к осуществлению десятиверстной съемки этого района, изучению геологического строения, поиску полезных ископаемых. Несмотря на военные события, геолог В. М. Тимофеев в 1919 г. начал проводить исследования Карелии, продолжив их в 1920-е гг. Итогом исследований стал вывод ученого о высоком значении для промышленного развития Карелии каменных горных пород (граниты, кварциты, песчаники, мраморы и др.). В связи с возрастающими потребностями страны в строительных материалах, данное направление изысканий было на тот момент особенно актуально и востребовано

[\[50\]](#).

Особенность геологического строения Карелии, которой богата природными геологическими образованиями, обусловила формирование в 1920-е гг. еще одного актуального направления в ее изучении – поиски месторождений пегматитов – горной породы, компонентами которой являются редкие минералы – полевой шпат, кварц и слюда. Данное сырье было остро востребовано стекольной, цементной, фарфоровой и электротехнической промышленностью СССР, но его значительную часть страна завозила из-за границы. В 1921 г. отряд Севэкспедиции под руководством горного инженера Э. А. Купфера выявил обширные месторождения пегматита в районе Кандалакшского залива [\[41, с. 29–34\]](#), в 1924–1925 гг. изыскания были продолжены сотрудником Научно-исследовательского института по изучению Севера профессором П. А. Борисовым. Он обследовал район Карельского берега Белого моря, определив значительное распространение пегматитовых образований. К середине 1920-х гг. карельские пегматитовые залежи являлись главными источниками кускового мономинерального полевого шпата (микроклина) и кускового кварца для промышленности [\[51, с. 10\]](#). Систематические исследования пегматитов Северной Карелии проводил в 1925–1929 гг. А. Н. Лабунцов. За этот период ученым было изучено около 200 пегматитовых жил и собрана большая минералогическая коллекция. По его мнению, пегматиты заслуживали самого пристального внимания со стороны науки и государства, как одно из важных направлений в изучении Севера страны [\[52, с. 224–227\]](#).

Пристальное внимание советского правительства к изучению северных территорий обусловили и усиление этого направления в рамках работы Российской академии наук (с 1925 г. – Академия наук СССР). Полярная комиссия, работавшая в ее составе еще с 1914 г., принимала активное участие в организации деятельности и экспедициях Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера, затем Севэкспедиции. На заседаниях, куда приглашались представители научных учреждений, занимающихся проблемами изучения Севера, рассматривались вопросы развития северных территорий (транспорт, инфраструктура и др.), обсуждались проекты и результаты экспедиционных исследований. В течение 1922–1923 гг. в ее составе работала Новоземельская подкомиссия, которая впервые начала координирование работы научных учреждений по изучению архипелага Новая Земля. В ее состав под председательством академика А. П. Карпинского вошли опытные исследователи северных и полярных территорий, представители ведущих научных организаций: Главного гидрографического управления, Российского гидрологического института, Севэкспедиции, Геологического комитета, Главной физической обсерватории, Государственного ботанического сада и др. [\[53, л. 13\]](#). Ее членам удалось разработать первую научную программу исследований Новой Земли, одним из ключевых направлений которой стало изучение геологии архипелага и его недр [\[54\]](#).

В течение 1920-х гг. научными учреждениями страны был организован ряд научных экспедиций с целью изучения минерально-ресурсного потенциала Новой Земли. В 1921 г. на архипелаге поиски угольных месторождений осуществляли экспедиционные отряды Геологического комитета (Б.К. Лихарев) и Севэкспедиции (Р. Л. Самойлович). Такую актуальную задачу подсказывал успешный опыт освоения близко расположенного архипелага Шпицберген, где с 1915 г. велась разработка угля. Систематические исследования Новой Земли в 1921–1927 гг. были развернуты под руководством Р. Л. Самойловича. В результате ликвидирован целый ряд «белых пятен» на карте арктических островов и собран обширный геологический материал [\[55\]](#). Промышленных

месторождений полезных ископаемых на Новой земле в 1920-е гг. выявить не удалось.

Выводы о ресурсной перспективности европейского Севера, полученные учеными в 1920-е гг., стали решающими факторами для включения этой территории в первый пятилетний народнохозяйственный план СССР (1928–1932 гг.). В течение первой пятилетки планировалось дальнейшее поступательное «завоевание» европейского Севера страны. В районах разведанных минеральных ресурсов предполагалось сооружение объектов промышленной инфраструктуры, к их числу были отнесены фабрики и заводы для эксплуатации и переработки сырьевых ресурсов (Хибинские апатитовые рудники, Пегматитовый завод, Слюдяная фабрика в районе г. Петрозаводска, Целестиновый завод на реке Усть-Пинега и др.). Приоритетными задачами для индустриализации СССР значились дальнейшая интенсивная геологоразведка и разработка месторождений, прежде всего, апатит-нефелиновых руд, каменного угля, нефти и пегматитов [56].

После 1917 г. европейский Север РСФСР-СССР находился в зоне особых приоритетов советского правительства. Решение государственных задач по расширению минерально-сырьевой базы для выхода страны из кризиса обусловило необходимость широкого применения минерального сырья этой территории в развитии экономики. С одной стороны, новое руководство унаследовало от предшествовавшего правительства Российской империи понимание, что данная территория является ресурсозначимой, с другой, она сформировала новые представления о ней. Важнейшие государственные задачи в изучении производительных сил европейского Севера были обозначены в принятом в 1920 г. плане ГОЭРЛО, в соответствии с которым минерально-сырьевая база территории подлежала изучению и промышленной эксплуатации. К реализации этих масштабных государственных задач были привлечены ведущие научные силы страны, приступившие к изучению ресурсного потенциала европейского Севера и оценке возможности его промышленного применения. Экспедиционные исследования 1920-х гг. дали колоссальный объем новых научных данных, важнейшими среди которых стали сведения о наличии полезных ископаемых промышленного значения – апатит-нефелиновых руд, пегматитов, каменного угля и др. Полученные результаты показали важность и обоснованность исследований данного региона, что послужило основанием для включения его в первый пятилетний народнохозяйственный план СССР (1928–1932). Таким образом, в период 1917–1920-е гг. проблема освоения европейского Севера получила общегосударственное значение, это дало мощный посыл к ее систематическому изучению и дальнейшему индустриальному развитию. Изучение богатой истории познания северных территорий в сочетании с современными достижениями науки могут дать новый импульс к осмыслению проблем освоения минерально-ресурсного потенциала европейского Севера России.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400015-8-6.1.1 «Наука на Севере России как основа устойчивого развития регионов Европейского Севера и Арктической зоны РФ».

Библиография

1. Горошко Н. В., Пацала С. В. К вопросу о "северной" стратегии России: освоение или заселение // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 52. С. 88-103. DOI: 10.17223/19988648/52/6 EDN: JYOFJD.
2. Лаженцев В. Н. Минерально-сырьевые ресурсы северных регионов в условиях новой индустриализации России // СЕВЕР и РЫНОК: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 7-21. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.001 EDN: AKEEEL.

3. Сабуров А. А. Организация советских арктических исследований в 1920-х гг. планирование и координация научной деятельности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 41-48. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.41 EDN: WKXLUX.
4. Тимошенко А. И. Советский опыт освоения Арктики и Северного морского пути: формирование мобилизационной экономики // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14. № 1-2. С. 73-95. EDN: RXBWSN.
5. Карпов В. П. Советский исторический опыт освоения Арктики в зеркале современных проблем // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 25-30. DOI: 10.17223/19988613/63/3 EDN: HTVDJG.
6. Емелина М. А., Савинов М. А., Филин П. А. Летопись Арктического института: от Сэвэкспедиции до ГНЦ РФ АНИИБ 1920-2020 гг.: история полярных исследований. В 2 т. Под редакцией чл.-корр. РАН, докт. геогр. наук И. Е. Фролова и др. Т. 1. М.: Паулсен, 2020. 822 с. EDN: KSTINF.
7. Зыкин И. В. Региональные лесопромышленные комплексы европейского Севера СССР в стратегии первого пятилетнего плана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. С. 44-53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.549 EDN: MXWSZS.
8. Бровина А. А. Научное освоение европейского Севера России (конец XIX - первая половина XX в.). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. 576 с. DOI: 10.19110/89606-047 EDN: NZZRCB.
9. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. 3 части в 5 тт. СПб.: Императорская Академия наук, 1773-1788.
10. Лепехин И. И. Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1805. Ч. 4. 404 с.
11. Широшкин Н. В. Геоностический обзор берегов Кандалакшской губы и Белого моря до г. Кеми в Архангельской губернии // Горный журнал. 1835. Ч. I. Кн. 3. С. 397-427.
12. Шренк А. И. Путешествие к Северо-Востоку европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб.: Типография Григория Труслова, 1855. 665 с.
13. Baer K. E. v. 1838 Expédition à Novaia-Zemlia et en Laponie // Bull. Scient. Publié par l'Acad. Impériale des Sci. de St.-Petersbourg, 1838. T. 3. № 8-9. P. 132-144.
14. Middendorf A. Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lappland während der Sommer-Expedition im Jahre 1840 // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, 1845. Bd. 2. P. 139-182.
15. Keyserling A. und Krusenstern P. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land, im Jahre 1843. St.-Peterburg: Gedruckt und zu haben bei Carl Kray, 1846. 465 p.
16. Гофман Э. К., Ковальский М. А. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: Исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 годах. Т. 1-2. СПб.: Тип. Императорская Академия наук, 1853-1856.
17. Федоров Е. С. Новые данные по геологии Северного Урала // Известия Геологического комитета. 1889. Т. 8. № 1. С. 7-20.
18. Чернышев Ф. Н. Орфографический очерк Тимана // Труды Геологического комитета. 1915. Т. 12. № 1. С. 1-136.
19. Риппас П. Б. Кольская экспедиция 1898 года (предварительный отчет) // Известия Императорского Русского географического общества. 1898. Т. 35. Вып. 3. С. 292-312.
20. Полевой П. И. Ухтинский нефтеносный район // Записки Русского технического общества. СПб. 1908. № 1. С. 29-35.

21. Замятин А. Н., Яковлев Н. Н. О результатах исследования в Южном Тимане // Известия Геологического комитета. 1910. Т. 29. № 2. С. 158-162.
22. Соколов В. И., Соколов Д. В. Краткий отчет об исследованиях в 1916 г. в пределах Олонецкого края рудных месторождений, углей, строительных материалов и других полезных ископаемых // Известия Геологического комитета. 1917. № 1. С. 94-122.
23. Кассин Н. Г., Полканов А. А. [Геологические исследования вдоль линии Мурманской железной дороги в районе Кольского полуострова] // Известия Геологического комитета. 1918-1926. Т. 37. № 1. С. 129-142.
24. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Издательство Политической литературы, 1974. 741 с.
25. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М.: б.и., 1942. 1483 с.
26. Волин М. С. Организация изучения естественных ресурсов советской страны в 1917-1920 гг. // Вопросы истории. 1956. № 2. Февраль. С. 80-88.
27. Обзор научно-издательской деятельности комиссии по изучению естественных производительных сил России 1915-1920 гг. / Сост. Г. П. Блок. Пгр.: 2-я Государственная типография, 1920. 120 с.
28. Ферсман А. Е. Полевые шпаты. Естественные производительные силы России // Комиссия по изучению естественных производительных сил России, состоящая при Рос. акад. наук. / Сост. Геологический комитет. Т. 4. Полезные ископаемые. Пгр.: Первая государственная типография, 1919. 19 с.
29. Еремина Е. В. Барит и виверит. Естественные производительные силы России // Комиссия по изучению естественных производительных сил России, состоящая при Рос. акад. наук. / Сост. Геологический комитет. Т. 4. Полезные ископаемые. Вып. 30. Пгр.: Первая государственная типография, 1919. 37 с.
30. Фонды Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ). Д. Р-1724.
31. Калицкий К. П. Ухтинский нефтеносный район // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 9-12. С. 115-119.
32. Губкин И. М. Ухтинский нефтеносный район // Известия нефтяного комитета. 1918. № 1. С. 22-27.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 58. Оп. 2. Д. 763.
34. Фонды ААНИИ. Д. Р-1728.
35. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 763.
36. Фонды ААНИИ. Д. Р-1726. Кн. 4.
37. Основания проекта электрификации Северного района. Составлено Государственной Комиссией по Электрификации России. Пгр.: Научное химико-техническое издательство, 1920. 75 с.
38. План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М.: Гос. техн. изд-во, 1920. С. 181.
39. Центральный государственный архив научно-технической документации г. Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. Р-369. Оп. 1-1. Д. 1.
40. Фонды ААНИИ. Д. Р-1719.
41. Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14: Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: предварит. отчет. СПб.: Гос. изд-во, 1922. 95 с.
42. ГУ РК "Национальный архив Республики Коми" (ГУ РК "НА РК"). Ф. р-139. Оп. 1. Д. 400. Л. 7-8.
43. Чернов А. А. О геологических исследованиях в 1926 г. в бассейне Б. Сыни и Лун-Вожа (листы 122 и 123) // Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета за

- 1925-1926 гг. Л.: Геологический комитет, 1927. С. 50-51.
44. Варсанофьева В. А. О геологических исследованиях в районе 124-го листа в 1927 г. // Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета за 1926-1927 гг. Л.: Геологический комитет, 1927. С. 65-67.
45. Наливкин Д. В. О геологическом строении Ухтинского нефтеносного района // Нефть и сланцевое хозяйство. 1923. Т. 4. № 2. С. 232-235.
46. Черепенников А. А. Поездка в Ухтинский район в 1926 г. // Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета за 1925-1926 гг. Л.: Геологический комитет, 1927. С. 267-268.
47. Хибинские апатиты. Сборник статей под ред. акад. А.Е. Ферсмана. Д.: Издание Гостреста "Апатит", 1930. 300 с.
48. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 922. Оп. 1. Д. 22.
49. Геологическая изученность СССР. Т. 2 Карельская АССР. Период 1918-1940 гг. Вып. 2. Рукописные работы. Л.: Наука, 1974. 323 с.
50. Тимофеев В. М., Куплетский Б. М. Строительные материалы Северозападной области: 1. Северная часть // Естественные минеральные строительные материалы Европейской части СССР. Л.: Науч.-техн. отд. ВСНХ, 1925. 68 с.
51. Борисов П. А. Керамические пегматиты Карело-Финской ССР. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1948. 187 с.
52. Лабунцов А. Н. Пегматиты Северной Карелии и их минералы. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 260 с.
53. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 33.
54. СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91.
55. Новая Земля. Экспедиция 1921-1927 гг. под начальством Р. Л. Самойловича // Труды Института по Изучению Севера. Вып. 40. М.: Научно-техническое управление ВСНХ, 1929. 360 с.
56. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Третье издание. М.: Изд-во "Плановое хозяйство", Т. 1-3. 1930.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тематика рецензируемого текста «Минерально-сырьевые ресурсы европейского Севера РСФСР в программе научного изучения естественных производительных сил страны в первые годы советской власти» лежит на пересечении нескольких нарративов: экономическая политика советского правительства в первые годы Советской власти, история освоения русского Севера, история советской науки и т.д. Источниковой базой работы является существенный комплекс архивных материалов, нормативные акты Советской власти и т.д. Автор заявляет новизной исследования демонстрацию взаимосвязи научного изучения европейского Севера России с задачами по расширению минерально-экономической базы страны, а в более широком контексте - демонстрацию взаимосвязи результатов научных исследований с дальнейшим промышленным развитием региона, что по мнению автора является недостаточно изученным аспектом темы. Заявленные в заглавии временные рамки исследования представляются несколько неопределенными, если исходная точка очевидна – 1917 г., смена власти, формирование нового государства в центральной части России, то конечная точка не привязана ни к какому рубежному событию; план ГОЭЛРО, о важной роли которого в научном изучении Севера неоднократно пишет автор, был принят только

в 1920 г., поэтому подводить итоги его реализации с учетом научных исследований Севера было бы преждевременно, роспуск Комитета Севера в 1922 г. (самое позднее по времени событие в авторском нарративе) рубежным никак не является. Представляется, что некоторая размытость конечного хронологического рубежа препятствует формулировке полноценных внятных выводов по теме. Обращает на себя внимание следование автора - в значительной степени - традиционным советским нарративам о том, что полноценное исследование Севера начинается только после 1917 г. с особым упоминанием работы Ленина «Очередные задачи Советской власти». При этом автор перечисляет более десятка дореволюционных исследователей данного региона, упоминает строительство на Кольском полуострове морского порта, прокладку Мурманской железной дороги в 1915–1916 гг., работы Геологического комитета на Кольском полуострове и в Ухтинском нефтеносном районе, экспедиции Полярной комиссии Российской академии наук и др. Эти упоминания о научно-изыскательской деятельности дореволюционного периода фрагментировано разбросаны по тексту, иногда в нарушении хронологии изложения; собранные воедино они, как представляется, могли бы дать более целостное представление о том фундаменте, на который опиралась деятельность советских ученых; тем более, что упоминаемые автором советские исследователи получили образование/опыт в царской России, тогда же сформировался их круг научных интересов и др. В содержательной части работы автор отслеживает деятельность Советской власти по организации научных изысканий в указанном регионе как на уровне правовой базы, так и деятельности конкретных комиссий, комитетов и др. Представляется, что поставленная автором задача демонстрации взаимосвязи научного изучения европейского Севера России с задачами по расширению минерально-экономической базы страны решена лишь отчасти, опять-таки по причине выбранных автором временных рамок исследования. Экономические задачи советской экономики в данный период ставились разные: в 1918-1920 гг. они определялись гражданской войной, у автора она упоминается, но чаще как фактор, который мешает развитию научных изысканий; о связи научных изысканий с какими-то успехами советской военной промышленности не заявлено. В декабре 1920 г. ставятся новые задачи по плану ГОЭЛРО, но автор ограничивает исследование самым началом 1920-ых гг., поэтому говорить об успехах ГОЭЛРО в связи с проведёнными исследованиями тоже еще рано, более того, содержательная часть текста заказывается перечислением проблем в организации научной работы («...деятельность учреждений плохо координировалась. Отсутствовали долгосрочный план изучения северных территорий и объединяющая структура, что приводило к дублированию исследовательских работ в регионе»), откуда при желании можно сделать вывод что изучение минерально-сырьевых ресурсов Севера потерпело неудачу. В выводах основное место занимает тезис о том что «важнейшие государственные задачи в изучении производительных сил европейского Севера были обозначены в принятом в 1920 г. плане ГОЭЛРО, в соответствии с которым его минерально-сырьевая база подлежала изучению и промышленной эксплуатации. К реализации этих масштабных государственных задач были привлечены ведущие научные силы страны». Это опять-таки предполагает необходимость расширения временных рамок исследования хотя бы до середины 1920-ых гг. Рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия.

Предмет исследования - минерально-сырьевые ресурсы европейского Севера РСФСР-СССР в программе научного изучения естественных производительных сил страны в 1917–1920-е гг.

Методология исследования базируется на принципах научности, объективности, системности и историзма. В работе использованы специальные исторические методы (историко-хронологический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-генетический и др.). Статья подготовлена на широком комплексе опубликованных и неопубликованных документов из фондов «Российского государственного исторического архива, Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, Центрального государственного архива научно-технической документации г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Национального архива Республики Коми, которые дают представление об истории изучения Севера и его природных богатствах. Значительную часть источников составили «опубликованные законодательные акты, характеризующие работу советского правительства (государственные, ведомственные и региональные законодательные материалы), которые дали возможность показать, как формировалась государственная стратегия развития исследуемого региона. В работе использованы также документы, которые посвящены формированию и развитию системе научных институций региона. Это документы «Комиссии по изучению естественных производительных сил (Ф. 132, СПФ АРАН), Полярной комиссии АН СССР (Ф. 75, СПС АРАН), СОПСа АН СССР (Ф. 174, АРАН)» и др.

Актуальность темы определяется природными богатствами региона и их значимостью для страны. В современных сложных условиях, когда определяются пути развития российской экономики, анализ исторического опыта изучения природных богатств Европейского Севера страны, деятельность научных структур по исследованию минерально-сырьевых источников этого региона может помочь сформулировать научные приоритеты и экономическую заинтересованность в развитии наиболее эффективных научно-технических направлений. В связи с этим наиболее важно изучить период 1920-х годов, когда наука, как и в настоящее время переживала серьезные трансформационные изменения. Анализ исторических целей и задач, которое решало научное сообщество в этот период времени дает возможность понять характер и механизм взаимодействия науки с властью и обществом, специфику научных исследований в контексте государственно-политических задач и промышленно-экономического освоения региона и его развития. Изучение развития и итогов научного освоения обширных северных территорий в 1920-ые годы важно и актуально и с точки зрения усиления роли регионов в современной жизни страны. Изучение и осмысление исторического опыта в определенной мере будет способствовать решению современных проблем взаимодействия науки и власти, поиска путей взаимовыгодного сотрудничества в условиях реформирования региональных управленческих структур и государственной системы научных организаций.

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна определена также тем, что в статье всесторонне и глубоко на широком комплексе архивных документов и научной литературе данной статье проводится анализ ключевых целей и направлений деятельности в сфере научного исследования Европейского Севера страны по выявлению полезных ископаемых в регионе в 1917 - 1920 годы.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, вместе с тем доступный для восприятия не только специалистами, но и широким кругом читателей. Язык статьи ясный, четкий и конкретный. Структура работы направлена на достижение цели и задач

исследования. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы, ее цель. Статья написана на широком комплексе источников, часть материалов вводится в научный оборот впервые. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. Автор раскрывает стратегическое значение региона для страны, о первых шагах по изучению региона начиная с XVIII в. и научных экспедициях Академии наук. Основное внимание уделено первым годам советской власти, когда региона стал изучаться с привлечением научных сил комплексно, отмечается значение плана ГОЭЛРО. Основное внимание в работе посвящено формам исследования: (это масштабные экспедиции в отдельные регионы Европейского Севера). В тексте много интересной и разнообразной информации о работе научных и геологических экспедиций, их результатов. В заключении автор отмечает, что «экспедиционные исследования 1920-х гг. дали колоссальный объем новых научных данных, важнейшими среди которых стали сведения о наличии полезных ископаемых промышленного значения – апатит-нефелиновых руд, пегматитов, каменного угля и др. Полученные результаты показали важность и обоснованность исследований данного региона, что послужило основанием для включения его в первый пятилетний народнохозяйственный план СССР [...] проблема освоения европейского Севера получила общегосударственное значение, это дало мощный посыл к ее систематическому изучению и дальнейшему индустриальному развитию. Изучение богатой истории познания северных территорий в сочетании с современными достижениями науки могут дать новый импульс к осмыслению проблем освоения минерально-ресурсного потенциала европейского Севера России».

Библиография работы состоит из 56 источников по теме исследования Библиография в полной мере соответствует теме исследования и задачам исследования.

Апелляция к оппонентам представлена в полученной в ходе работы информации по теме, проведенного анализа и полученных выводов по исследуемой теме. Апелляция к оппонентам представлена также в библиографии, которая поможет получить ответы на вопросы по исследуемой теме.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес специалистов.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ислямова В.А. Международная выставка в Париже 1925 года и крымские экспонаты: к вопросу подготовки традиционного костюма крымских татар и ремесленных изделий, связанных с его производством // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.74459 EDN: AXVWJL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74459

Международная выставка в Париже 1925 года и крымские экспонаты: к вопросу подготовки традиционного костюма крымских татар и ремесленных изделий, связанных с его производством

Ислямова Виктория Александровна

ORCID: 0000-0002-5371-8863

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра истории; Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295044, Россия, респ. Крым, г. Симферополь, ул. Залеская, д. 80, кв. 32

✉ victorianage89@gmail.com

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74459

EDN:

AXVWJL

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2025

Дата публикации:

19-05-2025

Аннотация: Предметом исследования выступили этапы и особенности подготовки крымскотатарских экспонатов, связанных с традиционным костюмом, которые экспонировались на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в Париже в 1925 году. В первую очередь были рассмотрены традиционные мужские и женские костюмы крымских татар, различные аксессуары и отдельные элементы. Эти ценные предметы готовились в Крыму для экспонирования лишь в течение нескольких месяцев, однако, они были выполнены крымскотатарскими

ремесленниками на высоком технологическом уровне и с соблюдением всех требований всемирной выставки 1925 г., сохранили преемственность вековых традиций и включили в себя новации советского быта. Благодаря чему часть лучших экспонатов из класса "текстиль" получила бронзовую медаль. В основу статьи были положены общенаучные принципы обобщения, историзма, объективности. Благодаря специальным методам познания (исторической реконструкции, сравнительно-историческому, историко-генетическому и ретроспективному методам) в процессе сравнения письменных источников (советской периодической печати, программы подготовки, дневника организатора и каталогов выставки) были выявлены этапы сбора, подготовки, показа деталей крымскотатарского костюма. Новизна исследования заключается в том, что была предпринята попытка сформировать целостное представление об организаторах крымского отдела, о ведущей роли У. Боданинского, были названы имена крымскотатарских ремесленников, которые создавали эти изделия, была рассмотрена проблема наград экспонентов. На основе изученного материала сделаны выводы о том, что Международная выставка в Париже в 1925 году являлась одним из важнейших событий в культурной жизни крымских татар, т.к. традиционный костюм и детали его производства увидели миллионы посетителей, был продемонстрирован высокий уровень ремесленного мастерства, широкий ассортимент изделий, расположенных в различных отделах выставки. Показан вклад и ответственное отношение У. Боданинского к организации мероприятия, который благодаря сотрудникам крымских музеев и крымскотатарским ремесленникам смог собрать коллекцию экспонатов. В ходе исследования было выявлено и решено ряд проблем: о том, что У. Боданинскому было отказано в визе; изучена смета расходов; представлены имена части ремесленников; сделана попытка систематизации по наградам экспонентов и выявлены номинации, перечень экспонатов, получивших от международного жюри бронзовую медаль.

Ключевые слова:

Париж, крымские татары, кустарное производство, У. Боданинский, Всемирная выставка, КрАССР, традиционный костюм, награды, СССР, бронзовая медаль

Первая четверть XX столетия характеризовалась поиском новых художественных форм, соответствующих вызовам и запросам современности. За этот период произошли важные события в мире: Русско-Японская война, Первая мировая война, Балканские войны, война за независимость в Турции, революции в России, Германии, Австро-Венгрии, Китае или, завершившиеся падением и распадом империй, возникновением и признанием новых государств (Югославия, Чехословакия, Польша, Турция, Австрия, Венгрия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и др., формированием нового мирового порядка и становлением Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, сложившихся под влиянием стран-победительниц в Первой мировой войне, как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе; также были совершены колоссальные прорывы в науке, технике, индустрии и искусстве, изменился уклад и темп жизни в послевоенной Европе. В связи с чем продемонстрировать всему мировому сообществу свои идеи, накопленные за четверть века, стало для многих стран возможным именно на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в Париже в 1925 году, которая стала одним из масштабных мероприятий Евразии, где было представлено более двух десятков стран (Великобритания, Испания, Франция, Бельгия, Австрия, Люксембург, Швейцария, Чехословакия, Югославия, Греция, Италия, Монако, Дания, Нидерланды, Польша, СССР, Финляндия, Швеция, Турция, Китай и Япония). Не

принимали участия Германия (исключалось в связи с общеевропейскими антигерманскими настроениями, с запоздалым приходом приглашения и невозможностью германских творческих объединений своевременно и качественно подготовить свой павильон) и США (отказались от участия, ссылаясь на недостаток опыта в проведении подобного мероприятия и развития декоративно-прикладного искусства, хотя ранее в стране проводились подобные мероприятия). Международные выставки активно проводились с середины XIX в. (Лондон (1851), Нью-Йорк (1853/1854), Вена (1873), Филадельфия (1876), Мельбурн (1880/1881), Антверпен (1885), Прага (1891), Чикаго (1893), Буффало (1901), Глазго (1901), Турине (1902), Сан-Франциско (1915), ряд выставок в Венеции. В самом Париже всемирные выставки стали привычным делом и проходили довольно часто (1855, 1867, 1878, 1889, 1900 гг.).

Исследуемая в данной статье Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств, которая снова проходила в Париже с апреля по октябрь 1925 г., она стала знаковым и инновационным событием в мире искусства и промышленности уже первой четверти XX в. Важная роль этой выставки была высоко оценена как очевидцами данного события, так и более поздними современными исследователями. В процессе изучения были использованы нарративные источники, характеризующие различные особенности процесса подготовки и проведения выставки в Париже. Наиболее ценными материалами в работе являются дневник У. А. Боданинского, Программа подготовки крымского отдела и каталоги выставки, детально раскрывающие список участников мероприятия, смету и перечень представленных экспонатов. Существенным дополнением выступили статьи в периодической печати, в первую очередь, заметки из газеты «Красный Крым» и специализированных журналов Наркомпроса «Советское искусство», Бюллетени ГАХН и др. [3–5; 12; 13; 15–17; 19; 21; 26–30; 32; 33].

Важные материалы публикаций содержатся в работах таких авторов, как И. Н. Агишевой [11], А. В. Голубева и В. А. Невежина [7], А. Е. Иоффе [10], Д. В. Манукяна [14], А. С. Соколова [23], Е. В. Сысоевой [25], М. Кожановой [31], которые исследовали международное политическое положение европейских стран и СССР в 1920-х гг., рассматривали общие особенности проведения этого масштабного мероприятия во Франции, планировку выставки и расположение павильонов. Вопросы, касающиеся проведения Международной выставки современных декоративных и промышленных искусств и участие в ней крымскотатарских экспонатов, затрагивали такие современные авторы, как О.А. Желтухина [8], У.К. Мусаева [18], В. П. Власов и В. А. Бухтоярова [6].

Исходя из изученных научных трудов мы пришли к выводу, что некоторые аспекты подготовительного этапа и экспонирования крымских предметов на выставке еще недостаточно изучены или являются дискуссионными, поэтому целью данной статьи выступил вопрос об изучении этапов подготовки и экспонировании крымскотатарских изделий, характеризующих традиционный костюм и элементы его ремесленного производства, которые на знаменитом международном смотре стали визитной карточкой крымского отдела.

Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств в Париже имела огромное значение для самой страны-организатора, ведь Франция на рубеже XIX–XX вв. уступила статус мирового лидера в области промышленного дизайна Германии, поэтому всеми силами пыталась вернуть свои утраченные позиции, активизировав национального производителя и способствуя налаживанию зарубежных контактов со многими странами, в том числе и со вновь созданными. Благодаря чему

французское правительство во главе с Э. Эррио 28 октября 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР, а уже 1 ноября 1924 г. Советский Союз получил официальное приглашение на участие в Международной выставке в Париже, подтвердил свое согласие и начал активную подготовку к мероприятию [\[14, с. 44\]](#). Следует сказать, что председатель Художественного совета Комитета Отдела СССР на Парижской выставке О. Каменева вспоминала: «<...> сейчас же для всех стало очевидным, что сама жизнь самым актуальным образом упирается в СССР и что требует знать его таковым, каков он есть. Это и принудило все правительства дать нам место на Международной выставке» [\[24, с. 3\]](#). Нужно уточнить, что до начала выставки Советская Россия и позже СССР пережили ряд потрясений (революции, гражданская война, победа и окончательный приход к власти большевиков (в Крыму большевики утвердились в ноябре 1920 г.), военный коммунизм (1918–1921), голод 1921–1922 гг. и восстания в разных уголках страны. Но время шло, ситуация понемногу стабилизировалась и менялась. Причем, теперь перспективы мировой революции представлялись для большевиков все более отдаленными и они постепенно приходили к осознанию необходимости налаживания и восстановления контактов с Западом и другими регионами мира. В 1923 г. изменилась ориентация советской культурной дипломатии, где главным объектом ее стала интеллектуально-художественная элита, составляющая часть европейского истеблишмента. Благодаря чему в первой половине 1920-х гг. было подписано несколько торговых соглашений с западными странами, затем началась «полоса признаний» СССР и расширялись контакты в культурной сфере [\[7, с. 70, 71, 76\]](#). Здесь можно согласиться с точкой зрения А.Е. Иоффе, который считал, что основными направлениями культурной дипломатии СССР в 1920-е гг. являлись: получение доступа к использованию достижений передовых стран в области науки и техники, ненавязчивая передача опыта строительства социализма рабочему классу и интеллигенции капиталистических стран, распространение информации о социалистическом строительстве (в том числе культурном) в СССР [\[10, с. 70\]](#).

Таким образом, в 1920-е гг. советский режим нуждался в признании за рубежом, и развитие международных связей рассматривалось руководителями как одно из действенных средств улучшения имиджа СССР на мировой арене. Выставки международного уровня, какой была Всемирная выставка в Париже 1925 г., должны были стать в данном случае орудием борьбы за районы «культурного воздействия» как за Восток, так и за страны Европы. Как отмечалось в статье С. Богомазова за 1928 г., опубликованной в журнале «Советское искусство»: «Почин был положен организацией в Париже летом 1925 года «Выставки декоративных искусств», на которой советские экспонаты заняли выдающееся место в числе экспонатов, представленных всеми народами. В последующие годы выставочная работа развернулась, приобретая огромный количественный и территориальный диапазон. Она стала одним из наиболее актуальных методов нашего культурного общения с заграницей, охватив не только изо, но и другие искусства. Демонстрация за границей произведений советского художественного творчества имеет огромное агитационно-культурное значение. Выставки показывают вещи и убеждают вещами. Много значит – вместо слов, статей и диаграмм дать возможность иностранцу потрогать руками реальный, осязаемый экспонат. Язык вещей оказывается чрезвычайно вразумительным языком. Этим и объясняется тот исключительный успех, то массовое внимание, которое привлекают к себе наши выставки за границей» [\[4, с. 72\]](#).

Место проведения Международной выставки 1925 г. в Париже обсуждалось активно и довольно долго (наиболее популярными вариантами были Венсенн, Иль-де-Пито и даже

Версаль). Однако окончательный выбор организаторов остановился на Париже как самом передовом городе в искусстве дизайна и моды в целом, где были высокий уровень развития инфраструктуры и благоустройства, своеобразная красота и величие города в сочетании с гармоничной архитектурой и возможностью использования площади Гран Пале, что окончательно убедило организаторов выставки в правильности своего выбора [\[6, с. 351; 33\]](#).

Главным архитектором данной выставки был Шарль Плюме, а его помощником Луи Бонье. По задумке организаторов генеральный план выставки определялся как симметричная конфигурация с системой перекрестков: Центральный вход – ворота Пор-де-Онер – располагался рядом с Гран Пале (Большим дворцом), открывая перспективу на мост Александра III и далее вниз к Дому Инвалидов. Интерьер Гран Пале был распланирован под разные типы экспозиции (нижний и верхний уровни делились на две части, где одна предназначалась для Франции, а другая – для зарубежных экспонатов). Вторую ось крестообразной планировки обозначила р. Сена, павильоны зарубежных стран разместились на ее правом берегу. О масштабах этого события свидетельствует тот факт, что на церемонии открытия выставки 28 апреля 1925 г. присутствовало 4000 гостей, среднее количество посетителей за весь период также определялось десятками тысяч ежедневно. Днем павильоны крупнейших производителей, магазины, бутики привлекали своими экспонатами посетителей, а ночью монументальные ворота, мосты и фонтаны, а также Эйфелева башня торжественно светились неоновым светом, который выступал ярким признаком становления нового художественного стиля ар-деко [\[6, с. 351; 25, с. 140\]](#).

Особенностью организации мероприятия стало строгое разделение выставочных павильонов по странам и определенным категориям разнообразных экспонатов, представленных в 37 категориях (в 17-ти из них принимали участие экспонаты от СССР), здесь каждая страна-участница стремилась продемонстрировать достижения своих художников, мастеров и кустарей в области декоративно-прикладного искусства и новых современных технологий.

Как отмечал Н. Бартрам: «Выступление Советской России на этом крупнейшем международном смотре художественно-промышленных достижений европейских стран будет безусловно иметь выдающееся значение, как демонстрация культурных ценностей, созданных у нас. После длительного перерыва появятся в Париже произведения нашей художественной промышленности, кустарной и индустриальной, образцы народного творчества и художественно-производственные работы наших предприятий. С другой стороны, наше участие на парижской выставке имеет не только большое политическое значение, но и немаловажное хозяйственное значение, так как художественно-промышленные изделия, являющиеся видным предметом нашего экспорта, впервые после признания Францией СССР, в большом масштабе будет демонстрироваться в Париже, что открывает широкие возможности в смысле ознакомления нового обширного круга покупателей и завоевания новых рынков сбыта» [\[3, с. 95\]](#).

«Основным организатором советской экспозиции в Париже являлась Государственная Академия художественных наук Наркомпроса РСФСР (далее – ГАХН). Главным комиссаром (руководителем) Отдела СССР был назначен президент ГАХН, литературовед, профессор П. С. Коган, художественным руководителем – профессор ВХУТЕМАСа Д. П. Штеренберг, главным художником – дизайнер и живописец, профессор ВХУТЕМАСа А.М. Родченко. Важно сказать, что организаторы советского отдела и другие современные данному событию наблюдатели, например, Я. А. Тугендхольд, считали, что художественная промышленность не случайно была в центре внимания руководства и

была выбрана в качестве основной отрасли народного хозяйства, экспонаты которой будут представлены на выставке, т.к. считалось, что именно художественная промышленность «сравнительно меньше пострадала от разрухи, чем остальная промышленность, и легче восстанавливаема», а рост нового потребителя (крестьян и рабочих) способен был обеспечить ей будущее; на нее (в первую очередь, на кустарные промыслы, т.к. тогда отмечалась слабость крупной индустрии и наблюдалось явное отставание от промышленности стран Европы) возлагались и надежды на то, что она станет «крупным фактором нашего экспорта» и «тараном, который пробьет окружающую стену мировой изоляции». Что, в свою очередь, позволило бы обеспечить занятость части крестьян-кустарей, переориентировав их на производство для заграницы [\[26\]](#).

П. С. Коган, в свою очередь, отмечал и ряд трудностей, с которыми столкнулись организаторы советского отдела: «Мировой масштаб этой выставки, занимавшей площадь от Grand Palais до Дворца инвалидов, площадь, на которой мог бы разместиться крупный провинциальный город, делал наше выступление чрезвычайно ответственным. Какое значение придавали выставке участвующие в ней страны, видно из того, что подготовка к ней в некоторых государствах началась за два года до ее открытия. А между тем мы получили приглашение в ноябре 1925 года, за несколько месяцев до ее начала, немедленно после признания советского правительства Францией. Когда мы явились в Париж, на территории выставки уже высились грандиозные палаццо Англии, Италии, Бельгии, и многоэтажные дворцы, воздвигнутые богатыми французскими фирмами. У нас оставалось в распоряжении всего несколько месяцев. Мы располагали средствами ничтожными в сравнении с сотнями тысяч долларов и стерлингов, ассигнованными богатейшими государствами <...>. В нашем распоряжении находилась скромная сумма, но именно эта выставка показала и огромные преимущества, которыми мы пользовались. Даже в это время было ясно, что устройство большого дела путем привлечения широких коллективов, путем содействия государственных и общественных организаций значительно сокращает и расходы, и время. <...> В короткий срок были собраны экспонаты со всех концов Союза. <...> Задача выставки заключалась в том, чтобы дать, если можно так сказать, моментальный снимок современного быта, выявить все то, что сделано творческой мыслью для того, чтобы придать этому быту художественные формы» [\[12, с. 13\]](#).

Организация выставки в Париже 1925 г. позволила гостям и членам экспертного жюри ознакомиться с разнообразием стилей и вариантов интерьерных павильонов, сравнивая их друг с другом, причем, для СССР была выделена 1/6 часть всего выставочного пространства. В целом, различные отделы, отведенные под размещение советских экспонатов, по сведениям В. Э. Морица, располагались в различных местах и занимали следующую площадь: «павильон СССР на Cours la Keine, стенды в Большом выставочном дворце (Grand Palais) и в одной из галерей на Эспланаде Инвалидов. Общая площадь Отдела равнялась 1530 кв. метрам, из которых на павильон падало 392 кв. м., на Большой Дворец 998 кв. м. и на галерею Эспланады Инвалидов – 140 кв. м. Нижний этаж павильона был занят национальными уголками, составившимися из экспонатов республик и экспонатов Ленинградского Русского Музея, пополнившего лучшими образцами своих коллекций пробелы в подборе предметов народного искусства некоторых республик и областей, пробелы, произошедшие по раньше указанной причине. Два зала 2-го этажа были отведены: один – организованный ГИЗом и его Ленинградским отделением – искусству книги и плаката, второй – Госторгу (меха и мамонтовая кость) и «Самоцветам». <...> Стенды Отдела СССР в Большом Дворце слагались из Кустарного зала, в котором, кроме кустарных изделий и игрушки, была расположена часть текстиля (248 кв. метр.), зала ВХУТЕМАСА (113 кв. м.), зала текстиля

и Декоративного Института (102 кв. м.), зала фарфора и стекла (96 кв. м.), зала театра (142 кв. м.), зала архитектуры, графики, фотографии, кино и плаката (204 кв. м.) и стенда Гознака (93 кв. м.). И наконец, в Галерее Эспланады Инвалидов расположилась изба-читальня и рабочий клуб (по 70 кв. м.)» [\[16, с. 10\]](#). Далее автор сообщает, что «кроме Отдела СССР, преследовавшего в первую очередь выставочные задачи, на выставке существовал торговый сектор СССР, занимавший 800 кв. м. на Эспланаде Инвалидов, являвшийся независимой от Комитета Отдела СССР ячейкой, организованной Н. К. В. Т. через Парижское Торгпредство, в ведении которого он и состоял» [\[16, с. 11\]](#).

Экспонаты СССР были выставлены в нескольких различных помещениях; 1) на первом этаже советского павильона – уголки национальностей, проживающих в СССР; 2) в верхней части павильона – изба-читальня, комнаты госиздата и госзнака; 2) в здании Большого дворца для СССР отводилось помещение на втором этаже (кустарный отдел, графика, архитектура, плакат, кино, фотография, особое внимание уделялось театру); а в галереях были выставлены интерьеры рабочего клуба по эскизам А.М. Родченко и комнаты Вхутемаса. В отведенных для экспонирования местах доминировали различные предметы из так называемого революционно-оптимистического авангарда, определявшие тогда лицо советского искусства. Здесь демонстрировались многочисленные образцы текстильной промышленности (ткани с конструктивистскими рисунками, «агитационные» ситцы», книги и книжная графика, полиграфия,, искусство рекламного киноплаката и агитплаката, «агитационный» и жанровый фарфор, изделия кустарной промышленности и народных промыслов, игрушки, модели современной одежды, вышивки, кружева, ковры ручной работы, театрально-декорационное искусство, образцы торговой рекламы и промышленной графики, искусство фотографии, первые советские постановочные и документальные фильмы и др.. Всего порядка 4500 экспонатов [\[16, с. 128; 17\]](#). В статье Н. Бартрама отмечено, что экспонентами для данной выставки выступили «государственные, кооперативные и иные общественные учреждения и предприятия, а также производственные артели, частные производства и отдельные художники и кустари», а сами экспонаты распределялись по таким группам, как «1. 1. Изделия кустарной и фабричной художественной промышленности всех отраслей производства (текстильного, металлического, фарфорового и керамического, деревообрабатывающего, швейного, кожаного и проч.) как-то: ткани, вышивки, набойки, кружева, ковры, разные изделия из металла, ювелирные изделия, посуда, мебель, резное и расписное дерево, одежда, художественно-обработанная кожа, изделия из папье-маше, обои и др. 2. Декоративная живопись и скульптура. 3. Графическое искусство и книга. Художественная гравюра и иллюстрация, репродукция, плакат. Модели и проекты общественных сооружений и памятников. 5. Театр эскизы декораций и костюмов, макеты и пр. 6. Мир ребенка – игрушка, детская мебель и проч. 7. Экспонаты, характеризующие методы художественно-производственного воспитания (в школах и техникумах)» [\[3, с. 95\]](#). Далее автор сообщал, что «самым же ярким местом нашего отдела, без сомнения, будет отдел национальных меньшинств, имеющий быть представленным в ряде, самых характерных, бытовых уголков различных национальностей. Как, например: северный чум, восточная юрта, домик крымского татарина, часть украинской хаты и т. д. Кроме того, там же будет выставлена полностью «изба-читальня» и «рабочий городской клуб», и все вместе взятое дает картину современного быта СССР в его общественно-художественном разрезе.

Не менее значителен отдел кустарной промышленности – этой отрасли нашего труда, имеющего в своих корнях крестьянское искусство. Здесь разнообразно в цветущих формах и оригинальнейших декоративно-красочных пятнах представлены ткани,

вышивки, кружева севера, резьба и роспись центральных районов, изделия из кожи, тончайшая роспись по папье-маше <...>.

Тесную связь с кустарным отделом имеет отдел, посвященный «миру ребенка», так как лучшими и главнейшими исполнителями детских игр и игрушек являются мастера деревни, благодаря радости своих красок и высокохудожественному примитиву в своих формах, столь близких и понятных детям <...>. Общее впечатление весьма свежее с заметным отражением современности быта и с определенным переломом в формах и применениях художественной промышленности к новой жизни» [\[3, с. 96\]](#).

О различных местах выставки, где располагались советские экспонаты, П. С. Коган в своем труде, посвященном роли ГАХН в мероприятии, рассказал следующее: «Вместо богатых буржуазных квартир, в галерее ансамблей мы дали в натуральную величину стилизованный рабочий клуб по проекту художника Родченко и образцовую избу-читальню, над оформлением которой много поработал покойный Я. А. Тугендхольд. Самое оформление нашего отдела как в павильоне, так и в Grand Palais было произведено художниками Штернбергом и Родченко, а особое помещение, занятое Госиздатом, – художником Рабиновичем. Несмотря на бешеную травлю, несмотря на сложность дела в финансовом и административном отношении, причем здесь нельзя не отметить большой работы моего ближайшего сотрудника В. Э. Морица, советский отдел вышел победителем из трудной борьбы. На его открытии заявили желание присутствовать такое обилие народу, что пришлось самую церемонию открытия устроить в центральном зале, а не в павильоне» [\[12, с. 14\]](#).

Из иностранных павильонов большой популярностью пользовался именно павильон СССР, созданный по проекту архитектора К. С. Мельникова. Несмотря на условия декоративности и роскоши выставочных экспонатов, он был менее украшен, выделяясь среди других зданий яркостью, простотой и гармоничным сочетанием деталей. Проект здания был подготовлен автором в ноябре 1924 г., а в январе 1925 г. К. С. Мельников выехал в Париж для его сооружения. Для здания было выделено место между павильонами Великобритании и Италии, оно имело небольшую площадь (29,5x11 м) и была неудобной для строительства, т.к. через площадку проходили трамвайные пути, убирать которые запрещалось. Поэтому сооружение было ограничено не только горизонтально, но и вертикально: подводить под здание фундамент было запрещено. Павильон представлял собой легкую каркасную деревянную постройку, окрашенную в сочетании красного, белого и серого цветов, где большая часть наружных стен была остеклена. По диагонали прямоугольного в плане двухэтажного здания проходила широкая открытая лестница, ведущая в помещения второго этажа. Особо выделялась деревянная башня, ее вертикальные балки пересекались наклонными плоскостями. Таким образом, сплошной стеклянный фасад здания открывал взору посетителей представленные экспонаты. Здание, созданное из дерева и стекла, отличалось смелостью основных конструктивных решений и радикальным новаторством (кубический объем, прорезанный горизонтальной лентой окон, высокая башня, широкая лестница и наклонная плоскость завершения). Укажем, что это здание было удивительно похоже на более раннее, на павильон «Махорку», который также создал Мельников еще в 1923 г., но для первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, проходившей в Москве. Проект 1923 г. был создан для Всероссийского махорочного синдиката и планировался сначала как одноэтажное здание, где был бы показан механизированный цикл производства махорки с отдельным помещением для экспонатов и оранжереей с растениями табака, движение посетителей по которым предполагалось устроить вдоль берега реки в одном направлении. Но Мельников создал

павильон, в котором виделось новое концептуальное сооружение с открытой винтовой лестницей и прозрачным угловым остеклением, не имеющим в углах конструктивных опор, консольными свесами, большими плоскостями рекламных плакатов и с наклонной формой завершения. Что позже архитектор повторил в павильоне на выставке в Париже [\[6, с. 351; 1, с. 8; 32, р. 82; 31, р. 40\]](#).

Таким образом, К. С. Мельников как один из крупнейших представителей авангарда после победы в конкурсе на лучший проект по заказу советских организаторов выставки создал павильон Советского Союза для Международной выставки декоративных искусств в Париже, что стало знаковым событием как в архитектурной жизни страны, так и в развитии конструктивизма и функционализма в целом. Своим внешним видом советский павильон создавал эффект легкости, динамичности и свободы пространства. Из публикации П. С. Когана узнаем детали: «советский павильон, построенный по проекту молодого архитектора Мельникова, состоял из стекла и дерева. На нем явно сказались те новые тенденции архитектуры, ярким защитником которых является Корбюзье. Он пересекался по диагонали широкой лестницей, весь был открыт взорам проходящей публики и стал предметом горячих споров» [\[12, с. 14\]](#). За проект этого здания К. С. Мельников получил диплом вне конкурса, он выиграл на выставке Гран-при по Классу 1 «Архитектура». Открытие «красного павильона» состоялось 4-го июня и было далеко не последним, хотя Советский Союз несравненно позднее других стран получил приглашение и начал организацию своего отдела намного позже других стран. Родченко А. М. в своем письме от 10 июня 1925 г. сообщал, что на открытии выставки и советских павильонов «собралась огромная толпа французских рабочих, которые встретили Красина криками «Да здравствуют Советы <...>. Полиция попросила Красина войти в здание и рассеяла толпу, а де-Монзи, сказав: «Я извиняюсь, но я не уполномочен своим правительством присутствовать на демонстрации», – быстро ушел <...>. Все почти газеты пишут о русском павильоне, ни об одном так много не писали и не пишут, это – определенный успех. Ряд предпринимателей предлагают за деньги везти выставку в Голландию и др. страны <...>» [\[22, с. 114-115\]](#).

Участие в Международной выставке подобного масштаба стало важнейшим этапом в сохранении и популяризации традиционной культуры крымских татар. Оно способствовало привлечению активного внимания мировой общественности к крымскотатарскому народу, его истории и культурному наследию. В работе Я. А. Тугендхольда «Искусство народов СССР» наблюдалось особое отношение к национальным окраинам и к народному искусству. В статье автор отмечал, что до революции «провинция – вот трагический в своей многозначительности термин, серым цветом которого сплошь окрашена была вся остальная необъятная страна, со всем богатством своих национальных различий, со всеми скрытыми своими творческими жилами. Эта «остальная страна» обходилась без художественной жизни, почти не знала выставок. Она пробавлялась лишь небольшим числом средних художественных училищ (как, напр., в Пензе, Саратове, Киеве, Одессе), которые к тому же прививали на местах – будь то даже в татарской Казани – псевдорусский стиль московского Строгановского училища. Правда, русский абсолютизм был слишком мало «просвещенным», чтобы проводить какую-либо планомерную политику «культуртрегерской» русификации подвластных ему «туземных» народов. Все, что он в силах был делать, – это возводить в разных частях империи памятники покорителям и усмирителям их <...>. Но «тащить и не пущать» – это он умел! Вот почему все проявления национальных культур были для него проявлениями крамольными. <...> Сравнительно лучше обстояло дело с национальными художественными производствами, продолжавшими бытовать в народной толще в виде

кустарных промыслов. Но опять-таки старый режим поощрял их самобытность лишь в той мере, в какой это было необходимо в интересах экспорта: иностранцы любили «экзотическое». С другой стороны, будучи почти единственно популярной отраслью творчества национальностей, это кустарное искусство заслоняло в глазах русского общества все остальные возможные проявления «гения местности». Выходило так, что в Великороссии есть высокое искусство, а где-нибудь в Украине или на Кавказе есть и будет только производство, словно в России – картины, а там были и будут лишь ковры, лишь одна «этнографическая» экзотика <...>.

Всей этой глубочайшей исторической несправедливости Октябрь нанес решительный удар. В случае победы идеи «Единой и Неделимой», наши нерусские национальности, наверное, увидел бы уже не примитивно царскую русификацию, а подлинную, на «заграничный манер» империалистическую политику «великодержавия». Но победительницей оказалась национальная политика Ленина, политика, давшая народам СССР свободу национального самоопределения и создавшая условия, благоприятные для их культурного пробуждения. И это национально-культурное возрождение началось вслед за освобождением социально-политическим. <...> Большие культурные народы впервые получили возможность развивать свои подавленные русским завоеванием национальные традиции; малые, молодые народности впервые приобщились к культуре вообще, впервые взяли в руки карандаш, кисть и резец.

В том, что мы являемся свидетелями именно этого начавшегося художественного оживления СССР, не может быть сомнения <...>. На наших глазах широкой волной развивается краеведческое движение, растет интерес к своему краю, возникают национальные, художественные школы, организуются художественные общества и объединения» [\[20, с. 78-80\]](#).

Важная роль многих организаций проявилась в процессе подготовки выставки. Укажем, что центральный комитет отдела СССР Парижской выставки возглавил президент ГАХН, критик и историк западноевропейской и русской культуры П. С. Коган. 12 ноября комитет был официально утвержден, а 18 ноября им уже было проведено первое заседание, где члены комитета сразу попытались сформулировать основные цели и задачи Парижской выставки, а также выявить круг будущих участников этой ответственной экспозиции. А в январе 1925 г. Президиум крымского Совнаркома признал, что регион также должен принять участие в Парижской выставке по программе, специально разработанной Наркомпросом. Данная программа по подготовке крымских экспонатов свидетельствует о весьма основательном подходе организаторов к порученному им заданию. Местный комитет по подготовке экспонатов для выставки решено было сформировать из представителей КрымЦИКа, крымского Совнаркома, Наркомпроса, КрымОХРИСА, РКИ НКЗ, ЦСНХ, Наркомзема, Кооперации банковского объединения, Госторга и Кустпромсоюза. Председателем комитета был утвержден О. А.-Г. Дерен-Айерлы (председатель СНК Крымской АССР в 1924–1926 гг.). Для сбора необходимых экспонатов был создан специальный орган из представителей различных организаций (КрымОХРИС, Кустпромсоюз, ЦСНХ и Наркомзем) – Исполнительное бюро. Работа велась в нескольких направлениях (поиск мест сбора, создания или покупки; обсуждали вопросы о том, где и в каких учреждениях, организациях, мастерских / предприятиях нужно было искать продукцию, подходящую для демонстрации на выставке, а также нужно было определить смету расходов и источники финансирования) [\[21, л. 8\]](#).

У крымских организаторов исследуемого мероприятия для создания концепции и сбора экспонатов было время только с января по март 1925 г., плюс наблюдалось острое

ограничение по финансовым расходам. Как отмечал в Бюллетене ГАХН В. Э. Мориц: «В силу этого нельзя было предоставить многим экспонентам достаточно длительного срока на специальное изготовление экспонатов, приходилось выбирать, главным образом, из имеющейся наличности или, в некоторых случаях, ограничиваться тем небольшим выбором, который те или другие организации или отдельные лица, могли успеть приготовить. Следует иметь в виду, что момент специального изготовления ряда особо характерных и показательных экспонатов для крупных выставок, в особенности для выставок международных, всегда имеет место, так как обычная продукция кустарной и художественной промышленности, руководствующаяся рынком, далеко не всегда может полностью выражать все свои возможности. Наконец, в силу этого же нельзя было послать специальных эмиссаров для подбора предметов на местах, или вызывать отовсюду представителей для дачи подробных, инструкций и указаний, приходилось ограничиваться перепиской, которая ни коим образом не могла достичь тех же результатов. Особенно затруднен был вследствие этого вопрос с экспонатами республик, которые должны были заблаговременно прислать вещи для экспертизы в Москву, срок подготовки для которых был обратно пропорционален удаленности их от центра, которые в некоторых случаях присылали слишком обширные ассортименты, в некоторых же случаях – предметы, не отвечающие общим заданиям выставки или заданиям Отдела СССР» [\[16, с. 9\]](#).

Важно было понимать, что за короткий срок со многими организаторами отделов на местах (в отдаленных от центра республиках) не было времени встретиться, надеялись на переписку, рекомендации, знания и опыт членов комитета, отвечающих за сбор экспонатов. У руководства иногда даже не было уверенности в столичных специалистах, так, искусствовед и видный член выставочного комитета 1925 г. Я. А. Тугендхольд, отвечавший за пропаганду и информацию о работе комитета, в письме к П. С. Когану выражал опасения, сказав, что было бы «преступно экспериментировать» с выбором вовлеченных людей и их задачами. Вместо этого Тугендхольд просил организаторов, которые не только обладали бы «чувством языка, родного, специфического характера России», но и знанием западного культурного контекста. Например, он также был особенно обеспокоен назначением А. М. Родченко в качестве главного оформителя всей выставки, утверждая, что у него не было достаточного предварительного опыта: «<...> я, со своей стороны, полон опасений и тревоги. За время Вашего и моего отсутствия, в Комитете (временно?) восторжествовала линия, крайне беспокоящая меня. Быть может, это уляжется, но я все же считаю нужным сейчас же поделиться этим с Вами. Дело в том, что в работу вошел Маяковский, и в результате этого Д. П. [Штеренберг], в мое отсутствие утвержденный как завед. худож. частью выставки, провел в качестве художника, который будет декорировать выставку, Родченко! Родченко – спец по обложкам, но в роли декоратора он никогда не выступал, кроме того он не чувствует народного, туземного, специфического характера России. Я считаю, что нам экспериментировать – преступно, Родченко можно поручить декорировать отдел Госиздата, но отнюдь не всю выставку в целом <...>» [\[20, с. 400–401\]](#) (А. М. Родченко организаторы отделов заказали экспонат на выставку в Париже «Рабочий клуб», копии из плакатов для Моссельпрома, ГУМа и Резинотреста, а также окрашивание павильона К. С. Мельникова, проект оформления и исполнения трех залов Гран-Пале и развеску экспонатов. В итоге, за рекламу Родченко получил серебряную медаль, а за театр и интерьер еще две медали).

В данном ключе на местах участников такой масштабной выставки нужно было выбирать тщательно. С выбором организаторов крымского отдела проблем не было, здесь большую часть работы выполнили сотрудники Государственного дворца-музея тюрко-татарской

культуры (г. Бахчисарай) и особенно его директор У. А. Боданинский (1877–1938). Обширные познания директора музея и его высокий профессионализм в изучении материальной культуры крымских татар, живописи, декоративно-прикладном искусстве, архитектуре, его гражданская и патриотическая позиция в решении многих вопросов обусловили на выбор его в качестве одного из организаторов крымского отдела. 1925 г. был в истории Бахчисарайского музея и его директора одним из самых плодотворных и насыщенных различными событиями. В это время на качественно новом уровне развивалась этнографическая, археологическая и выставочная работа музея, усиливались контакты с научными организациями как в Крыму, так и за его пределами.

Как художник-декоратор, исследователь крымскотатарской культуры и носитель языка У. А. Боданинский сыграл ключевую роль в организации подготовки крымскотатарских экспонатов для данной выставки, в создании крымского павильона и подборе необходимых экспонатов. Его активная деятельность проявилась в нескольких направлениях:

1. Организационная работа. Он в составе комитета во многом отвечал за координацию усилий местных сотрудников крымоведческих организаций, крымскотатарских ремесленников и музеев, занимавшихся подготовкой экспонатов. Под его руководством проводились исследования и сбор необходимых материалов (накануне мероприятия он как раз работал над проблемой развития и сохранения традиционных ремесел и промыслов, знал специфику и способы создания многих изделий, что позволило обеспечить богатый выбор разнообразных бытовых предметов, широко представляющих историческое и культурное наследие крымских татар).

2. Формирование концепции экспозиции, создание эскизов павильона и экспонатов. У. Боданинский активно участвовал в разработке концепции выставки, которая, согласно Программе, должна была представлять собой несколько выставочных комплексов, размещенных в разных отделах. При создании крымскотатарской комнаты он стремился отразить уникальные черты крымскотатарской культуры и передать посетителям картину мира, восточный образ жизни и традиционные обычаи народа, благодаря чему экспозиция приобретала особую целостность и глубину, привлекая внимание посетителей своей аутентичностью и выразительностью. Работы, связанные с элементами костюма и заказанные для выставки, выполняли по рисункам У. Боданинского следующие кустари: в Бахчисарае (Зекерья Ибрагим Куюмджи, Абдша и Веис Бахшишевы – филигранные изделия, Грозный Я. Х. – деревянные инкрустированные изделия (ходули «налын»), Секине Каракозова – вышивки, куклы, Збиде Муждабаева – вышивки, Тевиде Ахмедова – казас (изделия из серебряных ниток, галун / шерт)); в Симферополе (Цыгоев Семен Карпович – серебряные филигранные изделия [\[5, с. 147\]](#)). Таким образом, через международную выставочную площадку У. Боданинский и ремесленники-мастера стремились выразить поддержку и продвижение национальных крымскотатарских ценностей и традиций, заботились об их сохранении и популяризации даже в рамках советского нового быта. Их усилия были оценены по достоинству и способствовали формированию положительного образа Крыма и крымских татар на международном уровне, укрепляя авторитет молодой КрАССР как национальной республики.

3. Благодаря выставке У. Боданинский стремился укрепить межкультурные связи региона и крымскотатарских мастеров с иностранными заказчиками, т.к. участие в выставке позволило бы крымским татарам установить международные контакты и привлечь внимание зарубежных деятелей культуры и общественности к декоративно-прикладному искусству крымских татар, к его проблемам и экспортным возможностям

края, где происходил процесс интеграции различных культур в общее пространство модернизирующейся страны, падал спрос на сырье и традиционные ремесленные кустарные изделия, а современное фабричное производство и внедрение нового советского быта не давали возможности активно развивать народные ремесла и промыслы.

4. У. Боданинский также занимался подборкой изобразительных материалов (в первую очередь, фотографии начала XX в., показывающие внешний вид и элементы традиционного костюма крымских татар в условиях нового быта), которые планировалось расположить на специальных стендах. Данная коллекция фотографий должна была визуально дополнять общее впечатление от остальных крымскотатарских экспонатов выставки и помогала лучше понять исторический и культурный контекст крымскотатарской повседневной жизни.

В воплощении задуманной концепции У. Боданинскому помогали представители крымскотатарского ремесленного сообщества, ученики и сотрудники ремесленных школ Бахчисарая и Симферополя, работники крымских музеев. Так, например, в подготовке крымскотатарских экспонатов приняли участие Евпаторийский краеведческий музей, Центральный музей Тавриды (г. Симферополь) и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае [\[8, с. 71\]](#). Они приняли непосредственное участие подборе предметов и в изготовлении изделий, вошедших в экспозицию. Мастерство и талант указанных выше крымскотатарских ремесленников стали основой успешного воплощения замыслов организаторов выставки и были высоко оценены зарубежной аудиторией.

Таким образом, совместные усилия всех вышеперечисленных лиц обеспечили успешную подготовку крымскотатарских экспонатов, вызвавших резонанс в мире современного на тот момент искусства и не оставивших равнодушными многих посетителей, мастера и организаторы крымского отдела внесли весомый вклад в укрепление авторитета культуры крымских татар как самостоятельного этноса, имеющего вековые традиции создания комплекса костюма. А Усеин Боданинский стал одним из ключевых организаторов успешной презентации крымскотатарской культуры на одной из крупнейших мировых площадок первой четверти XX в., продемонстрировав важность крымскотатарского историко-культурного наследия и содействовав укреплению позиций крымских татар на международной арене.

Согласно данным дневника У. А. Боданинского, мы узнаем, что 18 февраля 1925 г. в Крымский выставочный комитет (г. Симферополь) была сдана первая партия экспонатов, 24–26 февраля – вторая и 3-ю партию экспонатов (последнюю) для Парижской выставки декоративных искусств в 1925 г. (для организации крымскотатарской комнаты) он уже сдал 2 марта 1925 г. [\[5, с. 147, 148, 150; 19; 18, с. 36\]](#). Т.е. все экспонаты для данной выставки были созданы или собраны в рекордные сроки.

Однако непосредственная демонстрация крымскотатарских ценных экспонатов на Парижской выставке была омрачена отсутствием официальной делегации из Крыма и расположение деталей костюма в советских отделах, требующих особого внимания и подхода в размещении на стендах, манекенах и т.д., происходило, к сожалению, без участия крымскотатарских организаторов, обладающих глубокими знаниями национальной специфики. Даже У. Боданинский не смог посетить данное мероприятие и с горечью наблюдал за событиями о выставке лишь из новостных сводок газет. Об этом он оставил записи в своем дневнике. Нам известно, что 26 марта КрымЦИК вынес постановление о командировке У. А. Боданинского на Парижскую выставку

представителем от Крымской АССР. Замещать себя на посту директора музея с 25 апреля и до возвращения из командировки У. А. Боданинский назначил Р. Гаспринского. Выехав из Крыма, он уже к 30 апреля был в Москве, об этом он оставил заметку в дневнике: «в Комиссариате иностранных дел, необходимо утвердить членов Крымской делегации для получения виз и участия в выставке в Париже», далее директор музея сообщает, что до 14 мая ждал отклика из посольства Франции, попытался наладить связь с И. Приком, проживающим в Париже: «Для получения визы во Францию отправил ответную телеграмму из 34 слов проживающему в Париже товарищу Иосифу Прику: «*Prière aider recevoir la vise Ministère d'Étranger Enquete envoiye reponse Moscou GOUM Représentement Crymée*» / [Пожалуйста, помогите получить визу Министерство иностранных дел Запрос отправлен ответ Москва Представительство ГУМа Крым]. 17 мая оставил короткую запись в дневнике: «В Москве. Сажу в ожидании получения визы во Францию». 20 мая от И. Прика из Парижа пришел ответ на его телеграмму: «Стараюсь, надежды мало, подробно письмом Прик», а 26 мая У. А. Боданинский отметил: «Заявление, анкеты и мой паспорт для поездки на парижскую выставку 20 апреля из Акмесджита (Симферополь) были направлены в Народный комиссариат иностранных дел Советского Союза. 23-го мая по сведениям, полученным из Французского посольства, визу мне не выдали. 14 мая согласно ноте, выданной посольством, Министерство иностранных дел Франции отказало мне в визе». Поэтому 4 июня он уже выехал из Москвы в Крым и вернулся обратно в Бахчисарай 10 июня [\[5, с. 167-191\]](#). В первые послереволюционные годы нередко были случаи, когда вмешательство государственных структур лишь препятствовало восстановлению культурных связей, стремление к расширению культурных связей с Европой использовалось властями в качестве дополнительного средства давления на интеллигенцию. Выезды то разрешали, то запрещали; учитывались и лояльность стремившихся к выезду, и международная или внутривосточная ситуация, и, конечно, цели поездки. При этом неоднократно предпринимались попытки создать своеобразную систему «круговой поруки» [\[7, с. 69\]](#). К слову сказать, А. М. Родченко также жаловался в своих письмах на проблемы с выдачей виз, в одном из своих писем от 6 июня 1925 г. он сообщал, что: «В понедельник иду к консулу за паспортом и буду собирать вещи. Не так легко выбраться, как и въехать в Париж» [\[22, с. 108\]](#). Таким образом, У. А. Боданинский не смог выехать в Париж и остался в Крыму, где уже с 15–25 июня принимал участие в Научной экспедиции Кр. ЦИКа и СНК по изучению крымскотатарской культуры в Крыму вместе с профессорами И. Н. Бороздиным, А. С. Башкировым П. И. Голландским и О. Акчокраклы.

Благодаря сведениям газеты «Красный Крым», дневнику У. Боданинского и указанной выше Программе подготовки, подписанной П. С. Коганом, мы узнаем, что Крым должен был быть представлен на Парижской выставке прежде всего бытовым национальным татарским ансамблем, в виде внутренней обстановки типичного татарского дома, где должны гармонично сочетаться характерные предметы татарского быта, взятые в своих лучших художественных образцах, с предметами, характеризующими изменения, которые внесли в быт новые условия советской действительности. Здесь должны были быть показаны образцы старинных художественных работ, мужских и женских костюмов, цветные войлоки, местной работы ковры, чадры, шитье золотом по бархату, старинная чеканная посуда и пр.

Председатель комитета СССР международной выставки декоративного искусства П. С. Коган предлагал предоставить крымским организаторам выставки экспонаты, часть которых презентовала бы крымскотатарский костюм и предметы ремесленного производства, связанные с его созданием: в первом бытовом отделе должны были

гармонично сочетаться характерные предметы татарского быта, взятые в своих лучших художественных образцах, причем часть их может быть представлена образцами более раннего происхождения, с предметами, характеризующими стороны изменения этого быта новыми условиями советской действительности. В этой комнате должны быть представлены: образцы старинных художественной работы мужских и женских костюмов, чадры, марама, шитье золотом по бархату, деревянная и перламутровая инкрустация (ходули «налын»), шитье золотом по сафьяну (туфли «терлик») и т. д. Элементы нового быта крымскотатарской комнаты должны были быть показаны путем вкрапления их в бытовую ансамбль, связав обе эти стороны в одно целое. Этого можно было достичь выставлением изданных на татарском языке книг, учебников и специальных снимков, свидетельствующих о вовлечении татарских масс в строительство.

- Во втором отделе надлежит выставить предметы национальной художественной промышленности всех отраслей, как существующих в данный момент, так и тех, которые легко могут быть восстановлены. В данном случае, прежде всего, следовало использовать художественные изделия татарской художественно-промышленной школы в Бахчисарае и Симферопольской мастерской. Это был комплекс художественно-промышленных изделий, которые могли служить предметом заграничного сбыта. По замыслу организаторов, сюда входили вышивки по старым образцам на чадрах и др. тканях, изделия из шерсти, ткани, сафьяна, резьба и инкрустация по дереву, филигранные работы, чеканные изделия. Первое место должно быть уделено наиболее типичным и художественным предметам (чадры, филигранные работы), учитывая интерес к ним и могущей иметь значение для экспорта спрос со стороны Европейского рынка).

- В третьем отделе выставки должны фигурировать экспонаты, характеризующие художественный элемент в области промышленности (лучшие образцы упаковки местного вина, фруктов и пр.) [\[13; 28; 21, л. 8-806\]](#).

Далее в Программе также указывалось, что «часть предметов (в особенности для первого отдела) должна быть приобретена путем скупки по деревням, а часть должна быть заказана в Бахчисарае и Карасубазаре. Одновременно необходимо было срочно сделать заявку о закреплении за Крымом места на выставке и предоставлении средств на доставку экспонатов» [\[21, л. 806\]](#). Также в записи дневника У. А. Боданинского от 24-26 февраля 1925 г. указано, что он «получил еще 200 р. из Главвыставкома через [А. И.] Полканова и 200 руб. из Крымгосторга через Данилова на приобретение экспортных кустарных изделий» [\[5, с. 148\]](#). Важно отметить, что экспорт кустарей, безусловно, не был советским новшеством. Магазины с искусством и ремеслами Российской империи уже существовали по всей Европе еще до Первой мировой войны. Российская империя представляла искусство и ремесла в больших масштабах на раннем этапе, но именно оглушительный успех на Всемирной выставке 1900 г. превратил их популярность в сильный экспортный рынок. Любопытно, что с самого начала искусство и ремесла сыграли решающую роль в построении имперской российской идентичности, в то время как самопрезентация империи была ориентирована на ее восприятие и успех за рубежом. В этом смысле ее акцент на народном искусстве можно было сравнить с популярностью этнографических презентаций на Всемирных выставках. Во Франции, в частности, этнографические выставки сыграли важную роль в освещении колониальных успехов страны. Советское правительство продолжало поддерживать экспорт произведений искусства и ремесел как желанный источник иностранной валюты, и к середине 1920-х годов кустарные изделия были одними из самых востребованных экспортных товаров из Советской России [\[31, р. 43\]](#). Следует также уточнить, что часть выставочных изделий, в том числе и крымскотатарских, сразу готовилась на экспорт (о

чем тоже упоминает У. Боданинский), их планировали продемонстрировать и реализовать на эспланаде Дома Инвалидов, где размещались киоски «Торгсектора», торговавшие фарфором, коврами, шальями, текстилем, книгами, марками, изделиями из кости, дерева, папье-маше, драгоценных камней, но, к сожалению, «продажа, как в Отделе СССР, так и в специально торговой части (Торгсектор) не оправдала возлагавшихся на нее надежд. И не потому, что публика не интересовалась товарами, не потому, что спрос на них был мал. Напротив – покупателей шли вереницы, но их отпугивала совершенная недоступность цен. Организации, не только предоставляя вещи Комитету для экспонирования, но и посылая их Торгсектору для продажи, назначали непомерно высокие цены, не считаясь с тем, что налоги (таможенный сбор, налог на предметы роскоши, торговый налог, отчисление выставке, страховка и пр.) почти удваивают и без того высокую себестоимость товаров» [\[16, с. 16\]](#). Торговый сектор был дополнительным отделом к выставочному, но это «был красочный советский уголок, где публика находила доказательства промышленной активности Советского Союза, где она воочию убеждалась в нелепости рассказов о гибели кустарного производства и о разгроме промышленности. <...> он [этот отдел] мог установить, какими товарами из представленной в нем области промышленности интересуется иностранный покупатель и не только розничный, но и оптовик, почему на те или другие товары спрос меньше, какие цены были бы приемлемы, на каких условиях могли бы быть установлены связи и т. д. Кроме того, он давал постоянно самые разнообразные справки и по другим производствам и направил не мало покупателей-оптовиков и лиц, реально интересующихся коммерческими связями с СССР, в местные Советские торговые органы, что, впрочем, делал и выставочный Отдел, где перебивало очень много лиц, которые, будучи совершенно неосведомлены, куда обратиться за нужными им сведениями по вопросу торговых сношений с СССР, приходили просить соответственных указаний» [\[16, с. 16\]](#).

В Программе по подготовке крымских экспонатов также имелась запланированная «Предварительная смета расходов по участию Крыма в Международной художественно-промышленной выставке в Париже весной 1925 г.» (Таблица 1), где часть предметов касалась традиционных элементов костюма (головных уборов, одежды, обуви, поясов и ювелирных украшений – выделено курсивом [Авт.]) и фотографии [\[21, л. 9-9об\]](#):

Наименование	Количество		цена	сумма
	для экспорт. отдела	для бытового отдела		
1. Юзбезы, кабрызы, <i>марамы, чадры ...</i>	10	20	12	360
2. Тоже нового производства	5	5	7	70
3. «Баш-явлук», «Еден-явлук», пояс «Учкур» свадебный, «Юз-без» и пр.	5	8	–	200
4. Золотое шитье (кисеты, «чорап-баг» (подвязки)) и пр.	10	5	5	75
5. Образцы набоек	10	5	5	75
6 . <i>Костюмы праздничные мужские и женские</i>	–	2	100	200
7. Покрывала <i>парчовые,</i>				–

одеяла и пр.	–	–	–	75
8. Войлоки цветные...	1	2	80	240
<i>изделия из кожи</i>				
17. «Папич»	2	2	3	12
дом. туфли				
18. Шитые зол. туфли	1	–	10	10
19. Сафьяновые изделия разн.	5	–	5	25
Серебро и филигрань				
20. «Купе» – серьги разн. филигр.	4	1	3	15
21. «Ине» – броши	4	1	6	30
22. Браслеты	2	1	6	18
24. Украшения на фесы	2	–	20	40
36. Фотографии по советизации татар	–	20	4	80

Таблица 1. Крымскотатарские экспонаты, относящиеся к компонентам традиционного костюма, представленные в «Предварительной смете расходов по участию Крыма в Международной художественно-промышленной выставке в Париже весной 1925 г.»

Из элементов традиционного костюма на выставке, исходя из данных Программы, планировалось продемонстрировать следующие экспонаты: традиционную праздничную мужскую и женскую одежду; из головных уборов – женские покрывала «марама», платки «баш-явлук». Из обуви должны были показать туфли «терлик» и шлепанцы «папуч», вышитые золотом по сафьяну, расшитые золотными нитями подвязки для мужских носков «чорап-бав», а также инкрустированные перламутром деревянные ходули «налын». На выставке необходимо было продемонстрировать и серебряные филигранные изделия, например, браслеты «белезик», серьги «купе», броши «инелер» и наверхия на фес «тепелик». Отметим, что большая половина выставочных экспонатов, касающихся костюма, была представлена в первом и во втором отделах.

Крымские татары представили на Международной выставке в Париже 1925 г. лучшие образцы своего традиционного костюма, демонстрируя богатство и разнообразие своей многовековой культуры. Эти экспонаты привлекли особое внимание зарубежных зрителей и международных экспертов, они подчеркивали уникальность и высокий уровень самобытности национального историко-культурного наследия крымских татар, сохранившегося даже в рамках нового советского быта. После окончания выставки крымские экспонаты были переданы из Главвыставкома в Бахчисарайский музей. В инвентарные книги было внесено 309 экспонатов, побывавших в Париже, сегодня в музее числится порядка 120 ед. хр. В Бахчисарайском музее насчитывалось 62 серебряных и позолоченных филигранных изделия, демонстрировавшихся на двух щитках и относящихся к выставочным экземплярам в Париже в 1925 г.: 25 пар сережек, 23 брошки, 4 серебряные булавки, кольца, пряжки для пояса, браслеты (изделия ювелиров были украшены драгоценными камнями, резьбой, гравировкой, изображением сердец, кипарисов, миндаля). Деревянные изделия, относящиеся непосредственно к

традиционному крымскотатарскому костюму, были представлены на выставке четырьмя парами ходулей «налын» («табандрык»), инкрустированных перламутром. Кожевенники сшили для выставки три пары туфель без задников с ровной подошвой, слегка приподнятым носком и язычком у подъема «терлик» и две пары «папуч», вышитых серебром шлепанцев, которые имели в меру тупой носок и толстую ровную подошву. На выставке были широко представлены изделия крымскотатарских вышивальщиц: 61 женское головное покрывало «марама», большое количество девичьих покрывал «шербенти», а также были подготовлены богато расшитые золотными нитями подвязки для мужских носков «чорап-бав». Из традиционных элементов праздничного женского костюма крымских татар из фондов ГДМТТК на выставке в Париже были представлены следующие экспонаты: платье «антер» из синего атласа с узорами и расшитыми манжетами «ень къапакъ», шапочка «фес» из зеленого бархата с кисточкой и с наверху «тепелик» (из позолоченного серебра филигранной работы). Из мужского традиционного костюма – черный шерстяной жилет «елек», обшитый серебром, 4 тюбетейки «такья». Остальные элементы костюма либо создавались крымскотатарскими мастерами, либо пополнялись из фондов других музеев Крыма. В традиционную одежду крымских татар были одеты четыре куклы, две куклы в женскую одежду и две в мужскую. Как дополнение к этому разделу были представлены 80 серебряных и шелковых пуговиц и 7 серебряных бантов для пояса, а также экспонировались заготовки цветного качественного сафьяна, вязание из серебряных и шелковых ниток, пуговицы «казас догмасы» (пуговицы из галуна) на 1 щите и т.д. Из этих предметов более сотни были изготовлены в Татарской ремесленно-промышленной школе г. Бахчисарая [\[8, с. 7; 5, с. 150; 2, с. 14–15\]](#).

Таким образом, на базе представленных крымскотатарских экспонатов можно было получить весьма полное представление об основных элементах традиционного костюма и общем уровне развития ремесленного производства крымских татар.

В журнале «Советское искусство» за 1925 г. размещена важная статья, опубликованная Обществом культурной связи с заграницей (ВОКС), которая проливает свет на достижения СССР и характеризует полученные награды: «31 октября с. г. состоялось закрытие Международной выставки декоративных искусств и художественной промышленности в Париже.

Присуждение наград производилось международным жюри, которое подвергло экспонаты самой внимательной и всесторонней критике. Для оценки экспонатов были привлечены виднейшие специалисты по различным областям художественной промышленности. К экспонатам предъявлялись не только чисто художественные требования, но, главным образом, требования оригинальности замысла и выполнения. В результате продолжительных работ Жюри, при которых экспонаты проходили три инстанции осмотра и оценки, экспонентам отдела СССР было присуждено 188 наград <...>. Наибольший успех выпал на долю советского театра, графики и кустарной промышленности <...>. В целом, нужно сказать, что <...> количество и качество присужденных наград вполне соответствует тому фактическому успеху, который советская художественная промышленность имела в передовых слоях французской интеллигенции» [\[27, с. 89\]](#). В отношении общего числа награжденных экспонентов СССР появились расхождения. Указанная выше работа В. Э. Морица говорит о 197 наградах, статья ВОКСа дает цифру в 188, а современные исследователи Г. Климов и Л. Юниверг предлагают цифру в 187 наград [\[16, с. 16–17; 11\]](#).

Опираясь на материалы последних авторов, укажем, что советские экспоненты получили

187 конкурсных наград (из 8313 — общего количества присуждённых на Выставке), в том числе: 9 Гран При (из 1098), 32 Почётных диплома (из 1418), 60 Золотых медалей (из 2060), 45 Серебряных медалей (из 1861), 27 Бронзовых медалей (из 1249), 14 Одобрений жюри (из 627). Ещё 6 Почетных дипломов были присуждены «вне конкурса»: 5 дипломов членам жюри в классах «Архитектура», «Книга» и «Театральное искусство», представившим свои экспонаты во внеконкурсной программе данных классов, и 1 диплом – архитектору К. С. Мельникову за павильон [\[11\]](#).

Основным требованием жюри были новизна и высокий уровень оригинальности изделий. Выставка продемонстрировала сочетание различных направлений современного и традиционного искусства. Сегодня в Бахчисарайском ханском дворце хранится часть этих экспонатов и диплом (к сожалению, в надписи под экспонатом закралась чудовищная ошибка – там сообщается, что бронзовая медаль получена за «крымские кружева», хотя в списке наград за 1925 г. значится, что за «крымский текстиль» (т.е. за традиционную крымскотатарскую одежду, головные уборы и расшитые золотными нитями тапочки «терлик»). Это подтверждает статья из газеты «Красный Крым» от 17 ноября 1925 г., где сообщалось: «На Парижской Международной выставке присуждена бронзовая медаль экспонатам татарской кустарной промышленности, отправленным на выставку КрымОХРИСом» [\[15\]](#). Таким образом, мы узнаем, что крымскотатарские предметы костюма, победившие на конкурсе, оказались в классе «текстиль» (Класс XIII. «Текстиль»), а не в «одежде» (Группа III. «Одежда», Класс XX. Одежда. Класс XXI. «Аксессуары одежды») и благодаря каталогу наград мы можем видеть, что под п. 64 значится запись: «Бронзовая медаль – экспонент – Крымский текстиль, а представленные экспонаты – расшитые золотом и серебром женский и мужской национальные костюмы, а также традиционная обувь (сафьяновые туфли и деревянные туфли-ходули)» [\[30, p. 91\]](#). Далее становится понятно, что к сожалению, без наград остались следующие категории крымскотатарских изделий, презентующих различные элементы костюма: Класс XVI. Игры и игрушки; Класс XXIV. Бижутерия, ювелирные украшения; Класс VIII. Дерево и кожа; Класс IX. Мелкие изделия из дерева и кожи. Следует иметь в виду, что зарубежные павильоны на выставке в Париже 1925 г. вполне открыто демонстрировали компромисс между национальным и интернациональным в рамках современной эстетики, спасая тем самым от исчезновения различные элементы традиционной культуры многих народов. Дизайнеры и производители не отказывались полностью от традиционного влияния на предметы в целом, часто представляя модернизированные традиционные формы выставочных экспонатов. Именно с таким расчетом были оформлены и крымскотатарские предметы. Созданные на основе традиционных форм они были в изобилии украшены советской символикой, где вместо традиционных орнаментов часто изображались пятиконечные звезды, серп и молот, а вместо фраз на арабском языке из Корана, имеющих значение оберега, были выполнены надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или «СССР». Предметы были оформлены таким образом, чтобы показать слияние национального и современного, что было залогом того, что изделия пройдут отбор, несмотря на ярко выраженную традиционность. Явно, что внедрение советских символов в традиционные предметы материальной культуры крымских татар было вынужденной мерой, которая способствовала появлению крымских экспонатов на этой выставке, т.к. изделия ручной работы в дореволюционном стиле не были исключены из экспозиции, но они сопровождалась вариациями с новыми советскими декоративными элементами [\[6, с. 355; 8, с. 71\]](#). Несмотря на то, что во многих номинациях крымскотатарские экспонаты остались без внимания жюри, все равно было очевидным, что «кустарная промышленность не исчезла, что живы традиции мастерства, на основе которых в условиях новой

общественной и бытовой обстановки, вырастает новая яркая продукция <...>. Все те, чей интерес глубок, кто хотел вникнуть и кому дано понимать, не ошиблись, указывая, что советский Отдел по своему характеру должен был резко отличаться от отделов других стран, что ни в его оборудовании, ни в его содержимом не могло быть пышности и роскоши, которая так нравилась публике в других местах выставки. Никто не будет утверждать, что в смысле оборудования и подачи экспонатов наш Отдел был безгрешен, или что только у нас все было прекрасно, а у других стран ничего хорошего не было. Те, кто вел работу по Отделу, вполне чистосердечно признают, что промахи у нас были, но, не взирая на все стремления, их нельзя было избежать в силу тех условий работы, о которых пришлось говорить. Оборудование Советского Отдела ни коим образом не могло бы по внешнему блеску идти в ногу с обстановкой большинства других отделов. В ней не могло не быть некой строгости, серьезности, своеобразной простоты, соответствующих характеру содержимого Отдела. Но будь в распоряжении Комитета несколько больше средств, можно было бы в рамках принятого замысла оборудования, в полном соответствии с духом Советского Отдела внести некоторые улучшения в экспозицию, обострить и усилить в некоторых случаях подачу вещей. Но в основе взятый нашими художниками тон был вполне правилен и люди понимающие не прошли мимо этого... в нашем Отделе были свежесть, молодость и убедительность совершенно иной целевой установки нашего декоративного искусства. Это, несмотря на предубежденность, чувствовал и должен был признать и рядовой посетитель, это отмечала и критика. Если обратиться к результатам работы жюри, мы увидим, что наши сильные стороны получили отражение в наградах» [\[16, с. 13\]](#).

Крымскотатарские экспонаты на Международной выставке в Париже 1925 года привлекли внимание публики и вызвали значительный интерес среди посетителей и критики. По данным Морица, через советские стенды «шел непрерывный поток публики и что по субботам и праздникам наплыв посетителей был так велик, что приходилось регулировать вход, пропуская одновременно не более, примерно, 70–80 человек, можно получить примерное представление о количестве посетителей, прошедших через Отдел. По сведениям начала ноября за 6 месяцев цифра посещаемости выставки выразилась в 16 180 511 человек; в предпоследнее воскресенье функционирования выставки на ней перебивало 198 775 человек. Если к этому прибавить, что Отдел посетили представители прессы почти всех стран, что мы щедро снабжали журналистов фотографиями наших стендов и экспонатов, что пропаганде Отдела содействовали каталог со статьями и сборник «Декоративное искусство СССР», что оба эти издания и фотографии посылались во многие страны по запросам оттуда журналистов и критиков, что не только во французской прессе, но и в периодической печати почти всех стран имелись многочисленные следы нашего выступления – станет ясно, какое огромное значение имело для Советского Союза его участие на парижском международном смотре» [\[16, с. 12\]](#).

Гости высоко оценили оригинальность представленных комплексов крымскотатарских традиционных костюмов и ремесленных изделий (качественный сафьян и кожаная обувь, ажурная филигрань в ювелирных украшениях, вышивки на верхней наплечной одежде (платья, куртки), головных уборах (женские покрывала, где особое внимание было уделено использованию традиционных узоров и техник вышивки), что позволило продемонстрировать богатство орнаментальных решений, мастерское владение техниками ручной работы. подчеркнуло эстетику, роскошь, высокую степень техники обработки и тонкой отделки, чувство формы и пропорций, красоту и уникальность разнообразных элементов одежды, головных уборов, поясов, обуви и ювелирных

украшений. Особо были отмечены крымскотатарские платья «антер», которые подчеркивали с помощью поясов и крупных поясных пряжек красоту женской тонкой талии, а отсутствие корсета предоставляло женщинам свободу в движениях. Идея простого платья с геометрическим орнаментом и контрастными дорогами ювелирными украшениями, использование блесток и мелких камней, бусин и бисера в процессе декора одежды сближали идеалы женской красоты крымских татар и европейских женщин первой четверти XX в. [\[6, с. 354–355\]](#).

При виде крымскотатарских костюмов посетители как бы погружались в особую восточную атмосферу и национальный колорит, создаваемые сочетанием различных деталей основного комплекса традиционного костюма и его аксессуаров. Эти экспонаты вызвали огромный интерес у европейской публики, привлекая своим внешним видом, конструктивными особенностями и способом ношения широкое внимание к специфике региональной культуры крымских татар и проявления этнической идентичности.

В связи с тем, что на выставке не было официальных представителей из числа крымскотатарского народа, гости и жюри были лишены возможности проследить общую идею экспозиции (многие экспонаты концептуально были разделены между разными отделами, в первую очередь, между главным павильоном и сектором госторга), не могли узнать детальнее о традиционных названиях различных элементов, их функциональном назначении, особенностях производства и способах ношения, а также жаловались на недостаток пояснений и комментариев относительно истории происхождения и бытования отдельно взятых экспонатов, входящих в комплекс костюма.

Некоторым посетителям не было понятно отсутствие тесной связи крымскотатарской коллекции с общими тенденциями современных направлений искусства (ар-деко, конструктивизм, например, жюри никак не оценили класс «Игрушки», где были представлены куклы в традиционных крымскотатарских костюмах) или в контексте нового советского быта, т.к. хаотичное и не всегда продуманное использование советской символики, демонстрировавшийся на деталях костюма, лишь усложняло образ и не воспринималось ни в качестве традиции, ни в качестве новации. В связи с чем многие экспонаты из класса ювелирных украшений, к сожалению, не получили наград (ювелирные украшения с серпом и молотом или с лозунгами и различными светскими надписями).

Тем не менее экспозиция крымскотатарских изделий на Парижской выставке 1925 г. получила преимущественно положительные отклики, бронзовую медаль за тканые и вышитые изделия, а крымскотатарский костюм и различные элементы быта увидело порядка 1,5 млн людей, посетивших мероприятие, что дало возможность наглядно продемонстрировать уникальную роль и вековые достижения крымскотатарского декоративно-прикладного искусства и народных ремесел мировому сообществу, где мастерам удалось сохранить преемственность традиционной культуры, показать свое глубокое уважение к национальным корням, продолжить связь прошлого с настоящим в условиях жизни в молодой Крымской Автономной Советской Социалистической Республике.

Для культуры Крыма эта выставка несомненно имела важные последствия: 1) возобновился международный интерес к региону, т.к. выставка привлекла внимание мировой общественности к культуре и искусству крымских татар, а участие в экспозиции уникальных предметов быта получили международное признание, повысив интерес зарубежных искусствоведов и коллекционеров к крымскотатарскому историко-культурному наследию; 2) участие в выставке повлияло на развитие туристического

потенциала и популяризацию региона среди путешественников первой четверти XX в., например, многие посетители выставки захотели увидеть собственными глазами знаменитые исторические памятники полуострова, связанные с крымскотатарской историей (Ханский дворец в Бахчисарае, мечеть Джума-Джами в Евпатории и т.д.); 3) концепция выставки крымского отдела, процесс подготовки крымскотатарских экспонатов и дальнейшее их экспонирование в Париже способствовали к более детальному изучению производительных сил края, выявили проблемы, связанные с развитием традиционных ремесел у крымских татар, при этом научная общественность и краеведы стали активнее заниматься изучением и сохранением памятников истории и культуры народа.

Таким образом, традиционный костюм крымских татар наряду с другими экспонатами стал визитной карточкой и особым символом национальной идентичности и культурного богатства народа, который был представлен миру на престижной выставочной площадке Франции в 1925 году. А само участие крымскотатарских экспонатов в Международной выставке 1925 года внесло значительный вклад в формирование образа Крыма как уникального культурно-исторического центра, что стало важным и основным этапом в развитии декоративно-прикладного искусства и художественного творчества крымскотатарских мастеров и в целом культурного обмена в рамках политики коренизации КРАССР.

Библиография

1. Агишева И. Н., Покка Е. В. Творчество архитектора Константина Мельникова // Известия КГАСУ. 2017. № 3 (41). С. 7-14. EDN: ZHJPBR.
2. Алпашкина О. Н. Просветительская, охранный деятельность и этнографические исследования Бахчисарайского музея в первые десятилетия советской власти // Этнография Крыма XIX - XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып. 3 / отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. Симферополь: СГГ, 2012. С. 12-18.
3. Бартрам Н. СССР на Парижской выставке // Советское искусство. 1925. № 1. С. 95-96.
4. Богомазов С. Советское искусство на путях культурной смычки с границей // Советское искусство. 1928. № 4. С. 69-74.
5. Боданинский У. А. Собрание сочинений. Том II. Дневники: 1923-1926 гг. Казань-Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 264 с.
6. Власов В. П., Бухтоярова В. А. Традиционный костюм крымских татар на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств (Париж, 1925 г.) // Этнография Крыма XIX - XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып. 3 / отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. Симферополь: СГГ, 2012. С. 349-356.
7. Голубев А. В., Невежин В. А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е - первая половина 1940-х гг. / Ин-т российской истории Российской акад. наук. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 238 с. EDN: VXAGGN.
8. Желтухина О. Крымские экспонаты на выставке в Париже в 1925 г. // Голос Крыма. 2007. 2 февр. С. 7.
9. Искусство народов СССР // Тугендхольд Я. А. Искусство Октябрьской эпохи. Ленинград, 1930. С. 78-97.
10. Иоффе А. Е. Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928-1932. М.: Наука, 1969. 199 с.
11. Климов Г., Юниверг Л. Список награжденных экспонентов отдела СССР. URL: https://web.archive.org/web/20200108013946/http://lamanova.com/16_list-exhibitors-

1925.html (дата обращения: 01.02.2025).

12. Коган П. С. Г.А.Х.Н. и наши художественные выступления за границей // Искусство: ежемесячный журнал Главискусства Наркопроса РСФСР. 1929. № 3-4. С. 10-15.
13. К участию Крыма на Парижской выставке // Красный Крым. 1925. 24 января.
14. Манукян Д. В. Новые тенденции выставочного проектирования в контексте Международной выставки в Париже 1925 года // Артикульт: научный электронный журнал. 2015. № 19(3). С. 44-53. EDN: VHXZNZ.
15. Медаль крымским экспонатам // Красный Крым. 1925. 17 ноября.
16. Мориц В. Э. Советский отдел Международной выставки декоративных искусств в Париже 1925 г. // Бюллетени ГАХН. М., 1926. № 2-3. С. 7-17.
17. Моск Б. СССР на выставке декоративных искусств в Париже // Красный Крым. 1925. № 92.
18. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921-1941: Историографический очерк. Симферополь: Таврия, 2004. 212 с.
19. Отправка экспонатов окончена // Красный Крым. 1925. № 51.
20. Письмо Я. А. Тугендхольда П. С. Когану от 7 января 1925 года // Волкова Н., Шумихин С. Встречи с прошлым: Вып. 8. М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. С. 400-401.
21. Программа участия Крымской Республики в Парижской выставке // ГАРК, ф. Р.-652, оп. 1, д. 839, л. 8-9 об.
22. Родченко А. В Париже: из писем домой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 136 с.
23. Соколов А. С. Россия и СССР на Всемирных выставках XX-XXI веков // Новая и Новейшая история. 2018. № 2. С. 125-143. EDN: YTIQFM.
24. СССР и Парижская выставка 1925 г.: мнения ответственных политических деятелей. М.: Связь, 1925. 15 с.
25. Сысоева Е. В. Международная выставка декоративного и индустриального искусства 1925 года в Париже // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв: зб. наук. праць. 2009. № 11. С. 137-147.
26. Тугендхольд Я. А. К участию СССР на международной Парижской выставке (Письмо из Москвы) // Красный Крым. 1925. 28 декабря. № 299 (1216).
27. Успехи СССР на Международной Выставке Декоративных Искусств в Париже // Советское искусство. 1925. № 9. С. 89.
28. Участие Крыма в Парижской выставке // Красный Крым. 1925. № 11.
29. Exposition de 1925: Section URSS: catalogue: Exposition internationale des arts decoratifs et industriels modernes (1925: Paris, France) / Section de l'Union des Republiques Sovietistes Socialistes. Academie russe des Sciences de l'Art. Paris, 1925. Paris: [Imprimerie Kapp], 1925. 227 p.
30. Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes, Paris 1925: Liste des récompenses / Ministère du commerce, de l'industrie, des postes et des télégraphes. Paris: Imprimerie Nationale, 1925. 176 p.
31. Kozhanova M. Curating national renewal: the significance of arts and crafts in the construction of Soviet identity at the 1925 Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes in Paris // Art East Central. 2023. Vol. 3. Iss. 3. Pp. 37-57. DOI: 10.5817/aec2023-3-3 EDN: UFPOMF.
32. L'Art Decoratif et Industriel de l'U.R.S.S. / Comite de la section de l'U.R.S.S. a l'Exposition Internationale des Arts decoratifs. Paris, 1925. Moscow, 1925. 156 p.
33. Waleffe de M. Une promenade a l'Exposition des Arts decoratifs // Les Modes: revue mensuelle illustrée des arts décoratifs appliqués à la femme. 1925. 01 juillet. Pp. 2-3. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Первая половина XX века оказалась ознаменована кардинальными общественно-политическими и социально-экономическими переменами как в России, так и за ее пределами. Две мировые войны, революционные потрясения, экономический кризис 1929 года не могли не сказаться и на переменам в сфере культуры. Многим это период представляется как пересмотр прежних подходов к культуре, но на самом деле именно на фоне радикальных перемен усиливался интерес и к традиционным культурным ценностям.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются крымские экспонаты на Международной выставке 1925 года в Париже. Автор ставит своими задачами раскрыть Международную выставку современных декоративных и промышленных искусств в Париже, проанализировать крымский отдел, определить ключевую роль У.А. Бодадинского в организации подготовки крымскотатарских экспонатов для данной выставки.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать вопросы подготовки традиционного костюма крымских татар и ремесленных изделий, связанных с его производством, на Международную выставку в Париже в 1925 г. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Государственного архива Республики Крым, заметки из газеты «Красный Крым» и специализированных журналов Наркомпроса "Советское искусство", а также воспоминания У.А. Бодадинского. Из используемых исследований укажем на труды А. Желтухиной, У.К. Мусаева,, В. П. Власова и В. А. Бухтояровой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения крымского отдела на Международной выставке в Париже 1925 г. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Международной выставкой в Париже 1925 года, так и крымским отделом на ней. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств, которая снова проходила в Париже с апреля по октябрь 1925 г., "стала знаковым и инновационным событием в мире искусства и промышленности уже первой четверти XX в." Автор обращает внимание на то, что

"выставки в Париже 1925 г. позволила гостям и членам экспертного жюри ознакомиться с разнообразием стилей и вариантов интерьерных павильонов, сравнивая их друг с другом, причем, для СССР была выделена 1/6 часть всего выставочного пространства". В работе показано, что "экспозиция крымскотатарских изделий на Парижской выставке 1925 г. получила преимущественно положительные отклики, бронзовую медаль за тканые и вышитые изделия, а крымскотатарский костюм и различные элементы быта увидело порядка 1,5 млн людей, посетивших мероприятие".

Главным выводом статьи является то, что

"участие крымскотатарских экспонатов в Международной выставке 1925 года внесло значительный вклад в формирование образа Крыма как уникального культурно-исторического центра, что стало важным и основным этапом в развитии декоративно-прикладного искусства и художественного творчества крымскотатарских мастеров".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Хазиев Р.А., Гоффер П.С. Нелегальная финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в годы «хрущевского реформизма» // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.74439 EDN: OWLGEJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74439

Нелегальная финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в годы «хрущевского реформизма»

Хазиев Рустэм Асхатович

ORCID: 0000-0002-8754-7791

доктор исторических наук

профессор; институт истории и государственного управления; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1, каб. 512

✉ khazievra@mail.ru

Гоффер Павел Сергеевич

ORCID: 0000-0002-4345-4569

аспирант; институт истории и государственного управления; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1, каб. 512

✉ pavel.goffer@mail.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74439

EDN:

OWLGEJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-05-2025

Дата публикации:

26-05-2025

Аннотация: Нелегальная финансово-хозяйственная деятельность руководящего состава Ленинградского специализированного торгового предприятия по розничной торговле мясными и рыбными товарами («Ленмясорыбторга»), а также сотрудников подведомственных учреждений при

отсутствии должного контроля со стороны вышестоящих партийно-государственных организаций Ленинграда, которые нередко пользовались услугами торгов и магазинов, способствовала утверждению новой социальной категории — «хрущевских богатых» из числа торговых работников. «Труженики прилавка», пользуясь привилегией свободного доступа к материально-товарным ценностям и финансово-хозяйственным ресурсам, откровенно демонстрировали стремление к лучшей жизни, которую себе и своим близким обеспечивали, используя различные мошеннические схемы. Цель статьи состоит в том, чтобы конкретизировать утверждение в постсталинский период теневых практик, реализуемых торговыми организациями с целью личного обогащения, когда подпольная прибыль получалась за счет негласного проведения различного рода хозяйственно-финансовых махинаций. В статье на основе анализа разнообразного массива материалов Государственного архива Российской Федерации (справки, акты, постановления Комиссии советского контроля Совета Министров РСФСР, делопроизводственная документация «Ленмясорыбторга»), впервые вводимых в научный оборот, рассматривается с применением системно-структурного и историко-типологических методов теневая финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в эпоху «хрущевской оттепели». Проведенное исследование позволило выявить, что в эпоху Н. С. Хрущева, когда в советском обществе постепенно начала распространяться идея потребительства, торговые организации являлись своеобразными эльдорадо для зарабатывания неучтенных денег. В них разрабатывались и использовались разнообразные схемы, позволявшие извлекать нетрудовые доходы, постепенно подрывавшие основы планово-социалистической экономики. Дозированный либерализм в хозяйственной сфере, характерный для периода «хрущёвского реформизма», способствовал не только улучшению экономического положения в стране, но и развитию теневой экономики. Хотя за теневые хозяйственные действия в советском законодательстве было предусмотрено суровое наказание, связанное с лишением свободы, стремление к лучшей жизни по-советски способствовало отходу от сталинского стоицизма и формированию в годы «хрущёвской оттепели» потребительской модели повседневной жизни. Важным элементом нового стиля жизни эпохи «хрущевской оттепели» являлось обладание, а также возможность распоряжаться материальными благами, что становилось мерилом личного успеха и значимости человека.

Ключевые слова:

теневая экономика, хрущевская оттепель, торговля, плановая экономика, Ленинград, Ленинградская область, Ленмясорыбторг, продовольственные товары, махинации, Комиссия советского контроля

Преобразования, инициированные Н. С. Хрущёвым в середине 1950-х гг., хотя и привели к положительным изменениям в социально-экономической области [\[4; 6; 10\]](#), тем не менее не смогли кардинально изменить ситуацию со снабжением населения продуктами питания и товарами повседневного спроса, которых по-прежнему ощущался недостаток. В противовес официальной идеологии об исчезновении «остатков капитализма» [\[8\]](#), криминализация советской экономики не сокращалась [Ремнева, С. В. Борьба с преступностью в Ленинграде и Ленинградской области во II половине 1950-х – I половине 1960-х годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2016, с 20.]. Для планово-социалистического хозяйства эпохи «хрущевской оттепели» обыденными становились спекуляция, растраты и хозяйственные махинации.

Вопрос о неформальных экономических практиках, которые стали реализовываться в период «хрущевской оттепели», в определенной степени рассматривали исследователи М. А. Безнин, Т. М. Димони, С. В. Богданов, А. И. Погребняк и др. Так, М. А. Безнин, Т. М. Димони констатируют наличие в торговле 1950–1960-х гг., в основном розничной, нелегального механизма сбыта и приобретения продукции, который представлял собой подкласс рыночного механизма, параллельный формальной экономической схеме [\[1, с. 18\]](#). А. И. Погребняк, опираясь на значительный массив впервые вводимых в оборот документов, рассмотрел на примере Сибири использование мошеннических схем, которые позволяли руководителям отдельных торговых организаций незаконно обогащаться [\[11, с. 328\]](#).

В свою очередь, С. В. Богданов в качестве ключевого фактора, которые привели к увеличению числа преступлений в экономической сфере, выделял нарастание проблем в социально-трудовой сфере. Это выражалось в диспропорциях оплаты труда различных профессионально-квалификационных групп, что влекло за собой неудовлетворенность собственным материальным положением отдельных наиболее предприимчивых граждан. В результате некоторые из них начинали нелегально обогащаться, прибегать к воровству на предприятиях, в учреждениях и организациях [Богданов, С. В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945 - 1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия: автореф. дис. ... док. ист. наук. Курск, 2010, с. 31].

Как правило, различного рода экономические правонарушения имели место в крупных товарно-продовольственных организациях городов союзного значения, включая Ленинград, который был своего рода витриной социализма на северо-западе страны.

В начале 1960-х годов в процессе плановой проверки товарно-материальных ценностей в Ленинградском городском специализированном торговом учреждении «Ленмясорыбторг», которое через сеть «своих госмагазинов» занималось реализацией мясных и рыбных продуктов, были выявлены «вопиющие» нарушения государственной и финансовой дисциплины, совершённые руководителем организации П. Г. Ю. и главным бухгалтером Р. В. Л. [\[5, л. 106, 110\]](#).

Старший контролер Ленинградской группы контролеров комиссии Советского контроля Совета Министров РСФСР Кочановский Н.М и контролер-ревизор контрольно-ревизионного Управления Министерства финансов РСФСР по г. Ленинграду Иванов М.В. раскрыли запутанную схему теневого обогащения. В «Ленмясорыбторге» помимо того, что имели негласный доход, фактически определяя, в каком количестве и как часто «поставлять в розницу» востребованные среди населения мясные и рыбные продукты, также извлекали неучтенную прибыль за счёт намеренного завышения расходов и затрат по отдельным статьям хозяйственной деятельности. Специалисты, осуществляя текущую проверку бухгалтерских документов за 1959–1960 финансовые годы, обратили внимание, что план товарооборота за 1959 год был выполнен на 96,7%. Однако этот показатель не коррелировался с расходами по хозяйственным статьям. Обычно, когда торговая организация выполняла или перевыполняла план по товарообороту, огромный объём бухгалтерской документации не подвергался тщательному анализу с целью выявления «скрытого жульничества» [\[5, л. 110\]](#).

В результате детального изучения бухгалтерских документов было выявлено, что в «Ленмясорыбторге» использовалась схема, которая позволяла беспрецедентно обогащаться. Только за 1959 г. в результате манипуляции с бухгалтерскими проводками

была присвоена значительная по тем временам сумма — 647 700 рублей. Она составила 15% от годового оборота «Ленмясорьбторга». В масштабных махинациях участвовало 39 (69,7%) из 56 магазинов. Преднамеренное превышение затрат под видом незапланированных «издержек» приходилось на транспорт, упаковку и хранение, естественную убыль товаров (порча продуктов), выплаты по надбавкам, разовым «подработкам» и по прочим расходам [\[5, л. 110\]](#).

Руководство «Ленмясорьбторга» явно подвело алчность, когда, вопреки здравому смыслу, в условиях невыполнения плановых показателей и установленных индивидуальных норм выработки, работникам магазинов необоснованно выплачивались премии. Например, в магазине №17 план по товарообороту за 1959 год был выполнен на 88%, но продавцы, тем не менее, получили незаслуженные выплаты. Подобная ситуация наблюдалась и в других магазинах, где премии были явно «нарисованы» [\[5, л. 111\]](#).

«Прогрессивные» выплаты продавцам при их индивидуальной расшифровке казались насмешкой над здравым смыслом. Работникам прилавка начислялись значительные премиальные вознаграждения за то, что они не выполнили план [\[5, л. 111\]](#). Это происходило при том, что большинство продавцов занимались еще обсчётом, обвесом, сокрытием товаров и их продажей «из-под полы». Забота руководства «Ленмясорьбторга» о материальном благополучии подчиненных оправдательно объяснялась тем, что «рост производительности труда по торгу отставал от роста заработной платы на 1,4%», что было серьезным «недостатком в организации труда» торговых работников [\[5, л. 111\]](#).

В нашем распоряжении нет доказательств, подтвержденных документами, но можно предположить, что в «Ленмясорьбторга» существовала негласная практика получения теневых наличных денег, когда часть премиального вознаграждения, выданного продавцам, они отдавали заведующему магазина. В свою очередь собранная с продавцов сумма передавалась «наверх», чтобы обеспечить магазину наилучшие условия для получения необходимой продукции, обеспечивающей выполнение плана. Косвенно об этом говорит тот факт, что после получения премии продавцами отстающих магазинов, они чудесным образом выходили в лидеры социалистической торговли. Это происходило благодаря существенному увеличению количества товаров, поступавших в магазины для реализации населению [\[5, л. 111\]](#).

В конце 1950-х — начале 1960-х годов в стране наблюдался всплеск манипуляций с премиями. В связи с этим 2 января 1959 года было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, согласно которому руководители организаций и предприятий, которые необоснованно увеличили фонд заработной платы, лишались премий «до полного возмещения перерасхода» [\[5, л. 114\]](#). В Ленмясорьбторге явно нарушая определенную ЦК КПСС и правительством систему «вознаграждения за труд» не только увеличили к началу 1960 г. «перерасход» фонда заработной платы, но и издали беспрецедентный приказ о премировании руководящих работников торгового аппарата и 14 руководителей магазинов. Наибольшую сумму «прогрессивных выплат» получили директор и главный бухгалтер Ленмясорьбторга [\[5, л. 114\]](#).

Эпоха «хрущевской оттепели», для которой был характерен частичный хозяйственно-экономический либерализм, определяется развитием процессов, когда командно-административная модель экономики страны, основанная на жёстком планировании и распределении ресурсов, постепенно теряла свою эффективность. Планово-административная система в идеале существовала только на бумаге, то есть в

официальных партийных и государственных документах. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. деятельность Ленмясорыбторга, функционируя в формате неофициальных экономических отношений, была явно направлена на обогащение определенного числа руководителей, которые использовали государственные средства с целью наживы.

Помимо незаконного премирования, теневой доход образовывался за счет нецелевого использования средств, оформляемых по документам в качестве выплат «привлеченным работникам». По распоряжению директора Ленмясорыбторга бухгалтерия «систематически... на протяжении 1959 года и девяти месяцев 1960 года» регулярно начисляла заработную плату сторонним лицам за выполнение разовых работ. Однако по прошествии времени выполнение «нарядов» практически было невозможно проверить. В декабре 1959 года из «кассы магазина № 58» были произведены выплаты за работы по озеленению территории пионерлагеря. Ввиду того, что в зимний период такого рода работы не могли в принципе быть произведены, выданные наличные деньги списали по статье «убытки» [\[5, л. 114\]](#). В 1960 году в Ленмясорыбторге продолжили практику выписывания «липовых нарядов», не имеющих «ни номера, ни даты», для проведения ремонтных работ, а также осуществления текущей хозяйственной деятельности в пионерском лагере. По отработанной схеме деньги были изъяты из касс магазинов № 5 и № 64 [\[5, л. 114, 115\]](#).

Ещё одним способом обогащения было использование так называемой кадровой «неучтёнки». В магазинах, входящих в систему Ленмясорыбторга, с молчаливого одобрения руководства торгова была распространена практика не включать физических лиц в особый учетный формуляр, называемый «несписочный состав» торговой организации. Однако при этом «неучтенным», по сути, анонимным работникам выдавались наличные деньги из кассы магазинов. Как правило, частные лица получали выплаты за различные хозяйственные работы, которые не были официально зафиксированы [\[5, л. 107, 108, 118\]](#).

Другим методом незаконного присвоения денежных средств, который было трудно подтвердить из-за отсутствия доказательств выполнения работ, было так называемое озеленение. В период с 1959 по 1960 год частные лица, «не имеющие отношения к торгам», постоянно получали наличные из кассовой выручки магазинов № 5, 43, 48, 49, 58 и 60 на озеленение [\[5, л. 115\]](#). В отдельных случаях денежные средства, как это произошло весной 1960 г. в магазине №8, выдавались по указанию главного бухгалтера Ленмясорыбторга представителям сторонних организаций. Каждый раз предлог был настолько надуманным – проведение ремонтных работ в пионерлагере, что «расходные суммы», не проводя по подотчетным статьям, одновременно списывали на убытки [\[5, л. 115, 116\]](#).

В «Ленмясорыбторге» вполне осознанно использовали государственные средства не по назначению, чтобы негласно обогатиться. Однако при этом из кассового оборота продуманно изымались суммы, которые не приводили к серьёзным нарушениям в финансовой деятельности магазинов. Это было одной из основных причин того, что выплаты за фиктивные работы даже в случае сигналов «наверх» тех, кого по тем или иным причинам вынудили уйти с «хлебных мест», могли быть выявлены только в ходе трудоемких финансово-бухгалтерских проверок.

Более весомый теневой доход получали в Ленмясорыбторге на уценке рыбы. В отдельных случаях снижение стоимости рыбы было обоснованным из-за частичной утраты продуктом своих первоначальных характеристик. Однако нередко часть

поступившей в магазины рыбы, которая имела надлежащий товарный вид и сохранила необходимое качество свежей рыбы, переводилась в категорию «снулой». Так называли рыбу, которая из-за неправильного хранения теряла свойства «живой рыбы». Снижение цены сугубо по документам на часть свежей рыбы, которая, тем не менее, продавалась не по уцененной стоимости, позволяло торговым работникам стабильно получать неофициальные доходы. В некоторых магазинах количество поступившей на реализацию свежей рыбы, переведенной в категорию «снулой», доходило до 9,2%. Это почти в два раза превышало расчетные показатели по уценке и списанию, учитывая нормативные сроки хранения рыбы в магазинах [\[5, л. 113\]](#).

В силу того, что уценка продукции была высокодоходным видом подпольного бизнеса, в Ленмясорыбторге сознательно нарушали приказ Министерства торговли РСФСР от 27 апреля 1960 года №218 «О правилах торговли живой рыбой» [\[5, л. 108\]](#). Директор Ленмясорыбторга неоднократно подменял приказ Минторга своими распоряжениями. В них он самовольно установил каждому магазину не только процент уценки живой рыбы, но и возможность её списания как естественная убыль [\[5, л. 108, 113\]](#). Образовавшуюся товарную массу списанной рыбы с еще больше извлекаемым теневым доходом реализовывали через торговую сеть.

Царившие в Ленмясорыбторге местнические порядки приводили к распространению растрат и хищений, которые происходили практически во всех магазинах торгового предприятия и постоянно увеличивались [\[5, л. 116\]](#). В октябре 1959 года в магазине №29 у материально-ответственных лиц Д.А.И. и К.В.Н. была выявлена «недостача и порча товаров» на десятки тысяч рублей. На указанных лиц, которые «попались» во время непредвиденной проверки и не сумев немедленно внести в кассу необходимую сумму, чтобы своевременно решить вопрос, было возбуждено уголовное дело.

Однако власть денег в постсталинский период уже была значительной, поэтому следствие признало, что в магазине не были созданы нормальные условия для хранения рыботорговаров по вине бывшего заместителя торгового предприятия Б.В.Ф. и бывшего старшего товароведа М.С.Л. После чего сотрудникам магазина уголовное дело переквалифицировали в гражданский иск с частичным возмещением ущерба путем единовременной выплатой, а также последующими по графику платежами [\[5, л. 116\]](#). Один из провинившихся уволился, а другой в качестве наказания был переведен на должность старшего продавца магазина №10. В торговой среде периода хрущевской либерализации негласно утверждался принцип круговой поруки, когда «своих» любыми способами поддерживали. Как правило, тех, кто не был осужден, пристраивали работать в торговле на нижестоящие должности [\[5, л. 117\]](#).

За исключением некоторых случаев, когда не получалось вовремя скрыть факты растраты, которые обнаруживались в ходе показательных проверок, в остальных ситуациях нарушения «спускались на тормоза». К концу декабря 1960 года, когда «было обревизовано» 41 из 56 магазинов Ленмясорыбторга положение дел с финансово-хозяйственной дисциплиной являлось настолько не отвечающим правилам «социалистической торговли», что в актах документальных ревизий магазинов не решились «вскрывать» все выявленные правонарушения. Проверяющие ограничившись предписаниями констатирующего характера и наложением небольших финансовых взысканий.

Так, комиссия советского контроля Совета Министров РСФСР обязала директора Ленинградского мясорыбторга устранить обнаруженные недостатки, чтобы «снова не

допустить» нарушения в финансово-хозяйственной сфере. На директора и главного бухгалтера Ленмясорыбторга были произведены «денежные начеты» в размере месячного оклада за незаконную выплату сотрудникам торгова, а также работникам магазинов «премий и прогрессивных доплат». Начальнику управления торговли Ленгорисполкома поставили на вид за недостатки, допущенные руководством мясорыбторга. В отношении продавцов и других рядовых сотрудников магазинов, которым без должного основания выплатили премии, было принято решение «произвести удержания денежных начетов по 20% ежемесячно до полного погашения и внести их в доход республиканского бюджета РСФСР» [\[5, л. 118, 121\]](#). В отношении хозяйственно-финансовой деятельности Ленмясорыбторга все ограничилось исправлением «искажений результатов хозяйственной деятельности». По итогам работы торгова за 1960 г. обнаруженный «незаконно созданный резерв... в сумме 25,6 тыс. рублей... был перечислен в доход бюджета» [\[5, л. 119\]](#).

Для руководящего состава и работников магазинов «Ленмясорыбторга» это были не более чем минимальные административные взыскания, которые фактически не затронули теневой экономический механизм, позволяющий и дальше получать незаконную прибыль. Иных вариантов реагирования и быть не могло, если дело изначально не планировалось как показательное. В противном случае необходимо было наказывать большинство работников торгова, включая сотрудников магазинов. На такой шаг никто бы не решился, так как это было недопустимо по политическим и идеологическим причинам – руководство торгова, а также многие заведующие магазинами являлись членами КПСС. Хотя не всегда, но наличие партийного билета гарантировало защиту от возможного, в первую очередь, уголовного преследования, когда чтобы не опорочить «светлого облика партии» к нарушителям финансово-хозяйственной деятельности строгих мер не принималось.

Таким образом, в конце 1950-х — начале 1960-х годов как руководящие работники «Ленмясорыбторга», так и торговые работники магазинов использовали любые возможности для личного обогащения, пользуясь несовершенством планово-социалистической системы. Безусловно, это был один из случаев, однако очевидно сигнализировавших о широком распространении различных корыстных правонарушений в торгово-снабженческих организациях, ключевой причиной которых явилась неудовлетворенность «кадрового состава» учреждений торговли своим материальным положением и имевшимися возможностями получить подпольный доход за счет финансовых махинаций, а также нецелевого использования товарных ценностей, пользующихся повышенным спросом у населения [\[7, с. 13; 9, с. 52-53\]](#). В начале 1960-х годов, по инициативе Н. С. Хрущёва, в связи с увеличением количества правонарушений, в том числе в торговых учреждениях, было принято решение ужесточить наказания как меру борьбы с экономической преступностью [\[3, с. 207; 2, с. 71\]](#).

Однако, несмотря на то, что за теневые хозяйственные действия в случае их выявления осуждали на длительные сроки лишения свободы, стремление к лучшей жизни по-советски способствовало отходу от сталинского стоицизма и формированию в годы «хрущёвской оттепели» потребительской модели повседневной жизни. Важным элементом нового стиля жизни эпохи «хрущёвской оттепели» являлось обладание, а также возможность распоряжаться материальными благами, что становилось мерилом личного успеха и значимости человека. В значительной степени этому поспособствовало то, что в организации работы торговой сети имелись явные недостатки, которые способствовали распространению теневого обогащения. В частности, коллективная

материальная ответственность вводилась только в качестве эксперимента, не соблюдался порядок ведения кассовых операций, особенно в отношении сдачи выручки. Также нарушались правила и сроки проведения документальных ревизий и инвентаризаций, которые проводились без пересчёта фактического наличия ценностей, а основывались на учётных данных или на информации, предоставленной материально ответственными лицами.

Библиография

1. Безнин, М. А., Димони, Т. М. Торговля потребительскими товарами в советской России 1950-1980-х гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 3 (22). С. 14-19. EDN: UZLGOD.
2. Беркутов, А. С. Некоторые особенности развития органов БХСС в 1940-1960-ые годы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 5. С. 70-72. EDN: LLVDRL.
3. Богданов, С. В. Попытки Н.С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 206-217. EDN: NRZKHR.
4. Вельможко, И. Н. Социальные трансформации в период "хрущевской оттепели" // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, № 4. С. 93-100. EDN: UGPMZX.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-340. Оп. 1. Д. 613.
6. Григорьева, А. Г. Заработная плата как основной источник совокупных доходов рабочих в 1953-1964 гг. // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2011. № 4-6 (50-52). С. 75-78. EDN: SIRZBZ.
7. Мороз, И. А. Государственная торговая сеть: проблемы развития и итоги, 1950-1960 годы: по материалам Брянской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2019. 26 с. EDN: МКМАКС.
8. Никифоров, Ю. С. Идеолого-политическое обеспечение трансформации экономики и социума в СССР 1950-80-х гг.: исторические вызовы и скрытые тенденции // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 50-57. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57>. EDN: RVSKPZ.
9. Пашин, В. П., Богданов, С. В., Емельянов, С. Г., Зюбин, О. П. Экономическая преступность в СССР: от Хрущева до Горбачева (проблемы детерминации, масштабы, формы и особенности государственного противодействия). Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2012. 372 с. EDN: QSUDDJ.
10. Перцев, В. А. Разработка и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950-1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 110-113. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.26>. EDN: ZDRBNF.
11. Погребняк, А. И. Статистика правонарушений в системе государственной и кооперативной торговли Сибири в середине 1940-х-1980-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 321-332. EDN: KYHUSP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Нелегальная финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в годы «хрущевского реформизма» представляет собой потенциально перспективное обращение к конкретному примеру теневой хозяйственной деятельности в советской торговой сфере рубежа 1950-ых – 1960-ых гг. На основе архивных материалов автор рассматривает результаты конкретной ревизии, выявившие

системные проблемы внутри Ленинградского городского специализированном торгового учреждения «Ленмясорыбторг» (нарушение финансовой дисциплины и как следствие получение нетрудовых доходов). Автор вполне ожидаемо старается рассматривать данное конкретное дело в его историко-экономическом контексте «хрущевской оттепели» (это заявлено уже в заглавии) и неоднократно указывает на типичный характер дела «Ленмясорыбторга» как обусловленного именно хрущевскими реформами; выводы тоже делаются обобщающие и выходящие за рамки конкретного инцидента: «Хотя за теневые хозяйственные действия в советском законодательстве было предусмотрено суровое наказание, связанное с лишением свободы, стремление к лучшей жизни по-советски способствовало отходу от сталинского стоицизма и формированию в годы «хрущёвской оттепели» потребительской модели повседневной жизни. Ключевым элементом нового стиля жизни эпохи «хрущевской оттепели» являлось обладание, а также возможность распоряжаться материальными благами, что становилось мерилем личного успеха и значимости человека». Представляется, что столь обобщающие выводы, а также установление прямой зависимости между хрущевскими экономическими реформами и распространением экономических правонарушений по типу дела «Ленмясорыбторга» требует более внушительной аргументации. Собственно "хрущевская оттепель" вообще и ее экономическая сторона в частности являются достаточно изученными темами в советской/российской/зарубежной историографии, поэтому было бы логично поставить рассматриваемый инцидент в более детальный контекст (общая характеристика системы советской торговли, ее реформирование в годы "оттепели", специфика и статистика экономических правонарушений и мер ответственности за выявленные правонарушения и т.д.). Без подобного фундамента выводы выглядят недостаточно обоснованными, а иногда и просто наивными: «Для руководящего состава и работников магазинов «Ленмясорыбторга» это были не более чем минимальные административные взыскания, Иных вариантов реагирования и быть не могло, если дело изначально не планировалось как показательное. В противном случае необходимо было наказывать большинство работников торгового предприятия, включая сотрудников магазинов. На такой шаг никто бы не решился, так как это было недопустимо по политическим и идеологическим причинам – руководство торгового предприятия, а также многие заведующие магазинами являлись членами КПСС». Собственно библиографический список работы состоит из всего шести позиций, какие именно материалы ГАРФ использовались - автором не раскрыто. Рецензируемое исследование рекомендуется к доработке включая историографию темы, обзор источников и т.д.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Нелегальная финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в годы «хрущевского реформизма»

Предмет исследования – нелегальная финансово-хозяйственная деятельность «Ленмясорыбторга» в годы «хрущевского реформизма»

Методология исследования. В статье вопросы методологии не рассматриваются, но из текста статьи можно сделать вывод, что работа написана на принципах научной объективности, системности и историзма. При написании работы использовались общенаучный, проблемно-исторический, историографический, статистический и другие методы.

Актуальность В период правления Н.С. Хрущева были начаты серьезные реформы в экономике, сельском хозяйстве, промышленном производстве, управлении и т.д. Реформы сыграли определенную роль в социально-экономической области, но в то же время реформы не смогли «кардинально изменить ситуацию со снабжением населения продуктами питания и товарами повседневного спроса». И в этой сфере появились предпосылки для формирования различных форм коррупционных практик, злоупотреблений, хищений и растрат. Достаточно широко были распространены формы мошенничества в торговле (приписки, обвес покупателей, различного рода коррупционные схемы, продажа товара по завышенной стоимости или же «по блату» и т.д.). Анализ нелегальной финансово-хозяйственной деятельности в специализированном торговом предприятии «Ленмясорыбторг» в городе Ленинград представляет собой важный научный и практический аспект, позволяющий выявить и систематизировать механизмы преступных схем в сфере финансов и экономики торговых организаций. Актуальность данного исследования не вызывает сомнений, учитывая его значимость для формирования целостного представления о противоправных практиках в торговом секторе.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному с элементами описательности, что делает текст доступным и понятным для широкого круга читателя, учитывая тематику исследования такой стиль оправдан. Структура работы в целом направлена на достижение цели статьи. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы, отмечает, что советская плановая система в определенной мере способствовала всяким махинациям в сфере торговли, т.к. не могла обеспечить потребности граждан. В статье отмечены работы о неформальных рабочих практиках в системе торговли в период хрущевских реформ (М. А. Безнин, Т. М. Димони, С. В. Богданов и др.) и А. И. Погребняк о мошеннических схемах руководителей торговых организаций в Сибири. В тексте статьи представлены мошеннические схемы, которые практиковались в Ленинградском городском специализированном торговом учреждении «Ленмясорыбторг» и сети магазинов этого учреждения. В числе этих схем: манипуляции с бухгалтерскими проводками, преднамеренное превышение затрат под видом незапланированных «издержек», различные выплаты по надбавкам, разовым «подработкам» и по прочим расходам, выплата необоснованных премий. Несмотря на принятие специального постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое при необоснованном увеличении заработной платы предписывало лишать руководителей премий до «полного возмещения перерасхода» лишало руководителей, в «Ленмясорыбторге» были начислены большие премии в 1959 -1960 гг. Также применялись махинации с оплатой работников, не включенных в списочный состав, но привлеченным для выполнения тех или иных работ (К слову эта схема махинации существует и в настоящее время), махинации с работниками «на зеленке» (выполнение каких-то работ, которые трудно было проверить), а также выплаты работникам, не имеющим отношения к системе торговли «на озеленение» (т.е. выполнение каких-то хозяйственных работ по ремонту и т.д.). Очень распространенной формой мошенничества была уценка рыбы (якобы рыба испортилась по тем или иным причинам и потому цена снижалась, рыба была свежей продана по установленной цене, и разница присваивалась). В статье отмечены и другие махинации и преступные смены, за нарушения (если они были обнаружены) полагались наказания на длительные сроки лишения свободы, широко были распространены административные наказания (денежные вычитания из зарплаты и т.д.), но «деньги в хрущевский период уже имели значительный вес» и появились возможности избежать или смягчить наказание (в статье приводятся конкретные примеры). В конце статьи автор делает выводы по тем и

отмечает, что имеющиеся в организации торговли недостатки способствовали распространения теневого обогащения, «обладание деньгами становилось важным элементом стиля жизни» и несмотря на то, что в начале 1960-ые годы наказание в экономико-хозяйственной деятельности ужесточалось это не снижало количество нарушений.

Библиография работы насчитывает 22 источников по теме исследования и смежным темам.

Апелляция к оппонентам представлена в полученных автором данных и проведенном автором анализе в ходе работы над статьей.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья освещает важную и актуальную проблему и без сомнения не привлечет внимание читателей журнала «Genesis: исторические исследования»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тащиан Д.А. Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74532 EDN: NWTADW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74532

Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества

Тащиан Даниил Андреевич

аспирант; факультет Истории, социологии и международных отношений; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350058, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 183/1, кв. 114

✉ tas1998@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74532

EDN:

NWTADW

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2025

Дата публикации:

27-05-2025

Аннотация: В статье исследуются культурно-просветительские и научные аспекты взаимодействия России и Чехии на рубеже XIX–XX вв. Анализ сосредоточен на институциональных моделях сотрудничества, деятельности ключевых персоналий и их вкладе в становление славяноведения, развитие правовой и литературной мысли, музыкального и театрального диалога. Особое внимание уделено транснациональным и междисциплинарным практикам, а также роли культурных посредников в формировании общего славянского гуманитарного пространства. Через биографии И.С. Пальмова, Ф.Ф. Зигеля, В.А. Францева, А.А. Врзала, Я. Рокиты и др. демонстрируется, как персональные и институциональные связи обеспечивали циркуляцию идей, формировали интеллектуальные ориентиры и способствовали выработке моделей культурной

автономии в условиях имперской многосоставности. Кульминацией сотрудничества становится неославизм как форма идейной консолидации, направленной на сохранение идентичности и развитие проектного мышления славянских народов. Исследование выявляет устойчивые закономерности взаимодействия, в которых культурный обмен выступал не только как средство коммуникации, но и как стратегическая платформа цивилизационного выбора накануне геополитических трансформаций XX века. Исследование базируется на методологических принципах историзма и объективности, на сравнительном анализе исторических источников, научных трудов и публицистики по вопросам чешско-российских связей за указанный период. Применён качественный подход к изучению архивных материалов, включая переписку культурных деятелей, а также контент-анализ периодических изданий, отражающих динамику культурного взаимодействия. Научная новизна: заключается в комплексном междисциплинарном анализе русско-чешского культурно-просветительского и научного взаимодействия на рубеже XIX–XX вв., представленном сквозь призму персонализированных практик, институциональных моделей и транснациональных стратегий гуманитарной интеграции. Впервые в едином исследовательском контексте систематизированы биографии и вклад таких ключевых фигур, как И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, В.А. Францев, А.А. Врзал и Я. Рокита, с акцентом на их роль в формировании славяноведения, правовой мысли и литературного диалога. Особое внимание уделено осмыслению неославизма не как завершённой идеологической конструкции, а как динамичного интеллектуального проекта с потенциалом культурной консолидации. Также автор интерпретирует чешские диаспорные структуры как гибридные формы культурной автономии, совмещающие дипломатическую, образовательную и просветительскую функции.

Ключевые слова:

славяноведение, русско-чешские отношения, культурный обмен, славянская взаимность, неославизм, межкультурный диалог, чешское землячество, музыкально-сценическое взаимодействие, культурное посредничество, институциональное сотрудничество

Вопросы культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией на рубеже XIX–XX вв. приобретают особую значимость в контексте осмысления механизмов гуманитарной интеграции славянских народов. Указанный период характеризуется активизацией национальных движений, а также формированием идей, среди которых ведущую роль играли неославизм и культурный диалог между славянскими народами. В условиях роста культурной субъектности периферийных акторов Восточной Европы особую исследовательскую ценность приобретают практики взаимодействия, выходящие за пределы официальных политических отношений.

Исследование, проведенное в данной статье, опирается на широкий круг источников: архивную переписку ключевых фигур (И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, А.А. Врзал, К.Д. Бальмонт), документы Чешского вспомогательного общества и «Чешского кружка», обращения к российским властям, включая «Записку Совета чехов в России Николаю II» (1914). Значимую роль играют материалы периодических изданий, таких как: «Словански Пржеглед», «Наша газета», «Славянское обозрение». Дополняют корпус источников документы театрального агентства А.И. Разсохиной.

Тема освещена в работах Л.П. Лаптевой и К.Б. Егоровой, а также в публикациях сборников «Славянский альманах» и «Проблемы славяноведения». Ввиду того, что в научной литературе преобладают фрагментарные подходы: либо биографические, либо

институциональные, представленные исследования стремится преодолеть эту ограниченность. Этим мотивирован их выбор в качестве теоретической основы для проведения анализа.

История культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией в конце XIX — начале XX вв. занимает особое место в контексте славянской интеграции. Исследуемый в статье временной отрезок — конец XIX – начало XX века, не представляет собой начальную стадию русско-чешского взаимодействия. Наоборот, к этому моменту уже сложилась прочная традиция двусторонних научных, культурных и религиозных связей, уходящих корнями в XVIII столетие. Однако именно рубеж XIX–XX вв. представляет собой качественно новую фазу сотрудничества, обусловленную несколькими факторами.

Во-первых, усиливается институционализация взаимодействий: создаются специализированные общества, активизируется обмен академическими кадрами, расширяется участие в международных конгрессах. Во-вторых, транснациональные процессы, включая национальные движения и модернизационные вызовы, стимулируют гуманитарные дисциплины к переосмыслению концептов идентичности, взаимности и культурной автономии. В-третьих, в данный период происходит выработка интеграционных моделей, таких как неославизм, которые задают общую рамку цивилизационного диалога славянских народов.

Новизна настоящего исследования заключается в комплексной реконструкции транснационального культурно-научного пространства русско-чешского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв., с акцентом на практики интеллектуального посредничества, биографии ключевых акторов и институциональные модели кооперации. Работа впервые систематизирует материалы, касающиеся деятельности таких фигур, как И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, В.А. Францев, А.А. Врзал и Я. Рокита, включая интерпретацию их вклада в формирование славяноведения и неославистской идеологии.

Методологическая основа статьи сформирована на принципах историзма, сравнительного анализа. Исследование сочетает элементы культурной истории и исторической социологии, что позволяет не только реконструировать события и связи, но и выявить устойчивые структуры культурного обмена в рамках славянского проекта.

Русско-чешское сотрудничество конца XIX – начала XX вв. следует рассматривать не просто как совокупность двусторонних контактов, но как форму создания особого культурного пространства, где взаимодействие происходило не только на уровне обмена фактами и произведениями, но и на уровне моделей мышления, научных парадигм и ценностных установок. Оно было направлено на формирование общего гуманитарного языка, способного интегрировать разные национальные опыты без нивелирования идентичности. Такое сотрудничество не только расширяло горизонты гуманитарного знания, но и создавало прочную основу для формирования общеславянской идентичности в условиях политических и культурных вызовов рубежа веков.

Одним из ключевых направлений русско-чешского взаимодействия стало становление славяноведения. Русский историк И.С. Пальмов (1856–1920) посвятил значительную часть своей научной деятельности изучению чешской религиозной истории. Его магистерская диссертация «Вопрос о чаше в гуситском движении» (1881) базировалась на обширном источниковом материале, собранном в ходе научных поездок в Чехию, Турцию, Грецию, Австрию, включая города Брно и Оломоуц [\[11\]](#).

И.С. Пальмов ввел в научный оборот подлинники рукописей Я. Милича и Я. Рокицаны,

антиреформационные трактаты и более шестнадцати рукописей гуситского периода объёмом более 400 листов [\[11\]](#). Его деятельность получила признание как в России, за счет членства в Отделении русского языка и словесности РАН, так и в Чехии, так как он являлся действительным членом Чешской академии наук. Несмотря на славянофильскую идеологическую установку, Пальмов добился признания в чешском научном сообществе. Это подчеркивает значимость источниковедческого подхода и глубокого архивного анализа, которые позволили преодолеть национальные барьеры и обогатить обе научные традиции.

Особое внимание заслуживает преподавательская деятельность И.С. Пальмова, сочетавшаяся с его источниковедческими изысканиями. В Петербургской духовной академии он преподавал курс «История славянских церквей», способствуя формированию у студентов целостного представления о религиозной и правовой культуре славянских народов [\[9\]](#). Его докторская диссертация охватывала значительно более широкий исторический диапазон, включая развитие идей чешских братьев до XVI века. Тем самым И.С. Пальмов утвердил системный и глубинный подход к историко-религиозному анализу, вписав свою научную методологию в контекст паневропейской гуманитарной мысли.

Ф.Ф. Зигель (1846–1921), профессор Варшавского университета, выдвинул тезис о самобытности славянского права. Он наладил активные контакты с чешскими учеными Й. Калоусеком, Я. Челаковским, К. Кадлецом, что позволило расширить понимание чешского государственного права. Особенно важным стал перевод Зигелем статьи «Ф. Палацкий как историк славянского права», выполненный при поддержке Калоусека [\[7\]](#).

Сотрудничество с К. Кадлецом сопровождалось обменом уникальными юридическими материалами, а также переводами научных трудов Зигеля на чешский язык. Несмотря на расхождения во взглядах, особенно в отношении позитивистской методологии, чешские учёные высоко ценили вклад Зигеля в развитие дисциплины [\[11\]](#). Утверждение идеи о самостоятельной ценности славянских правовых систем способствовало укреплению идентичности и интеллектуальной автономии народов Центральной и Восточной Европы в условиях давления германоцентричной правовой мысли.

Дополнительную значимость деятельности Ф.Ф. Зигеля придаёт его стремление исследовать славянское право не только как исторический феномен, но и как элемент правовой культуры, обладающий внутренней логикой развития. Его аргументация исходила из анализа оригинальных источников и обращения к правовым институтам, которые, по мнению Зигеля, не сводились к заимствованным моделям, а имели глубокие корни в народной традиции. Согласно своему статусу, а также широкой известности в научных кругах, в том числе за пределами Чехии, Я. Челаковский имел доступ ко многим архивным документам, которые использовал для публикации сочинений, посвященных истории чешских городов, а также особенностей развития правовой истории. Напротив, Ф.Ф. Зигель, сталкиваясь с трудностями при утверждении новой научной дисциплины, нередко обращался за помощью к Я. Челаковскому. Предметом их научного взаимодействия стало обсуждение дискуссионных и сложных вопросов, а также научных гипотез, которые требовали подтверждения с учетом привлечения первоисточников [\[15\]](#).

Научное взаимодействие Ф.Ф. Зигеля с представителями чешской правовой школы было не только содержательным, но и институционально продуктивным. Его переписка с Й. Калоусеком и К. Кадлецом, а также активное участие в переводческих проектах, позволили встроить славянское право в рамки сравнительного правоведения [\[8\]](#). Тем

самым Ф.Ф. Зигель создал интеллектуальную платформу для обсуждения правовой субъектности славянских народов как носителей оригинальной нормативной культуры, не сводимой к заимствованиям из германской традиции.

Фундаментальные труды В.А. Францева (1867–1954) заложили основы академического подхода к изучению чешской культуры в России. Среди его значимых работ: «Очерки по истории чешского возрождения» (1902), «Письма Вячеславу Ганке из славянских земель» (1905), издание переписки Й. Добровского и П.Й. Шафарика с русскими учеными. Благодаря знанию чешского языка Францев осуществлял высококачественный перевод и интерпретацию первоисточников [11]. Его исследования сформировали корпус работ, на основе которого впоследствии развивалось отечественное славяноведение. Именно Францев стал связующим звеном между архивной работой и широким общественно-культурным осмыслением славянского наследия.

Особую ценность представляет методологический подход В.А. Францева, который сочетал строгий филологический анализ с межкультурной интерпретацией. Его работы отличались системным охватом эпох, глубокой источниковедческой базой и стремлением выявить внутренние закономерности в развитии чешской культурной традиции. Благодаря своей междисциплинарности, труды Францева стали важным ориентиром как для историков, так и для литературоведов, способствуя закреплению славяноведения в академическом пространстве как самостоятельной научной области.

А.А. Врзал (1864–1930), известный под псевдонимом А.Г. Стин, сыграл важную роль в продвижении русской литературы в Чехии. Он переводил произведения Н.С. Лескова, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и других, активно сотрудничал с А.М. Скабичевским [2]. В условиях ограниченного институционального взаимодействия важнейшую роль играли межличностные связи между представителями научной и художественной элиты. Именно они стали основным механизмом адаптации чужого культурного опыта, его переработки и трансляции в национальный контекст [17]. Благодаря этим связям возникала устойчивая среда доверия и культурной гибкости, без которой невозможно было бы столь глубокое взаимопроникновение смыслов.

Публикации А.А. Врзала в католических изданиях пользовались широкой популярностью, а эссе «Духовно-нравственные вопросы в русской художественной литературе» (1912) стало значимым вкладом в понимание русской культуры в Чехии. Врзал выступал посредником не только в лингвистическом, но и в культурно-ценностном переводе, адаптируя русскую литературную традицию к чешскому читателю [5]. Выполняемая им роль способствовала формированию устойчивого интереса к русской культуре в образовательных и интеллектуальных кругах Чехии.

Влияние чешских переводчиков и культурных посредников, таких как А.А. Врзал, заключалось не только в передаче литературных текстов, но и в формировании рецептивной стратегии восприятия русской литературы в чешском контексте. Их работа способствовала возникновению устойчивого интереса к русской культурной парадигме как источнику моральных и философских ориентиров [5]. Таким образом, популяризация русской литературы на чешской почве стала важным вкладом в общий европейский диалог идей, базирующийся на ценностях гуманизма, духовности и социальной критики.

Таким образом, биографии И.С. Пальмова, Ф.Ф. Зигеля, В.А. Францева, А.А. Врзала и Я. Рокиты позволяют реконструировать персонализированные формы русско-чешского взаимодействия, основанные на индивидуальных инициативах, переводческой

деятельности и академической кооперации. Однако эти фигуры не были изолированными носителями культурной инициативы. Напротив, они олицетворяют переход к новым форматам культурного сотрудничества, характерным именно для рубежа XIX–XX вв.

Специфика данного периода проявляется в трансформации прежних идейных парадигм. Идея панславизма, доминировавшая в научной и культурной мысли XIX века, на рубеже веков претерпевает переосмысление, получая новую интерпретацию в форме неославизма. В отличие от романтизированной концепции единства славян на почве культурной общности, неославизм опирался на политическую активизацию, обращение к науке как инструменту консолидации и стремление к институциональному оформлению славянской солидарности.

Такое развитие показывает, что формы и направления сотрудничества рубежа XIX–XX вв. нельзя рассматривать вне связи с предшествующими периодами. Именно в сравнении с XIX веком становится очевидной смена масштаба, целей и механизмов взаимодействия. Если раньше взаимодействие было преимущественно двусторонним и элитарным, то в исследуемый период оно приобретает массовый, институционально оформленный и стратегически ориентированный характер.

Особое значение имело сотрудничество Я. Рокиты (Адольф Черный) и К.Д. Бальмонта. Через журнал «Словански Пржеглед» Я. Рокита продвигал идеи славянской взаимности, публиковал переводы с русского, сербского, польского и хорватского языков. Взаимные переводы стихов с К.Д. Бальмонтом демонстрируют их идейную и эстетическую близость. В очерке «Короткий и смелый. Ян Рокита» (1928) Бальмонт подчеркивал важность творчества Рокиты в контексте славянской духовности [\[10\]](#). Установившийся литературный диалог иллюстрировал, как художественное слово может стать мостом между народами и выразителем общей культурной миссии. Поэтический обмен укреплял взаимное уважение и открывал новые горизонты для взаимодействия символистских школ России и Чехии.

Литературное сотрудничество Я. Рокиты и К.Д. Бальмонта отражало не просто эстетическое взаимодействие, но и попытку переосмысления общего историко-культурного наследия славян в условиях модернизационных вызовов рубежа веков. Их поэтический диалог демонстрировал стремление к созданию наднационального культурного пространства, в котором символизм служил не формой ухода от реальности, а способом артикуляции глубинных ценностей славянской цивилизации [\[6\]](#). За счет этого происходило формирование интеллектуального фона, благоприятного для развития идей неославизма и укрепления культурной солидарности.

Существенное влияние на русско-чешские связи оказало «Первое Театральное Агентство для России и Заграницы» (1892–1918). Под его эгидой в России работали Вацлав Сук и Бернард Фёрстер. Сук гастролировал в крупнейших российских городах и сотрудничал с П.И. Чайковским [\[14\]](#). Чешские исполнители, активно вовлеченные в российскую музыкальную жизнь, способствовали укреплению культурных связей.

Культурные практики, в том числе художественные, образовательные и правовые, выступали в рассматриваемый период в роли устойчивых инфраструктур смыслов. Именно они позволяли сохранять преемственность идей и создавать каналы передачи знаний даже в периоды политических кризисов и национальных конфликтов. Русско-чешское взаимодействие демонстрирует, как культура может быть не только реакцией на вызовы времени, но и механизмом их предвосхищения. Поддержка Агентства позволила институционализировать гастрольную деятельность, превратив её в устойчивый канал

транснационального обмена [\[4\]](#). Благодаря этому музыкальные образы Чехии стали узнаваемыми в российском контексте, а русская сцена обогатилась новыми выразительными средствами.

Особого внимания заслуживает гастрольная и творческая деятельность Вацлава Сука, охватившая широкий географический спектр — от Одессы и Казани до Москвы и Санкт-Петербурга. Как дирижёр Большого театра и участник музыкальных вечеров Чешского землячества, он не только исполнял произведения чешской классики, но и популяризировал собственные сочинения [\[14\]](#). Таким образом, Сук стал центральной фигурой трансляции чешского музыкального наследия в культурное пространство Российской империи, продвигая идею культурной взаимности через музыкально-сценическое взаимодействие.

Музыкально-сценическое взаимодействие между Россией и Чехией в этот период служило не только средством эстетического обмена, но и важным механизмом формирования устойчивых межнациональных симпатий. Театральные постановки и концерты с участием чешских артистов становились значимыми культурными событиями, способствовавшими знакомству широкой российской публики с художественными традициями Центральной Европы [\[4\]](#). Через эмоциональное восприятие искусства происходило укрепление взаимопонимания между народами, которое невозможно было бы достичь исключительно в рамках академического или политического дискурса.

Чешское вспомогательное общество (с 1877 г.) и «Чешский кружок» (с. 1902 г.) стали важными центрами консолидации чешской диаспоры в России. Эти организации развивались от помощи соотечественникам к продвижению идей славянской взаимности, организовывали лекции, культурные вечера, принимали участие в политических инициативах, включая съезд 1914 года и «Записку Совета чехов в России Николаю II» о восстановлении Чешского королевства [\[1\]](#). Институциональная деятельность способствовала сохранению культурной идентичности чехов в условиях миграции и одновременно активному включению в российскую общественную и научную жизнь. Высказанное суждение подтверждает важность землячеств как гибридных форм межнационального единения.

Форма институционального взаимодействия, реализованная в рамках чешских обществ в России, была гибридной: «она сочетала элементы культурного посредничества, социальной поддержки и неформальной дипломатии» [\[12\]](#). Такие организации не просто сохраняли идентичность чешской диаспоры, но и формировали устойчивую среду для диалога с российскими властями, академическим сообществом и культурной элитой. Внутренняя структура обществ позволяла им функционировать как культурно-просветительские центры, способные адаптировать традиционные формы национального объединения к условиям многонациональной империи.

Важной чертой чешских организаций в России было их трансграничное и многоуровневое функционирование. Они сочетали культурные, просветительские и дипломатические задачи, формируя устойчивые механизмы трансляции национальной идентичности в условиях имперского пространства [\[1\]](#). Такие объединения, как Чешское вспомогательное общество и «Чешский кружок», становились не только местом социокультурной поддержки, но и каналом стратегического взаимодействия с российскими научными и политическими кругами, что делало их важными агентами культурной автономии.

На этой основе складывался особый тип «культурной автономии», который позволял не только воспроизводить элементы чешской национальной культуры за пределами её этнической территории, но и институционально оформлять транснациональные инициативы. Регулярные лекции, культурные вечера, участие в славянских конгрессах и обращение к российскому правительству по вопросам политического устройства Чехии демонстрируют, что чешские общества играли роль своеобразных «мостов» между внутренней культурной жизнью и внешними политико-правовыми процессами [\[16\]](#). В этом заключалась их историческая значимость как носителей устойчивых форм межэтнического диалога.

Возрождение идеи панславизма на рубеже XIX–XX вв. происходило не как прямое продолжение прежней идеологической модели, но как её трансформация в более прагматичную и институционально ориентированную концепцию неославизма. Тогда как в XIX веке панславизм носил преимущественно романтический и умозрительный характер, в начале XX века он переосмыслился как ответ на нараставшие геополитические вызовы, кризис многонациональных империй и обострение национальных движений. В этом контексте неославизм стал формой интеллектуальной и политико-культурной мобилизации, опирающейся на конкретные культурные практики, научные общества, образовательные и просветительские структуры.

Идеи неославизма, развиваемые Я. Голлом, Я. Бидло и Т.Г. Масариком, стали теоретическим итогом русско-чешского сотрудничества. Труд Т.Г. Масарика «Россия и Европа» (1913 г.) обобщил взгляды на русскую культуру и показал её значимость для понимания чешского вопроса. Несмотря на националистические настроения в предвоенные годы, идеи культурного взаимодействия не исчезли, а трансформировались в форму межнационального диалога с сохранением идентичности [\[2\]](#). Следовательно, неославизм закрепил интеллектуальные основы для концепции «славянского синтеза», в рамках которого различие культур не рассматривалось как препятствие, а как потенциал для диалога.

Неославизм не только синтезировал интеллектуальные ресурсы предшествующего периода, но и предложил цивилизационную рамку, в которой славянское культурное наследие выступало не как объект архивного интереса, а как потенциальная основа для выработки новых социальных, политических и образовательных стратегий [\[2\]](#). Происходящие процессы превращали научно-культурное взаимодействие в элемент проектного мышления, за счет способности формировать образ будущего, опираясь на историческую глубину.

Идеология неославизма оформилась как попытка институционализировать наработанные формы культурного и научного диалога между славянскими народами, включая опыт русско-чешского сотрудничества. На смену локальным инициативам пришло стремление выстроить интеграционную модель, основанную не на политической унификации, а на признании равенства культурных субъектов. В этом контексте обращение к общеславянской истории, языковым связям, литературным и правовым традициям стало не просто научным интересом, а инструментом интеллектуальной консолидации [\[13\]](#). Неославизм позволил перевести идеи славянской взаимности из культурной сферы в плоскость идейной политики, при этом избегая имперских амбиций.

Существенным вкладом в формирование идеологической рамки неославизма стало осмысление Россией и Чехией общего историко-культурного пространства как потенциала для выработки будущих моделей сосуществования. В этом контексте работа

Т.Г. Масарика «Россия и Европа» выступала не только как социологический анализ, но и как попытка наметить параметры наднационального диалога [3]. Неославизм в таком прочтении становился инструментом проектного мышления, способным соединить историческую память и цивилизационные перспективы в единую систему культурной консолидации.

Смысловая основа неославизма заключалась в признании принципа «многообразия в единстве», где сохранение национальной самобытности не противоречило стремлению к культурной солидарности. Работы Я. Голла, Я. Бидло и особенно Т.Г. Масарика, анализировавшие Россию как социокультурную систему, служили примером включения межнационального знания в разработку модели будущего европейского устройства [13]. Таким образом, неославизм стал не только итогом, но и трансформацией русско-чешских научных и культурных связей, открыв новую фазу в интерпретации славянской идеи как модернизирующего, а не архаического проекта.

Обобщая вышеизложенное, следует обратить внимание на следующие закономерности присущие культурно-просветительскому и научному взаимодействию между Россией и Чехией в конце XIX – начале XX вв.:

1. Установившийся диалог носил многослойный характер, он развивался от персональных связей между учёными и литераторами в направлении институциональных форм сотрудничества, которое было на практике выражено в переводе текстов, а также анализе смыслов и ценностей, имеющих значение для изучения чешской и русской культур. В настоящем исследовании предметом анализа выступает не весь хронологический массив русско-чешских культурных контактов, а исключительно их форма и содержание на рубеже XIX–XX вв., когда данные процессы приобрели выраженную институциональную и концептуальную направленность. Соответственно формирование славяноведения как научной дисциплины, углубление правовых исследований, а также развитие гуманитарных и художественных контактов стали основой для интеграции славянского пространства в единый культурно-научный контекст.
2. Взаимодействие не ограничивалось рамками культурного интереса или этнографической симпатии. Речь шла о формировании целостного цивилизационного дискурса, в котором каждый из народов сохранял свою идентичность, но одновременно осознавал сопричастность более широкому историко-культурному проекту. Через деятельность таких фигур, как И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, В.А. Францев, А.А. Врзал и Я. Рокита, был выстроен фундамент для нового понимания славянской культуры, как активной, субъектной и модернизационной силы. Соответственно синтез традиции и прогресса выражался в научных теориях, литературных переводах, музыкальных и театральных постановках, а также в институциональных инициативах, охватывающих обе страны.
3. Особое значение в трансформации русско-чешского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. приобретает контекст Первой мировой войны, в ходе которой культурно-просветительские связи дополнились политико-идеологическим измерением. Возникшие ожидания чешской диаспоры в отношении России как потенциального союзника в борьбе за государственное возрождение усилили характер обращения к общеславянской солидарности.

Не менее значимым фактором указанной трансформации стало участие чешских культурных обществ, действовавших на территории России, в артикуляции политических

ожиданий и формировании каналов публичной дипломатии. Такие объединения, как Чешское вспомогательное общество и «Чешский кружок», постепенно эволюционировали от структуры этнокультурной поддержки к платформам символического представительства чешских интересов в российском публичном пространстве. Они стали посредниками между элитами двух стран, транслируя идеи не только культурной солидарности, но и сопричастности к будущему политическому устройству Центральной Европы.

Следовательно, на рубеже веков русско-чешское сотрудничество не только укрепило гуманитарную науку, но и стало площадкой для выработки концептов, оказавших влияние на политическую философию славянских народов. Движение неославизма, как завершающий этап этой эпохи, стало логическим итогом трансформации накопленного интеллектуального потенциала в платформу единства без унификации, культурного сближения без потери автономии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что взаимодействие России и Чехии в этот период приобрело статус не эпизодического обмена, а осознанной культурной стратегии с долгосрочными цивилизационными последствиями.

Библиография

1. Ведерников, М. В. Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / М. В. Ведерников. - М., 2017. - 273 с. EDN: PAIKKW.
2. Влчек, Р. К истокам чешской исторической русистики // Россия и Чехия: научные, культурные и общественные связи: материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики. - СПб.: Алетейя, 2016. - С. 27.
3. Врзал, А. Письмо к А. М. Скабичевскому. 1891 // Международные связи русской литературы (по собраниям Пушкинского Дома). - СПб., 2017. - С. 212-213.
4. Доубек, В. Между Веной и Москвой // Родина. - 2001. - № 1-2. - С. 109-110.
5. Егорова, К. Б. К истории русско-чешских культурных взаимосвязей: А. Врзал и А. М. Скабичевский // Славянский мир: общность и многообразие. - 2021. - № 1. - С. 300-303. DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.04 EDN: PAVBUA.
6. Лаптева, Л. П. Долгий мой путь по чешской словесности (Бальмонт и чешские писатели) // Вопросы литературы. - 1992. - Вып. 2. - С. 307-328.
7. Лаптева, Л. П. Контакты Ф. Ф. Зигеля с чешскими учеными (по данным переписки) // Проблемы славяноведения. - 2006. - № 6. - С. 96-103.
8. Лаптева, Л. П. К вопросу о русско-чешских научных контактах в конце XIX - начале XX вв. Ф. Ф. Зигель (1845-1921) и Я. Челаковский (1846-1914) // Проблемы славяноведения и медиевистики. - СПб., 2009. - С. 252-278.
9. Лаптева, Л. П. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. С. Пальмов как историк зарубежных церквей // Славянский альманах. - 2011. - № 1. - С. 25-35. EDN: RVYQZN.
10. Лаптева, Л. П. Славянские связи Адольфа Черного // История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX-XX вв.: сборник статей. - СПб.: Алетейя, 2013. - С. 188-199.
11. Лаптева, Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX - первой четверти XX века. По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. - 2016. - № 1. - С. 83. EDN: VVGOMZ.
12. Отчет "Чешского вспомогательного общества" в Петрограде за 1908 г. - СПб., 1909. - С. 8-9.
13. Серапионова, Е. П. Новый рубеж русско-чешских культурных связей // Славянский альманах. - 2002. - № 2. - С. 431-443.

14. Филатова, О. И. Чешские музыканты в первом театральном агентстве для России и заграницы Е. Н. Разсохиной // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2011. - № 2. - С. 54-59. EDN: NYDDMT.

15. Čelakovský, J. Moje zápisky 1871-1914. - URL: https://www.researchgate.net/publication/40374484_Jaromir_Celakovsky_Moje_zapisky_1871-1914 (дата обращения: 19.12.2024).

16. Kotov, V. Sokolské hnutí v Moskvě. Magisterská diplomová práce. - Masarykova univerzita v Brně, 2015. - S. 51.

17. Pospíšil, I. Alois Augustin Vrzal: koncepce a dokumenty // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské Univerzity. - 1993. - D. 40. - S. 53-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества» представляет определенный интерес как обращение к специфическому периоду в истории культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией, однако то обстоятельство, что автор не проговаривает целый ряд важных установочных условий своей работы приводит к определенным сложностям в восприятии данного текста. Автор, к примеру, никак не поясняет временные рамки своего исследования, указание на «особое место» не сопровождается расшифровкой этой особенности. Тезис «Этот период ознаменовался активным развитием межнационального научного обмена, формированием институциональных и личностных связей, направленных на укрепление славянской взаимности» никак здесь не помогает, поскольку русско-чешское научно-культурное сотрудничество не возникло в конце XIX века, оно развивалось уже более столетия, определенные институциональные и личные связи уже давно были сформированы; даже из данного текста можно узнать, что «Чешское вспомогательное общество» как центр консолидации чешской диаспоры в России, было основано еще в 1877 г. Выводы, сформулированные автором, также не формируют представление о специфике периода: развитие славяноведения, научные теории, литературные переводы, музыкальные и театральные постановки были присущи и более ранним десятилетиям русско-чешских связей. В второй половине текста появляется тема Первой мировой войны и связанных с нею ожиданий чехов т.е. определенная трансформация взаимодействия (письма Николаю II, тексты Масарика и др.), однако автор не считает нужным упоминать это в выводах. В работе отсутствует обзор литературы по теме исследования, не заявлена новизны работы, не указаны источники, актуальность, методология. Содержательно работа распадается на две неравноценные части, что по своему логично т.к. соответствует заглавию текста: сначала автор перечисляет видных деятелей (ключевые фигуры) русско-чешского культурного взаимодействия, потом – что более ценно – формулирует направления и формы сотрудничества; однако здесь снова возникает проблема временных границ и необходимости рассмотрения русско-чешского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв в неразрывной связи с предыдущими временными отрезками для выявления специфики направлений и форм именно этого периода и отслеживания трансформаций сквозных сюжетов, таких как идея панславизма, например, неоднозначно развивавшаяся в XIX веке и получившая новый импульс в указанное время

(неославизм), причем потенциально интересный сюжет причин возрождения идеи панславизма в данный период автором также не рассмотрен. Работа в целом представляет определенный интерес, но нуждается в усилении научно-методического раздела (точнее, в его создании) и более четких формулировках специфики рассматриваемого временного отрезка русско-чешского научно-культурного взаимодействия.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Еще два столетия назад представители «Общества соединенных славян» мечтали о том, что в будущем восточные, западные и южные славяне сольются в едином государстве. Конечно, реальная жизнь оказалась намного тяжелее мечтаний, однако вопреки всем злопыхателям и сегодня славянские страны поддерживают друг с другом тесные культурные связи. Особое внимание здесь стоит уделить славянским культурным связям в конце XIX – начале XX вв., когда Центральная Европа бурлила общественно-политическими процессами, стремясь уйти от владычества Австро-Венгрии.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв. Автор ставит своими задачами рассмотреть особенности новой фазы русско-чешского сотрудничества, проанализировать деятельность отдельных персоналий, а также раскрыть идейные черты неославизма.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать историю культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией в конце XIX — начале XX вв.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на чешском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований укажем на работы Л.П. Лаптевой и К.Б. Егоровой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как межславянскими связями, в целом, так и русско-чешскими связями, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней

можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «русско-чешское сотрудничество конца XIX – начала XX вв. следует рассматривать не просто как совокупность двусторонних контактов, но как форму создания особого культурного пространства, где взаимодействие происходило не только на уровне обмена фактами и произведениями, но и на уровне моделей мышления, научных парадигм и ценностных установок». Автор обращает внимание на то, что в конце XIX в. «в отличие от романтизированной концепции единства славян на почве культурной общности, неославизм опирался на политическую активизацию, обращение к науке как инструменту консолидации и стремление к институциональному оформлению славянской солидарности». В конечном итоге, как отмечает автор рецензируемой статьи, «движение неославизма, как завершающий этап этой эпохи, стало логическим итогом трансформации накопленного интеллектуального потенциала в платформу единства без унификации, культурного сближения без потери автономии».

Главным выводом статьи является то, что в рассматриваемый период взаимодействие России и Чехии «приобрело статус не эпизодического обмена, а осознанной культурной стратегии с долгосрочными цивилизационными последствиями».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Игнатченко И.В. Формирование общественно-политических взглядов Жюль Ферри в 1860-е гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.71113 EDN: RYFRDS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71113

Формирование общественно-политических взглядов Жюль Ферри в 1860-е гг.

Игнатченко Игорь Владиславович

ORCID: 0000-0001-5362-3621

кандидат исторических наук

доцент, кафедра всеобщей истории; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

✉ ignatchenko_igor@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.71113

EDN:

RYFRDS

Дата направления статьи в редакцию:

24-06-2024

Аннотация: Предметом исследования являются политические взгляды и деятельность Жюль Ферри как представителя либерально-республиканского течения общественно-политической мысли во Франции XIX века. Жюль Ферри – крупный французский политик последней трети XIX века, которого по праву можно считать одним из «отцов-основателей» Третьей республики во Франции. Его ранние взгляды были довольно противоречивыми: сам он называл себя либералом и республиканцем, а его политические оппоненты иногда определяли его как социалиста. Активная вовлеченность в политический процесс Ж. Ферри сразу после крушения Второй империи во Франции в 1870 году спровоцировала во французском обществе много споров, не утихающих до сих пор. Ж. Ферри сыграл важную роль в качестве журналиста и памфлетиста в деле либерализации авторитарной Второй империи во Франции в 1860-е гг. При написании статьи использовались историко-генетический, историко-биографический и идеографический (нарративный) методы исследования. Источниками

для написания статьи послужили его многочисленные выступления, памфлеты, письма, написанные им газетные статьи, а также воспоминания его современников. Научная новизна состоит в том, что в отечественной историографии до сих пор не появилось специального исследования, посвященного политическим взглядам и деятельности Ж. Ферри. Важный вопрос, который исследуется в этой статье, соотношение либеральных и республиканских идей в системе взглядов Ж. Ферри в 1860-е гг., то есть до того момента, когда он начал политическую деятельность, став депутатом парламента в 1869 году. В статье делается важный вывод о том, что в 1860-е гг. Ферри находился гораздо ближе к классическим либералам, чем к «красным» республиканцам. Также делается вывод о том, что классического либерализма в воззрениях Ж. Ферри было немало: он был сторонником «необходимых свобод»; выступал против коррумпированности чиновников и злоупотреблений бюрократического аппарата, за честные и прозрачные выборы; поддерживал идею децентрализации Франции и осуждал попытки реабилитировать Террор периода Французской революции конца XVIII века. При этом как все либералы он защищал завоевания и ценности Революции. Республиканского в нем было, конечно, гораздо меньше.

Ключевые слова:

Франция, XIX век, Вторая империя, либерализм, Жюль Ферри, Наполеон III, Леон Гамбетта, Эмиль Оливье, республиканизм, Третья республика

Жюль Ферри — крупный французский политик последней трети XIX века, человек, стоявший у истоков создания Третьей республики во Франции — самого продолжительного политического режима в истории современной Франции. Он воплощал в себе, как представляется, все противоречия эпохи — сам считал себя одновременно либералом и республиканцем, тогда как некоторые либеральные критики называли его даже «социалистом», отказывая ему таким образом в идеологическом сходстве [\[1\]](#).

Социалистом он, конечно, не был, о чем красноречиво написал в свое время признанный лидер французских социалистов Жан Жорес: «...Однажды я спросил его о конечных целях его политики: ... Какова ваша цель? Он на мгновение задумался, как будто пытаюсь отыскать наиболее точную формулировку: "моя цель — организовать человечество без Бога и без короля". Если бы он добавил "и без патрона", это была бы полная формула социализма... Но он остановился на пороге социальной проблемы» [\[2, p. 28-29\]](#).

Активная вовлеченность в политический процесс Ж. Ферри сразу после крушения Второй империи во Франции в 1870 году также вызвала во французском обществе много споров, продолжающихся до сих пор. Так, левые радикалы, симпатизировавшие Парижской коммуне 1871 года, его ненавидели: будучи мэром Парижа в 1870-1871 гг. он, умеренный либерал и «буржуа» (в «буржуазности» его обвиняли левые) боролся против нарастания леворадикального движения. В тот исторический период он получил от них обидное прозвище «Ферри-голод», поскольку отвечал за неудачное продовольственное снабжение осажденного Парижа. Когда Жюль последним покидал Ратушу 18 марта 1871 года, ему кричали вслед: «Смерть Ферри!» [\[3, p. 71\]](#). Он восхищался Адольфом Тьером — этим «карликом-чудовищем» (по замечанию К. Маркса), который в свою очередь высоко ценил Ферри [\[4, p. 44\]](#). При этом его с полным основанием можно называть одним из «отцов-основателей» Третьей республики, именно в период его

министерств республиканские политические институты окончательно утвердились во Франции в 1880-е гг.

Действительно, противоречий во взглядах Ферри было немало. С одной стороны, тяга Ферри к колониализму, объяснявшаяся стремлением взять моральный реванш за поражение во франко-прусской войне 1870-1871 гг. и снова возвысить Францию в кругу «великих держав», вызывала резкую критику со стороны левых во Франции; с другой стороны, он провел либеральную по своей сути школьную реформу, благодаря чему его, по меткому замечанию радикального политика конца XIX – начала XX вв. Камиля Пельтана, стали называть «Гизо Вогёзов», по примеру либерального политика Июльской монархии, также осуществившего школьную реформу в 1830-е гг. [\[5, p. 8\]](#). Его либеральный республиканизм проявился в проведении внутривластных реформ в 1880-е гг. во Франции. Так кем же все-таки был Ж. Ферри по своим взглядам и убеждениям — в большей степени либералом или республиканцем, по крайней мере, в начальный период своей политической активности?

Несмотря на всю противоречивость взглядов Ферри, в отечественной историографии до сих пор не появилось специального исследования, посвященного формированию общественно-политических взглядов этого крупного политика. Эту лакуну призвана заполнить данная статья.

Жюль Ферри родился 5 апреля 1832 года в местечке Сен-Дье-де-Вож — это небольшая коммуна на северо-востоке Франции в департаменте Вогёзы. Предки Жюля по отцовской линии занимались литьем колоколов в Сен-Дье еще при Старом порядке в начале XVIII века [\[6, p. 567\]](#). В годы Французской революции конца XVIII века его семья руководила фабрикой, производившей черепицу.

Семья Ж. Ферри была состоятельной и вполне либеральной. Дед Жюля богатый фабрикант Франсуа-Жозеф был избран мэром городка Сен-Дье в сентябре 1797 года и пробыл на этом посту восемнадцать лет до 1814 года, приняв бонапартистский режим, так как увидел в Наполеоне надежного правителя Франции [\[7, p. 12\]](#). Сторонник революционных изменений, Франсуа-Жозеф выступал против перегибов революционного Террора, но при этом возражал против возвращения Бурбонов на французский трон. Таким образом, выходцы из провинциальной буржуазии, семья Ферри окрепла при Старом порядке и превратилась в нотаблей при Революции.

Дядя Жюля и старший сын Франсуа-Жозефа Эмиль Ферри, закончив военную школу Ла Флеш, сражался в битве при Ватерлоо в чине подпоручика, при режиме Реставрации ушел в отставку, основал бумагопрядильную фабрику, а в 1847 году после смерти своего отца унаследовал черепичную семейную фабрику. Как и его отец Франсуа-Жозеф, Эмиль Ферри был франкмасоном, членом масонской ложи «Неподкупные друзья Вогёзов» [\[8, p. 11\]](#). Они оба любили читать Ж.-Ж. Руссо и Вольтера, кроме того, бюсты философов стояли у них в гостиной [\[9, p. 13\]](#).

Отец Жюля Шарль-Эдуар Ферри по профессии был адвокатом, но пробыл в этом статусе недолго — быстро завершив адвокатскую деятельность, он стал генеральным советником Вогёзов в 1844–1852 гг. Он был менее политизирован, чем его старший брат Эмиль, но, будучи генеральным советником кантона Сен-Дье, критиковал правительство правого либерала Ф. Гизо за его консервативную «охранительную» политику, выступая за скорейшее проведение избирательной реформы и снижение имущественного ценза [\[10, p. 6\]](#). В департаменте Вогёзы Шарль-Эдуар Ферри был признанным лидером демократов, и

даже республиканцы его уважали [\[11, p. 25\]](#).

Семью Ферри можно было охарактеризовать как буржуазную и бонапартистскую, связанную с промышленным производством и «свободными искусствами», прохладно относившуюся к католицизму и оппозиционно настроенную по отношению к цензовым монархическим режимам, сменившим Первую империю Наполеона. Ферри воспитывался в либеральной, квази-республиканской среде, где почитали Наполеона I. Тем не менее, в годы Июльской монархии семейство Ферри придерживалось леволиберальных взглядов [\[12, p. 53\]](#). Дома читали либеральные газеты *Le Siècle* и *Le National*.

Следует подчеркнуть, что важную роль при начальном формировании общественно-политических взглядов Ж. Ферри сыграло его семейное окружение, вечера с родными, во время которых обсуждалась в первую очередь государственная политика. Так закладывался будущий фундамент взглядов Жюля.

Февральская революция 1848 года застала семейство Ферри во французской провинции. Семья одобрила происходившие изменения во французском обществе, с энтузиазмом встретила февральские дни 1848 года. Однако рост леворадикальных настроений и июньское восстание рабочих 1848 года вселило в них некоторые страхи и опасения, поскольку они боялись анархии и беспорядков [\[13, p. 27\]](#).

В результате нескольких удачных операций Шарль-Эдуар накопил достаточно денег, и, как только Жюль окончил среднюю школу в Страсбуре, куда они ранее переехали, семья отправилась в Париж в 1850 году. Жюль начал свое обучение в Парижской школе права. Он учился у известного профессора Мариуса Валетта, представлявшего департамент Юра в Учредительном, а затем и Законодательном собрании Франции времен Революции конца XVIII века. 20 декабря 1851 года Жюль Ферри стал парижским адвокатом, продолжив дело отца.

Начало адвокатской карьеры практически совпало по времени с государственным переворотом Луи-Наполеона Бонапарта 2 декабря 1851 года, покончившего со Второй республикой во Франции. Позднее, 28 сентября 1887 года, во время выступления перед рабочими в родном Сен-Дье, Ж. Ферри вспоминал: «Друзья, люди моего возраста видели ужасные вещи. Когда я был молод, я видел своими глазами то, что происходило 2 декабря! Я видел, как на парижских бульварах солдаты расстреливали республиканцев и проходящих мимо мирных прохожих...» [\[14, p. 78\]](#). Пережитый опыт вселил отвращение к режиму Второй империи.

Шарль-Эдуар и Жюль, безусловно, были возмущены арестом депутатов и выступили в защиту парламента и политических свобод. Жюль не хотел служить авторитарной Империи Наполеона III также, как его дядя Эмиль некогда не хотел служить Бурбонам после 1815 года. Тогда же стало понятно, что политическая карьера для Ж. Ферри закрыта, а адвокатская деятельность, напротив, приобретала дополнительный смысл в том, чтобы защищать людей от незаконного произвола властей [\[15, p. 57\]](#).

Таким образом, короткий промежуток Второй республики (1848-1851 гг.) также внес некоторые акценты в систему политических взглядов Ферри: он был в равной мере противником анархии и власти толпы, последовавшей за февральскими днями 1848 года, но также выступал против режима личной власти и диктатуры.

В т. н. «авторитарный период» Второй империи во Франции, то есть в 1850-е гг. Ж. Ферри работал личным секретарем одного из наиболее видных адвокатов того времени

мэтра Жана Тьюро. Позднее, уже став министром, Ж. Ферри признавал, что Ж. Тьюро оказал большое влияние на его политическую карьеру: «Именно он обучил меня искусству устной аргументации. Именно его методику я взял за основу при подготовке моих политических выступлений» [\[16, p. 7\]](#).

Возможность проявить свои ораторские способности представилась довольно скоро: когда Ферри стал секретарем конференции адвокатов в 1855 году, известный легитимист П. Берье предложил ему выступить с речью на открытии этого мероприятия. В своем выступлении, озаглавленном «О влиянии философских идей на адвокатуру XVIII века» Ферри высказался резко против авторитарной власти. Это была явная аллюзия на режим Второй империи. После этой речи его записали в противники режима [\[17, p. 4-5\]](#).

На парламентских выборах 1857 г., как известно, впервые в Законодательный корпус попало пять либеральных депутатов, т. н. знаменитая «пятерка»: избранные от Парижа Жюль Фавр, Эрнест Пикар, Эмиль Оливье, Альфред Даримон, а также избранный от Лиона Жак-Луи Энон. Это событие открыло дорогу некоторой либерализации режима [\[18\]](#).

После парламентских выборов 1857 года интерес к политике у Ферри возрастает, жизнь снова оживает. После смерти отца в 1857 году Ж. Ферри вместе с братом Шарлем открыл свой политический салон, позднее названный «Сенаклем», где каждую пятницу по вечерам начиная с 1858 года собирались юные республиканцы и обсуждали различные социальные и экономические вопросы [\[19, p. 3\]](#).

Ж. Ферри был завсегдатаем различных салонов в Париже, и таким образом активно вовлекался в дискуссии оппозиционеров, посещавших эти мероприятия. В недрах этих салонов рождалась будущая политическая и интеллектуальная элита Франции: либеральная или настроенная по-республикански, она в скором будущем встанет у руля III Республики.

В это время завязываются дружеские связи с Э. Оливье, признанным вожаком республиканской молодёжи того времени, и молодым Л. Гамбетта [\[20, с. 46\]](#). Ферри часто посещал знаменитый салон Эмиля Оливье, который в 1850–1860-е гг. был средоточием не только политической, но и культурной жизни Империи. Там регулярно играли Ф. Лист и Р. Вагнер, туда съезжались и другие деятели европейской культуры. Ж. Ферри, получивший великолепное образование, в то время живо интересовался литературой, музыкой, культурой в целом, водил дружбу со многими деятелями культуры той эпохи [\[21\]](#).

Эмиль Оливье вспоминал о Ферри в те годы так: «Он не обладал врожденным даром красноречия как у Гамбетта, хотя и говорил очень хорошо; но у него было более глубокое образование, более серьезный склад ума, большая сила воли и искусное перо; его охватило нетерпение поскорее утвердиться. Он был, как и мы [все пятеро], либералом и конституционалистом, освобожденным от влияния пустых бонз 1848 года, большим сторонником свободной торговли, чем мы; именно он обратил мое внимание на творчество Кобдена» [\[22, p. 47\]](#).

Параллельно развивается журналистская карьера Ж. Ферри. Его первые газетные публикации приходятся на 1856 г. Именно тогда он начал сотрудничать с *Gazette des tribunaux* — узкопрофильным печатным изданием, специализировавшимся на освещении юридических вопросов. Эта коллаборация продлилась до 1863 г.

Основание оппозиционной газеты *Le Courier de Paris* в 1860 г. стало настоящим

подарком для Ж. Ферри. Хотя она просуществовала всего несколько недель до своего закрытия властями, ведомая главным редактором Клеманом Дювернуа (министр торговли в августе–сентябре 1870 г.), газета впервые предоставила возможность Ферри писать по широкому кругу тем: внутренняя и внешняя политика, экономика Франции. Это издание стояло на умеренно республиканских взглядах, одной из ключевых идей газеты был отказ от присяги на верность императору [\[23, p. 24\]](#).

В мае 1860 года в одной из статей Ферри выступил против экспансионистской политики Франции в отношении Бельгии и Германии [\[14\]](#). В июне Жюль высказался против разрыва между Англией и Францией, возможность которого обсуждалась в британских таблоидах [\[24\]](#). В начале июля Ферри критиковал финансовую политику Империи, прибегавшей к частым займам и взявшей это за основу своей экономической политики [\[25\]](#).

После закрытия оппозиционной газеты Ферри сотрудничал какое-то время с газетой *La Presse*, по-прежнему издаваемой Эмилем де Жирарденом, а потом увлекся новым проектом. Так, весной 1861 г. группа молодых юристов-единомышленников, включавшая в себя помимо Ж. Ферри еще пять человек, взялась за составление «Справочника избирателя» (*Manuel electoral*). Команда молодых авторов действовала под эгидой республиканского комитета с одноименным названием, созданного Жюлем Фавром, Эрнестом Пикаром, Эмилем Оливье и др., а дело происходило накануне парламентских выборов 1863 г.

Брошюра, основным автором которой был Ферри, вышла в свет в августе 1861 года. Она была нацелена на информирование избирателей об их действительных избирательных правах с тем, чтобы, как вспоминал Ферри, «сделать равной борьбу между официальными кандидатами и нашими» [\[26, p. 12\]](#). В тексте попутно вскрывались многочисленные нарушения на выборах и осуждалась политика властей во время прежней избирательной кампании. Основные положения этого сочинения позднее будут развиты Ж. Ферри в другом памфлете «Избирательная борьба в 1863 году».

Публикация имела большой успех, ее читали во всех уголках Франции. Уже меньше, чем через год, а именно в начале 1862 г. под названием *Instruction élémentaire* («Простая инструкция») появилась сокращенная версия «Справочника избирателя» в виде своеобразной памятки, в которой в доходчивой форме содержалась вся полезная информация для избирателя [\[27, p. 16\]](#).

Параллельно с комитетом «Справочник избирателя» был создан *Либеральный союз*, объединявший всех политических противников режима Второй империи и действовавший заодно с комитетом. В 1863–1869 гг. Ж. Ферри был активным участником Либерального союза [\[28, p. 54\]](#).

Однако между республиканским комитетом и *Либеральным союзом* едва не произошел разрыв, поскольку республиканцы упрекали Эмиля Оливье в связях с герцогом де Мори (братом императора Наполеона III), а А. Даримона в частых посещениях принца Наполеона-Жерома Бонапарта. В оппозиционных кругах считали, что Оливье предал республиканские идеалы, пойдя на политическую сделку с Империей [\[29, p. 557\]](#). Известно, что Э. Оливье в 1857 году был вынужден присягнуть на верность Империи, чтобы стать депутатом Законодательного корпуса. Такой жест многим непримиримым противникам Империи не понравился, и от Оливье большая часть республиканцев стала отдаляться в те годы. Отдаление Э. Оливье от республиканского лагеря в 1860-е гг. будет только усиливаться из-за его близости к имперским властям, и достигнет

максимума в 1870 году, когда Оливье согласится возглавить правительство Наполеона III, считавшегося узурпатором в оппозиционной среде. Тем не менее, в 1863 г., когда разногласия еще не были так остры, двум группировкам все же удалось договориться, и на парламентские выборы они выдвигали единых кандидатов.

Некоторое время Ферри рассматривался в качестве одного из возможных кандидатов от республиканцев по пятому округу Парижа, но по совету Э. Оливье и Ж. Фавра он снялся с выборов в пользу другого кандидата, ветерана республиканского движения и деятельного участника Февральской революции 1848 года во Франции Луи-Антуана Гарнье-Пажеса [\[30, p. 217\]](#). Конечно, если бы Ферри настоял на своей кандидатуре, его политический путь мог начаться на несколько лет раньше. Однако тогда он был еще недостаточно знаменит и, кроме того, неопытен. Слава в республиканских кругах придет к нему уже после выборов 1863 года.

В 1860-е гг. Ж. Ферри продолжил набирать популярность в республиканской среде. Этому способствовало и то обстоятельство, что Ферри в качестве адвоката защищал газеты, издательства и республиканских политических деятелей во время многочисленных судебных процессов того времени [\[31, p. 7\]](#). Росту популярности Ферри способствовала также его журналистская и публицистическая деятельность.

Сразу после завершения избирательной кампании 1863 г. Ферри сел за написание острого политического памфлета «Избирательная борьба в 1863 году», в котором он решительно высказался против практики выдвижения официальных правительственных кандидатов, проводимой видным государственным деятелем Второй империи Виктором де Персины. По мнению Ж. Ферри, такая деятельность нарушала честность парламентских выборов, играя на руку властям [\[32\]](#). Памфлет имел большой успех у читающей публики. От республиканцев, узнавших о злоупотреблениях власти во время избирательных кампаний, последовали гневные возмущения.

Общественно-политическая активность Ж. Ферри, связанная с его работой в республиканском комитете «Справочник избирателя» и публикацией острого политического памфлета «Избирательная борьба...», бичующего власти, привлекла к себе внимание со стороны режима Второй империи. После разгона полицией частных собраний и обысков в домах ряда оппозиционеров 5 августа 1864 года начался т. н. «процесс 13-ти», фигурантом которого среди прочих стал и Ж. Ферри. Суд обязал каждого из обвиняемых выплатить штраф в размере пятисот франков. Примечательно, что все тринадцать фигурантов этого дела работали над составлением «Справочника избирателя» в 1861 году, то есть, как отмечал известный адвокат и легитимист Пьер Антуан Берье, защищавший Ферри в апелляционном суде по этому делу, процесс носил ярко выраженный политический характер [\[33, p. 91\]](#). После этого происшествия признание заслуг Ферри в республиканском лагере еще больше возросло.

Другой вопрос, который спровоцировал дебаты во французском обществе, это идея децентрализации и усиления роли местных властей. В 1865 году девятнадцать лотарингских нотаблей (в их число входили юристы, землевладельцы, промышленники, бывшие депутаты и государственные служащие) выступили против чрезмерной централизации, проводимой Парижем, и составили *Проект децентрализации*, названный также *Программой Нанси*, поскольку большая часть его приверженцев были родом из Лотарингии. В *Проекте* они писали: «Сторонники децентрализации работают не для того, чтобы разрушить единство Франции: у них другая цель... они претендуют на то, чтобы провинция, в которой проживает четырнадцать пятнадцатых населения Империи, больше

не была во всем и всегда очень скромным придатком Парижа; чтобы граждане были чем-то большим, чем они есть на самом деле, и чтобы чиновники перестали быть всем» [\[34, p. 3\]](#). Авторы отмечали, что увеличение полномочий префектов, произошедшее в период с 1852 по 1861 гг., имело негативные последствия. Они выдвинули очень умеренную программу и предлагали вернуть часть отнятых полномочий обратно местным администрациям.

Поскольку авторы Проекта были неизвестными людьми на общенациональном уровне, то они адресовали свое воззвание известным политикам, журналистам и попросили их высказаться. Эта инициатива имела большой успех: было получено много ответов от республиканцев (Ж. Фавр, Ж. Симон, Э. Пельтан, И. Карно), орлеанистов (Ф. Гизо) и даже от католиков и легитимистов (А. де Бройль, П.-А. Берье, А. де Фаллу).

Ж. Ферри был одним из тех, кто откликнулся на призыв нотаблей и поддержал их требования. Он писал: «Если Вы хотите быть самой компактной нацией, самой воинственной, самой опасной для мира во всем мире, то тогда будьте самой централизованной, то есть наиболее управляемой, наиболее склонной к послушанию, наиболее легко приводимой в движение, но также и наиболее неспособной вести себя самостоятельно и наименее склонной к свободе, которую когда-либо знала история. Но если Вы хотите быть трудолюбивым, мирным и свободным народом, вам нужна только сильная власть. Так разделите власть, чтобы ослабить ее. Франции нужно слабое правительство. Раздробите власть префектов, уничтожьте само название этого учреждения, возникшего еще во времена римских императоров периода упадка — это действительно, как сегодня говорят, перевернуть пирамиду» [\[35, p. 557-563\]](#). Таким образом, в середине 1860-х гг. Ферри выступил сторонником децентрализации и предоставления широких политических свобод всем акторам политического процесса.

В том же 1865 г. Ферри принял участие в четвертом конгрессе «Международной ассоциации содействия прогрессу в социальных науках», состоявшемся в швейцарском Берне, на котором помимо прочих обсуждался и такой вопрос: «Каковы пределы автономии коммун без ущерба для государственной власти и каковы способы обеспечить их необходимые полномочия?». Там собрались почти все видные французские республиканцы, однако ходом дебатов ввиду установленных процедур Ферри был недоволен и остался разочарован прошедшим мероприятием. В письме к брату Шарлю он писал 1 сентября 1865 г.: «Вопрос о децентрализации, который единственно меня интересовал, был попросту похоронен» [\[36, p. 29\]](#).

С конца 1865 года Ферри начал сотрудничать с ежедневной вечерней газетой либерального толка *Le Temps*, основанной в 1861 году эльзасским протестантом Огюстом Нефцером с тиражом в десять тысяч экземпляров. Это было вхождением в высшую лигу тогдашней журналистики. Эту газету читали и либералы, и республиканцы. С этого момента и вплоть до избрания депутатом в 1869 году журналистика стала основным занятием Жюля. Свою адвокатскую деятельность он сократил, сохранив за собой лишь несколько крупных клиентов.

Как раз в это время разгорелась полемика вокруг известной книги французского историка-республиканца Эдгара Кине «Революция» (1865). В своей книге Кине осудил период якобинского Террора, назвал его преступлением, потому что оно помимо своей бесполезности лишало французов ощущения свободы, за которое они боролись в ходе самой Революции [\[37\]](#). По сути, впервые в историографии политика Террора критиковалась с позиции защиты завоеваний Революции [\[38, p. 11\]](#).

Известный журналист Альфонс Пейра в основанной им в том же 1865 году газете *L'Avenir national* обрушился с критикой на книгу Кине. А. Пейра олицетворял неоякобинскую линию критики Революции конца XVIII века. Он спорил с Кине, утверждая, что якобинцы на самом деле «спасли революцию» [39, p. 99].

Ж. Ферри поддержал Э. Кине и в период с 6 января по 7 февраля 1866 г. опубликовал ряд статей в его поддержку, в которых клеймил последователей якобинизма. Убеденный либерал и республиканец, Ферри считал необходимым наконец отказаться от превознесения эпохи Террора времен Французской революции конца XVIII века. Так, он писал: «Якобинизм больше не является орудием войны, но опасностью, поскольку он вызывает у нас нечто гораздо более печальное, чем эшафоты: предубеждение диктатуры... Сама только мысль о некоей таинственной связи между героизмом четырнадцати армий и эшафотом на площади Революции является для гения Франции самым гнусным из оскорблений, самой незаслуженной клеветой... Республиканские настроения и революционные интересы защищали республику изнутри; армий, созданных великим порывом 1792 года, было достаточно, чтобы защитить ее извне – вот наши истинные победители. Гильотина была нужна не больше, чем сабля, и если революция могла обойтись без Бонапарта, то Робеспьер ей тем более был не нужен» [40].

С декабря 1867 по май 1868 гг. Ферри опубликовал в газете *Le Temps* серию критических статей в адрес парижского градоначальника и признанного любимчика Наполеона III, вышедших под общим названием «Фантастические отчеты Османа» [Здесь мы наблюдаем игру слов. Ферри подражает немецкому писателю Э. Гофману, написавшему *Contes fantastiques d'Hoffmann* («Фантастические сказки»). У Ферри брошюра называется *Comptes fantastiques d'Hausmann*]. В этих статьях, чуть позже вышедших отдельной книгой, через критику неконтролируемой финансовой политики префекта Парижа с 1853 года Ферри выходил на общеимперские проблемы: цезаризм, неподконтрольность властей парламенту, злоупотребления власти, отход от идеалов и ценностей Революции во Франции. В сатирической манере Ферри писал: «Жаль, что все впустую, – восторженно вздыхает этот знакомый де Лафонтен, сожалея о старом Париже [...], где ремесленник, которого безжалостная система сегодня изгоняет из центра, жил бок о бок с финансистом» [41, p. 9]. В статьях Ферри оплакивал «старый Париж», который они потеряли, и подчеркивал, что выселение малоимущих слоев из центра города мало корреспондировало с принципом равенства, утвердившимся еще во время Революции конца XVIII века.

Эти публикации, в которых резко осуждалась неэффективная финансовая политика и злоупотребления столичных властей, были с восторгом приняты общественностью и были признаны «шедевром журналистики» [42, p. 24]; они повысили популярность Ферри в глазах избирателей и открыли ему дорогу к парламентским выборам 1869 года.

Ферри в те годы олицетворял собой молодое поколение республиканских политиков, которое рвалось к власти. В то же время старое поколение республиканцев сходило с дистанции: время ветеранов революционного движения 1848 года безвозвратно уходило, новая Франция их не принимала. Э. Оливье уже не считался духовным лидером республиканского движения в 1860-е гг. Все это играло на руку политическим амбициям Ферри.

Накануне парламентских выборов 1869 г. стало понятно, что нужно активнее критиковать просчеты правительства Второй империи, и для этих целей умеренно либеральная газета

Le Temps, конечно, не годилась. К тому времени Ферри уже сотрудничал, помимо *Le Temps*, с такими изданиями как радикальная по своей направленности газета *La Tribune* (основана Эженом Пельтаном) и чуть более умеренная *La Revue Politique*. Тогда же Жюль Ферри, Эрнест Пикар и Жак-Луи Энон основали еженедельник *Electeur*, который в марте 1869 г. сменил название на *Electeur libre*. Ферри говорил, что чувствует себя комфортно именно в издании *Electeur*, поскольку «там нет цензуры». Уже в первом номере газеты Жюль Ферри смело пошел в атаку на правительство [43, p. 166-167]. Очевидно, Ферри тогда понимал, что активная оппозиционная журналистская деятельность сможет ему открыть двери в большую политику.

В 1868 г. либеральный республиканец и депутат парламента от Сент-Этьена Пьер-Фредерик Дориан, не пожелавший переизбираться в 1869 г., предложил Ферри занять его место в парламенте и представлять там интересы г. Сент-Этьена. Дориан познакомил Жюля со многими жителями города, поскольку до той поры проживший много лет в Париже Ж. Ферри был чужаком в Сент-Этьене. В самом деле, Дориан был довольно популярным политиком в своем городе, однако мнения местных республиканцев разделились [44, p. 219]. Левое крыло республиканцев, настроенное более проякобински, выдвинуло альтернативного кандидата из местных, посчитав парижского адвоката чересчур умеренным и слишком рафинированным, буржуазным. В конце концов, большинство республиканцев отвергло кандидатуру Ферри, и Дориан сохранил за собой место на выборах 1869 года.

Итак, возникла дилемма. Ж. Ферри не мог избираться от Прованса и юга Франции, так как там обычно выбирали католика, а Ферри не был религиозен, а в центральных областях и на востоке Франции (в том же Страсбуре и Сент-Этьене) требовался скорее «красный» республиканец, то есть, леворадикальный активист. Оставался только Париж, но там было всего девять депутатских мест и много непримиримых конкурентов [45, p. 55].

Ж. Ферри решил избираться по шестому округу Парижа. Его главные конкуренты – либеральный католик, филантроп и буржуа, член Института Франции Огюстен Кошен и главный редактор газеты *L'Avenir National* Адольф Геру, бывший социалист, ставший бонапартистом и близкий к семейству Бонапартов. Кроме того, Геру уже был депутатом, однако его полномочия истекали. Жюль активно поддерживал его хороший друг Леон Гамбетта [46]. Именно он представил Ферри парижским избирателям в здании Сорбонны в конце апреля 1869 г. перед выборами [47, p. 65-70].

Ж. Ферри решил объединить вокруг себя всех демократов и антиклерикалов. С этой целью он берет за основу Бельвильскую программу 1869 года, которая стала политической платформой для многих республиканцев в тот год. Она включала в себя ряд требований, таких как «всеобщее избирательное право, свободу личности, прессы, собраний и ассоциаций, отделение церкви от государства, всеобщее обязательное начальное образование» [48]. В то же время, в своих выступлениях Ж. Ферри сделал акцент на «необходимые свободы», что сближало его с либеральным течением [49, p. 189]. В целом можно сказать, что Ферри во время избирательной кампании был гораздо более радикален в своих требованиях и обвинениях в адрес властей, чем это обычно происходило до этого в 1860-е гг. Однако такой политический транзит вполне можно объяснить стремлением привлечь на свою сторону как можно больше рядовых избирателей, обратиться к ним с понятными лозунгами, чтобы иметь больше шансов на политический успех.

В первом туре, состоявшемся 23-24 мая, Ферри одержал победу над Адольфом Геру, а во втором туре во время т. н. *баллотаж* 7 июня победил Огюстена Кошена и, таким образом, стал депутатом от шестого округа Парижа в 37 лет. Так началась карьера крупного государственного деятеля Франции.

Кем же в большей степени был Жюль Ферри в 1860-е гг. — либералом или республиканцем? Классического либерализма в его воззрениях было немало: он был сторонником «необходимых свобод» (выражение А. Тьера), включавших в себя свободу личности, слова, прессы; выступал против коррумпированности чиновников и злоупотреблений бюрократического аппарата, за честные и прозрачные выборы, власть, ограниченную четко прописанным законом; поддерживал идею децентрализации Франции и осуждал попытки реабилитировать Террор периода Французской революции конца XVIII века. При этом как все либералы он защищал завоевания и ценности Революции. Республиканского в нем было, конечно, гораздо меньше.

До крушения Второй империи во Франции Ж. Ферри никогда не призывал к установлению республиканского строя и не идентифицировал себя с внесистемной оппозицией, готовой использовать насилие в качестве инструмента по смене государственного устройства. Ферри как классический либерал и юрист по профессии ставил законы превыше всего, и готов был улучшать внутреннее положение своей Родины только легальными и мирными методами. Если же видеть в республиканизме некий эквивалент умеренного политического радикализма, то соотнесение себя с Бельвильской программой 1869 года, разделяемой почти всеми республиканцами, вполне делает Ферри представителем этого направления, но скорее республиканцем постфактум, когда после крушения бонапартистского режима в результате поражения во франко-прусской войне 1870-1871 гг. оставался только республиканский строй (католический легитимизм не был для Ферри альтернативой). Принятие Бельвильской программы скорее было вынужденным шагом ввиду честолобивого замысла победить на выборах. Тем не менее, круг общения Ферри был разнообразным, и он завел тесные знакомства с многими лицами, ставшими впоследствии видными и признанными лидерами республиканского движения.

В целом же, в 1860-е гг. Ферри оставался убежденным сторонником Либерального союза — т. е. широкой коалиции, включавшей в себя оппозиционеров всех мастей, недовольных цезаристским стилем правления императора Наполеона III и находился гораздо ближе к классическим либералам, чем к «красным» республиканцам.

Библиография

1. Thermeau G.-M. Jules Ferry: pourquoi tant de haine? // Contrepoints, 16.06.2021. URL: <https://www.contrepoints.org/2021/06/16/187146-jules-ferry-pourquoi-tant-de-haine> (дата обращения 24.06.2024).
2. Jaurès J. Socialisme et radicalisme en 1885. Préface aux discours parlementaires. Genève, Slatkine, 1980. P. 28-29.
3. Guilhaume P. Jules Ferry. Paris, Albin Michel, 1980. P. 7.
4. Reclus M. Jules Ferry, 1832–1893. Paris, Flammarion, 1947. P. 44.
5. Jules Ferry, fondateur de la République. Actes du colloque organisé par l'EHESS / François Furet (dir.). Paris, Ed. de l'EHESS. 1985. P. 8.
6. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Lévy, 1914. P. 567.
7. Guilhaume P. Jules Ferry. Paris, Albin Michel, 1980. P. 12.
8. Reclus M. Jules Ferry, 1832–1893. Paris, Flammarion, 1947. P. 11.
9. Guilhaume P. Jules Ferry. Paris, Albin Michel, 1980. P. 13.

10. Barral P. Jules Ferry. Une volonté pour la République. Nancy, Presses universitaires de Nancy, 1985. P. 6.
11. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 25.
12. Pottecher M. Jules Ferry. Paris, Gallimard, 1930. P. 53.
13. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 27.
14. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 7. Discours sur la politique intérieure. P. 78.
15. Pottecher M. Jules Ferry. Paris, Gallimard, 1930. P. 57.
16. Dreyfus F.-C. Notice sur Jules Ferry à l'assemblée générale de l'Association des secrétaires et anciens secrétaires de la Conférence des avocats à Paris, le 18 décembre 1893, Nancy, Impr. de Berger-Levrault, 1893. P. 7.
17. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. P. 4-5.
18. Игнатченко И.В. Жюль Фавр: политические взгляды и деятельность «синего» республиканца во Франции XIX века // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С. 142-155. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.40828 EDN: USWWNH URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_40828.html
19. Rambaud A. Jules Ferry. Paris, Librairie Plon, 1903. P. 3.
20. Игнатченко И.В. Л. Гамбетта в борьбе за республику во Франции (1868–1875) // Вопросы истории. 2024. №2. С. 44-54.
21. Anceau É. Émile Ollivier, ses réseaux politiques et le pouvoir sous le Second Empire in: Liens personnels, réseaux, solidarités en France et dans les îles britanniques (XIe–XXe siècle) / D. Bates, V. Gazeau (dir.). Paris, Éditions de la Sorbonne, 2006. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/74849> (дата обращения 24.06.2024).
22. Ollivier E. Empire liberal. 18 vols. Paris, Ed. Garnier frères, 1900. T. V. P. 47.
23. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. Paris, A. Colin, 1893. P. 24.
24. Le Courrier de Paris, 13.VI. 1860.
25. Le Courrier de Paris, 6.VII. 1860; Le Courrier de Paris, 9.VII. 1860.
26. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 12.
27. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 16.
28. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 54.
29. Ollivier E. Empire liberal. 18 vols. Paris, Ed. Garnier frères, 1902. T. VI. P. 557.
30. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 217.
31. Dreyfus F.-C. Notice sur Jules Ferry à l'assemblée générale de l'Association des secrétaires et anciens secrétaires de la Conférence des avocats à Paris, le 18 décembre 1893, Nancy, Impr. de Berger-Levrault, 1893. P. 7.
32. Ferry J. La lutte électorale en 1863. Paris, E. Dentu, 1863. 375 p.
33. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 91.
34. Un projet de décentralisation. Nancy, Vagner, 1865. P. 3.
35. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 557-563.
36. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 29.
37. Quinet E. La Révolution. Paris, Belin, 1987. 802 p.
38. Rambaud A. Jules Ferry. Paris, Librairie Plon, 1903, 553 p. P. 11.
39. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 99.
40. Le Temps, 6.I.1866.

41. Ferry J. Les comptes fantastiques d'Hausmann. (Suivi de) Les Finances de l'Hôtel de Ville / Jules Ferry; par J.-E. Horn. Paris, Guy Durier. 1869. P. 9.
42. Barral P. Jules Ferry. Une volonté pour la République. Nancy, Presses universitaires de Nancy, 1985. P. 24.
43. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. P. 166-167.
44. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 219.
45. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846-1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 55.
46. Barral P. Gambetta et Ferry, amis et rivaux // Revue historique, 2008/4 (n° 648), pp. 891-919. URL: <https://www.cairn.info/revue-historique-2008-4-page-891.htm> (дата обращения 24.06.2024).
47. Barral P. Les fondateurs de la Troisième République. Paris, Colin, 1968. P. 65-70.
48. Арзаканян М.Ц. Становление Третьей Республики во Франции // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 210-228. URL: <https://roii.ru/r/1/56.11> (дата обращения 24.06.2024).
49. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. P. 189.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История Франции насыщена победами и не менее трагическими неудачами. Особенно сложными для страны выдались последние полтора столетия: это и поражение при Седане, и крах 1940 г., и печальное Дьенбьенфу. Примечательно, что воцарение Наполеона III привело Францию не только к падению Второй империи, но и к катастрофе в войне с Пруссией. Чтобы лучше понять события, предшествующие 1871 г., необходимо обратиться к изучению политических фигур эпохи Второй империи и ранней Третьей республики, среди которых знаковое место занимает Жюль Ферри.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются общественно-политические взгляды Жюля Ферри. Автор ставит своими задачами рассмотреть биографию политика, выявить причины противоречий в его настроениях, а также определить его политические симпатии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать формирование общественно-политических взглядов Жюля Ферри в 1860-е гг. Как отмечает сам автор, «несмотря на всю противоречивость взглядов Ферри, в отечественной историографии до сих пор не появилось специального исследования, посвященного формированию общественно-политических взглядов этого крупного политика».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, проделанной автором. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на французском языке, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена как воспоминаниями и письмами самого Жюля Ферри, так и материалами периодической печати. Из используемых исследований отметим труды М. Реклю, П.

Гильома, П. Барраля и других специалистов, в центре внимания которых личность Жюля Ферри. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как политикой Третьей республики, в целом, так и Жюлем Ферри, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «с одной стороны, тяга Ферри к колониализму, объяснявшаяся стремлением взять моральный реванш за поражение во франко-прусской войне 1870-1871 гг. и снова возвысить Францию в кругу «великих держав», вызывала резкую критику со стороны левых во Франции; с другой стороны, он провел либеральную по своей сути школьную реформу, благодаря чему его, по меткому замечанию радикального политика конца XIX – начала XX вв.» В работе показано, что «Ферри как классический либерал и юрист по профессии ставил законы превыше всего, и готов был улучшать внутреннее положение своей Родины только легальными и мирными методами». Автор приходит к любопытному выводу о том, что Ферри стал «скорее республиканцем постфактум, когда после крушения бонапартистского режима в результате поражения во франко-прусской войне 1870-1871 гг. оставался только республиканский строй (католический легитимизм не был для Ферри альтернативой)».

Главным выводом статьи является то, что «в 1860-е гг. Ферри оставался убежденным сторонником Либерального союза — т. е. широкой коалиции, включавшей в себя оппозиционеров всех мастей, недовольных цезаристским стилем правления императора Наполеона III и находился гораздо ближе к классическим либералам, чем к «красным» республиканцам».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания, так, например, библиография оформлена не по требованиям журнала.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Грибачева А.П. Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941-1943 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.71061 EDN: UAXVIN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71061

Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941-1943 гг.)

Грибачева Анастасия Павловна

ORCID: 0009-0005-3594-0881

аспирант; высшая школа общественных наук гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

✉ gap.418@yandex.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.71061

EDN:

UAXVIN

Дата направления статьи в редакцию:

18-06-2024

Аннотация: Актуальность данной статьи обусловлена научным интересом к исследованию производственного процесса на предприятиях пищевой промышленности блокадного Ленинграда. Однако ряд вопросов в рамках вышеуказанной научной проблемы по-прежнему остается малоизученным и нуждается в разработке современными исследователями. Промышленная деятельность пищевых предприятий была направлена на выработку товаров для нужд города и фронта. Заводы, фабрики и комбинаты перестраивали организацию своей работы в сложившейся новой обстановке. В условиях ограниченности ресурсов производственный процесс сопровождался поиском необходимого сырья и заменителей. В работе стали использовать сою, жмыхи, соевый шрот, из-за чего выпускаемый продовольственный ассортимент смогли расширить. Рабочие ежедневно совершали трудовой подвиг, внося свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне, помогая Родине, Ленинграду. В статье использованы следующие методы исследования: исторический, историко-генетический, логический и историко-системный, с помощью которых стало возможным рассмотрение

производственной деятельности пищевых ленинградских предприятий как целостной системы. Научная новизна состоит в анализе архивных источников, позволивших выявить информацию о производственной работе на пищевых предприятиях. Материалы содержат объяснительные записки, отчеты о хозяйственной деятельности, приказы, часть из которых вводится в научный оборот впервые. В документах сохранились данные о производственных планах, качестве продукции, наличии брака, кадровых составах, характеристики оборудования и прочее. Находясь в тяжелейших блокадных условиях, заводы продолжали выпуск продовольственных товаров. После зимы 1941-1942 гг. рабочий процесс постепенно стал восстанавливаться. Некоторые законсервированные предприятия становятся производственно способными уже с начала 1942 года. В лабораториях осваивали новые способы изготовления продукции, которые затем внедрялись на производство. Однако, производственного выхода не хватало для обеспечения потребностей, также как и полностью восстановить работу производств не представлялось возможным.

Ключевые слова:

производственный процесс, заменители, ресурсы, Хлебзаводы, Ленинградский Дрожжевой завод, Гормолзавод, Ленинградский Уксусный завод, промышленность, блокада, Ленинград

Актуальность проблемы работы пищевых промышленных предприятий в условиях блокады Ленинграда обусловлена научным интересом к деятельности рабочего процесса на производствах и выпуску продукции, необходимой городу и фронту. Однако ряд вопросов в рамках вышеуказанной научной проблемы по-прежнему остается малоизученным и нуждается в разработке современными исследователями. Целью данной статьи стало исследование особенностей производственного процесса на пищевых промышленных предприятиях блокадного Ленинграда.

Научная новизна состоит в анализе архивных источников, позволивших выявить информацию о производственной работе на пищевых предприятиях. Материалы содержат отчеты о хозяйственной деятельности, приказы, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Для достижения цели в статье задействованы следующие методы исследования: исторический, логический и историко-генетический, посредством которых возможно рассмотреть производственную деятельность на предприятиях блокадного Ленинграда. Также использован историко-системный метод, позволяющий рассмотреть работу пищевых предприятий как целостной системы.

Основными источниками по данной теме выступают документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга [\[1\],\[2\],\[3\],\[4\],\[5\],\[6\]](#) и Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга [\[7\]](#). Найденная информация дает представление о заводской рабочей деятельности, выпуске продукции и общей ситуации на предприятиях.

Ценность для исследования представляют материалы, опубликованные в сборнике документов «Постановления Военного совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.)». Принимаемые постановления были направлены на решения различных вопросов во многих аспектах жизнедеятельности города, в том числе и тех, которые касались пищевой промышленности [\[8\]](#).

Историографический обзор представлен рядом работ советских и современных авторов исследования, которых относятся к промышленной жизни блокадного Ленинграда.

Статья Попкова П.С. [\[9\]](#) председателя исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, посвящена жизнедеятельности Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Автор рассматривал общую ситуацию в городе, затрагивая разные аспекты, в том числе и продовольственные. В трудах Дзенискевича А.Р. представлен большой объем информации о рабочей деятельности ленинградских предприятий в целом. Рассмотрено переустройство заводов, фабрик, комбинатов на выпуск необходимой продукции для армии и города. Уделено внимание роли рабочих, составляющих неотъемлемую часть производственного процесса [\[10\],\[11\]](#).

Исследованием истории создания и функционирования продовольственной комиссии 1942 г. Военного совета Ленинградского фронта занимались Соболев Г.Л. и Ходяков М.В. [\[12\]](#). Авторы рассматривали самый тяжелый блокадный период 1941-1942 гг., в рамках которого была создана продовольственная комиссия. Внимание было уделено ее составу и принятым продовольственным решениям.

Красноженова Е.Е. [\[13\]](#) и Кулик С.В. [\[14\]](#) исследовали проблему форм и методов повышения производительности труда на ленинградских предприятиях. Даже в условиях блокады на заводах получило развитие стахановское движение и социалистическое соревнование. Отдельные рабочие и бригады перевыполняли нормы выхода продукции в несколько раз, совершая трудовой подвиг. В то же время авторы рассматривали вопросы восстановления и технической модернизации на предприятиях блокадного Ленинграда [\[15\]](#). Происходил ремонт оборудования и реконструирование разрушенных заводских, фабричных цехов и зданий. В рассматриваемый период особенностью стало развитие той промышленности, где происходило изготовление особо важной продукции для фронта.

Изучением деятельности кондитерской промышленности занимался Ходяков М.В. [\[16\],\[17\]](#). На протяжении блокады конфетные и шоколадные фабрики продолжали выпуск продукции, в производстве которых активно применялись заменители.

Рассмотрением феномена сельскохозяйственного производства на ленинградских предприятиях [\[18\]](#) и работы промышленности [\[19\]](#) занималась Зотова А.В. Жители блокадного Ленинграда принимали участие в выращивании урожая, вступали в общественную организацию огородников, заготавливали продукцию на зимнее время, их сельскохозяйственный опыт был уникальным.

С сентября 1941 г. по январь 1944 г. на Ленинград обрушилось самое страшное, тяжелое блокадное время. Долгих четыре года ленинградцы работали на заводах, фабриках, комбинатах, вырабатывая по несколько норм за смену, ежедневно совершая трудовой подвиг во благо Великой Победы. Вся жизнь блокадного города стала крайне тяжелой. Ленинград регулярно подвергался бомбежкам, вследствие которых производственные цеха и здания подвергались разрушениям, происходили пожары, не хватало ресурсов. Голод и холод стали преградой в обыденной и промышленной жизни города. Производимого выпуска продукции не хватало для населения, а большая часть предприятий была вынуждена уйти на консервацию.

Пищевая отрасль промышленности Ленинграда стала переустраивать свою работу под нужды военного времени. Одним из центров управления ленинградского региона,

блокадного периода, был Военный совет Ленинградского фронта (ВС ЛФ). Военный совет решал разные вопросы, в том числе и те, которые относились к жизнедеятельности города [\[20\]](#). Особый интерес в данном исследовании представляют документы, касающиеся работы пищевых предприятий.

В постановлении «Об экономии в расходовании продовольствия» от 10 сентября 1941 г. ВС ЛФ обязал хлебопекающие организации Ленинграда использовать при выпечке хлеба в качестве примеси ячменную, овсяную, соевую и солодовую муку. Согласно указаниям, заводы «Красная Бавария», им. Степана Разина, «Вена» и фруктовых вод должны были передать Ленинградской городской конторе «Заготзерно» имеющейся у них в наличии рожь, ячмень, и 8.000 т. ячменного и ржаного солода. Управляющий Главснаба Наркомпищепрома СССР обязывался отправить конторе сою-бобы. Мелькомбинатам им. Ленина и Кирова дано было указание размалывать овес, ячмень, ячменный и ржаной солод, сою-бобы из имеющихся в наличии запасов в «Заготзерно». В документе прописывалось временно прекратить выработку хлебобулочных и мучных изделий во всех предприятиях общественного питания Ленинграда, и сократить выпуск мучных блюд на 50% [\[8, с.59-60\]](#).

В этом же направлении было издано постановление «О расходовании продовольственных товаров» от 16 сентября 1941 г. согласно которому управляющий Ленинградской городской конторой «Лензаготзерно» и директора Мелькомбинатов обязывались производить размол овса, сои и солода, для того чтобы ежедневно отпускать на хлебопечение муки из овса не менее – 350 т., муки из сои – 100 т. и солода – 100 т. Кроме того, на Ленмясомолбите и Ленмясокомбинате необходимо было запустить производство колбасы, для продажи, с примесью сои в размере от 10 до 30% и мяса конского молодняка [\[8, с.79-80\]](#).

Следующее постановление от 23 сентября 1941 г. «О дополнительных мероприятиях по снабжению населения продовольствием» регламентировало прекратить в Ленинграде, производство пива и весь солод, ячмень и другие хлебные продукты, имеющиеся на заводах, передать «Заготзерно» для размола на муку [\[8, с. 98\]](#).

Исходя из рассмотренных постановлений, установленные меры были направлены на рациональное использование сырья, а также для учета, контроля и расходования ограниченных ресурсов в городе. Происходил поиск внутренних резервов, различных заменителей, которые стали использовать в изготовлении пищевой продукции.

Промышленная жизнь пищевых предприятий блокадного Ленинграда имела крайне важное значение, так как от нее зависело снабжение продовольствием населения города. Так, на Гормолзаводе №1 Ленмолкомбината в сентябре 1941 г. было произведено следующее количество продукции из растительного молока [\[6, л. 263\]](#).

Таблица 1

Гормолзавод №1 – 1941 г.

№	Наименование	Выпуск продукции с 15 по 30 сентября
1	Молоко растительное со сгущенным	124 т.
2	Молоко с какао	12,5 т.
3	Молоко с кофе	14.5 т.

4	Кисломолочные продукты	20 т.
5	Мороженное	50,5 т.
6	Стандартизация сметаны	31,5 т.
7	Всего растительного молока	231,4 т.

Составлено по: ЦГА СПб Ф. 9605. Оп. 2. Д. 29. Л.263

В его лаборатории, согласно заданию Горкома ВКП(б) и руководства Ленмолкомбината об использовании сои, было освоено производство молока из этой культуры. При ее использовании рабочие смогли изготавливать разный ассортимент молочных продуктов, таких как молоко растительное детское, миндальное, шоколадное, кофейное, простоквашу, соевое молоко для стандартизации сметаны. Также продукт переработки - соевый шрот шел в работу, который поначалу задействовали на Рыбкомбинате, в хлебопечении, столовых, а затем уже и на собственном производстве [\[6, л.291\]](#).

В информационном письме №5 от 2 октября 1941 г. об основных моментах работы Ленмолкомбината указывалось следующее. Среднесуточное поступление молока снижалось. В первой декаде сентября объем составил 12,2 т., во второй 7 т., а в третьей 4,5 т. Во второй половине месяца, по решению Военного совета фронта, прекратилась выработка мороженого и твороженных продуктов с сахаром. Поэтому особое внимание уделялось выработке молока из соевых бобов. Так, выпуск растительного молока для детских учреждений и больниц составил 111 т., а уже в последние дни сентября более 11 т. в день. С 18 числа начался выпуск растительного бутылочного молока с какао и кофе, выход которого за 13 дней сентября составил 45 т. продукции, а в последние дни месяца до 5 т. в день. Другим видом продукции стала сметана, которая стандартизировалась только растительным молоком, в количестве от 25 до 30% к сметане [\[1, л. 31\]](#).

В октябре Ленмолкомбинат смог изготовить из сои для больниц, госпиталей и детских учреждений: детского молока в количестве 300 т., молока с миндалем 40 т., молока с какао 90 т., молока с кофе 80 т. Сметаны купажированной растительным молоком было выпущено 220 т. Топленого сыра смогли изготовить в количестве 13 т., а топленого масла 6,5 т. Осваивалось производство полуфабрикатов из соевого шрота: сырников в виде теста, расфасованных сырников и расфасованных котлет [\[1, л. 33\]](#).

Предприятием предпринимались меры для поиска сои, так как остатки на производстве были ограничены. Удалось получить согласие Ленмясокомбината на передачу от них соевых бобов, но с ответным возвратом соевого шрота. Также, поступило 90 т. сои второго и третьего сорта, оставшейся после пожара в порту [\[1, л. 34\]](#).

В итоге, за первые два с половиной месяца работы молочная промышленность Ленинграда смогла выпустить: 800000 л. молока растительного детского, 175000 л. молока миндального, 300000 л. молока шоколадного и кофейного, 110000 л. соевого обыкновенного молока, 500000 кг. шрота соевого и изделий из него [\[6, л.291\]](#).

До конца года происходит рост производства растительного соевого молока.

Таблица 2

Молочная промышленность – 1941 г.

№	Месяцы	Молоко коровье	Молоко	Всего молока
---	--------	----------------	--------	--------------

		растительное				растительное			
		Натуральное		Произведено из сухого молока		растительное		растительное	
		кг.	%	кг.	%	кг.	%	кг.	%
1	Ноябрь	55650	7,6	106660	14,6	569630	77,8	731940	100,0
2	1 декада	11080	4,1	45600	16,7	215750	79,2	272430	100,0
	Декабря								

Составлено по: ЦГА СПб Ф. 1300. Оп. 14. Д. 6. Л.40.

Помимо соевого молока на Ленмолкомбинате шел выпуск продуктов из заменителей.

Таблица 3

Молочная промышленность – 1941 г.

№	Наименование	Ноябрь 1941 г.	1-ая половина декабря 1941 г.	Всего с начала выпуска по 15 декабря 1941 г.
1	Сырниковая масса и сырники из соевого шрота и творога (25%)	110,6 т.	-	241,4 т.
2	Котлетная масса и котлеты из соевого шрота	4,3 т.	5,1 т.	9,4 т.
3	Котлетная масса и котлеты из хлопкового жмыха и соевого шрота	-	113,4 т.	113,4 т.
4	Соевый шрот для мясных, хлебных и других изделий	152,6 т.	70,3 т.	450,4 т.
5	Купажирование соевым молоком сметаны	113,8 т.	24,7 т.	683,8 т.

Составлено по: ЦГА СПб Ф. 1300. Оп. 14. Д. 6. Л.41.

Особое внимание следует уделить роли рабочих молочной промышленности, которые ежедневно, неустанно трудились на производстве, вкладывая все свои силы в работу. Группой в составе в составе Садовой И.П., Газенегер Е.А. Петровой В.Д., Зрячкиной Л.Г., Ивановой П.П. Лудановой А.Н., было освоено, после лабораторных исследований, изготовление простокваши из сои на чистых культурах молочнокислых бактерий. Данный продукт не уступал простокваше из коровьего молока. Другой группой рабочих завода в составе Минбаевой Н.Г., Люктухова В.В., Гвоздевской А.М., было освоено производство котлетной массы [\[6, л. 291\]](#).

Анализ источников о деятельности молочной промышленности показывает, что выпуск продовольственных товаров происходил, несмотря на производственные трудности. В изготовлении товаров стали активно применять сою и соевый шрот, из-за чего ассортимент выпуска продуктов был расширен. Однако, продовольственного выхода не хватало для населения Ленинграда.

В качестве источника информации о работе Хлебзавода «Красная заря» использована

объяснительная записка к отчету о хозяйственной деятельности, из которой следует, что предприятие приступило к работе после консервации с 10 января 1942 г. В среднем, за год, завод функционировал на 5-6 печах, вырабатывая в сутки до 25 т. только весовой товар. Выпускаемый ассортимент некоторых товаров на Хлебзаводе представлен в виде таблицы [\[2, л.39\]](#).

Таблица 4

Хлебзавод «Красная заря» - 1942 г.

№	Наименование	По плану	По факту	Процент выполнения плана
1	Хлеб ржаной 95%	6890,0 т.	2700,4 т.	39,2%
2	Хлеб пшеничный 96%	312,0 т.	3960,8 т.	126,9%
	Хлеб пшеничный 85%	774,0 т.	706,7 т.	91,3%
	Хлеб пшеничный 72%	175,0 т.	691,2 т.	395,0%
3	Хлеб пеклеванный 65%	108,0 т.	160,6 т.	148,7%
4	Хлеб пшеничный 30%	25,0 т.	268,6 т.	107,4%
5	Хлеб ржано-пшеничный	-	383,2 т.	-
6	Сухари ржано-пшеничные	-	39,9 т.	-
Итого		8284 т.	8911,4 т.	107,5%

Составлено по: ЦГА СПб Ф. 2225. Оп. 99. Д. 162. Л.39

При исследовании документа в статистических данных было обнаружено несоответствие процентного соотношения с показателем выпущенного количества хлеба пшеничного 96%. Возможно, при внесении данных была допущена ошибка, вследствие которого изменился процент выполнения годового плана, так как выпуск по плану хлеба пшеничного 96% составляет **3960,8 т.**, что при правильном расчете составляет **1269,5%**, а в данных таблицы указано **126,9%**. В соответствии с этой таблицей итоговый результат составляет 107,5% т.е. однозначное перевыполнение плана.

При исправлении возможной ошибки, итоговое процентное число меняется со **107,5%** на **64,55%**, что соответственно меняет итоговый показатель выполненной работы и указывает на не выработку поставленного плана.

Сырье на завод поступало бесперебойно в течение всего года, однако его качество оставалось низким. Масло для смазки форм имело большое содержание воды и примесей, в составе соли обнаруживались добавки, а мука была сильно подмочена - она оставляла на мешках большую корьевую корку, вследствие чего вес мешка с мукой мог достигать до 6 кг. Муку нужно было перерабатывать. Поэтому на заводе создали специальных цех для ее обработки. В качестве заменителей в первом полугодии применялись в незначительном количестве: жмыхи 1,4 т., сою 3,4 т., соевый шрот 1,5 т. Во втором полугодии заменители не поступали [\[2, л. 39-40\]](#).

Несмотря на низкое качество основного сырья, в торговую сеть хлеб отправлялся только стандартный (отвечающий требованиям качества).

Таблица 5

Хлебзавод «Красная заря» - Стандартность хлеба за 1942 г.

Стандартность хлеба за 1942 г.

Стандартность хлеба за 1942 г.			
№	Сорт хлеба	Сорт муки	Стандартность
1	Ржаной хлеб	95%	99,1
2	Пшеничный хлеб	96%	99,75
3	Пшеничный хлеб	85%	99,02
4	Пшеничный хлеб	72%	99,85
5	Пшеничный хлеб	30%	99,84
6	Пшеничный хлеб	65%	100,0

Составлено по: ЦГА СПб Ф. 2225. Оп. 99. Д. 162. Л. 41

На другом Хлебзаводе №4 в соответствии с объяснительной запиской к годовому отчету, основное производственное оборудование состояло из 6-ти печей, 5 из которых системы «Мельстрой» и одной печи «Виктория». В наличии находилось оборудование кондитерского сухарного производства, две печи в резерве, 2 тестомесильные, 2 просеивательные машины, тесто формовка и блок-станция с двигателями мощностью в 37 кв.ч. Блокстанция предусматривалась на случай отключения Хлебзавода от сети Ленэнерго [\[3, л. 145\]](#).

По объему производства, на протяжении 1943 г., предполагалось, что завод выпустит 10508,1 т., однако фактический выпуск превысил норму и составил 11402, 6 т. Ассортимент продукции Хлебзавода №4 был следующий.

Таблица 6

Хлебзавода №4 - 1943 г.

№	Наименование	По плану	По факту	Процент выполнения плана
1	Хлеб ржаной 95%	9235,1 т.	6640,8 т.	71,9%
2	Хлеб пшеничный 96%	493 т.	3111,5 т.	631,1%
3	Хлеб пшеничный 85%	364 т.	381,4 т.	104,5%
4	Хлеб пеклеванный	365 т.	1106,7 т.	303,2%
5	Коврижка из соевого шрота	51 т.	95,4 т.	187,1%

Составлено по: ЦГА СПб Ф. 4965. Оп. 1. Д. 1059. Л. 145

В отношении технико-экономических показателей нормативы выхода продукции значительно изменились. Это объясняется требованиями, предъявленными к заводу в отношении качества продукции. По ржаному 95% хлебу выход продукции на 1 полугодие был установлен в 165%, а начиная с июля, снизился и к концу года норма выхода была установлена в 161,1%. Это обстоятельство имело значение для результата по расходу муки [\[3, л. 145\]](#).

Таким образом, в I полугодии Хлебзавод №4 дал экономии муки 50 т., а в общем за 1943 г. экономия муки составила 68,2 т. или 1,0% к расходу муки. Брак на производстве составил 18,1 т. или 0,16% к выпуску продукции [\[3, л. 145\]](#).

Интересным становится исследование организации технического оборудования на хлебных предприятиях. Каким образом происходил производственный процесс в мучной кладовой? Так, на 6-ом Хлебзаводе организация оборудования в 1943 г. строилась

следующим образом. Мучная кладовая размещалась в полуподвальном этаже, подача муки производилась самотасками (ковшевым элеватором) на верхнюю площадку в наиболее высокой части здания, где были установлены сита. Там мука подвергалась просеву, далее с помощью горизонтальных шнеков (транспортирующее устройство) она подавалась в бункеры и после этого отправлялась в тестомесильные машины. В кладовой находились самотаски, каждая из которых была снабжена самостоятельным вентилятором для улавливания мучной пыли, которая возникала при опрокидывании мешка с мукой [\[7, л. 2\]](#).

В отдельном помещении мучной кладовой находились мешкотряски, в которых производилась чистка мешков из под муки. Каждая мешкотряска снабжалась индивидуальным вентилятором, который устанавливался внутри машины. Кроме того, в мучной кладовой производилась обработка корья на открытых и не снабженных пылеотсасывающей вентиляцией меланжерах. Также там производился ручной просев молотого корья [\[7, л. 2\]](#).

В помещении мучной кладовой производилось большое количество операций с обильным выделением мучной пыли. Все пространство необходимо было содержать в чистоте и своевременно очищать от скапливающейся пыли. Однако в блокадных условиях, из-за ограниченности все возможных ресурсов вентиляторы не работали, производственное оборудование изнашивалось, воздуховоды не прочищались и т.д. Условия работы в мучных кладовых оставались сложными.

Начало производственного функционирования Ленинградского дрожжевого завода приходится на 1 марта 1943 г. Январь и февраль были подготовительными месяцами к деконсервации предприятия. Коллектив завода начал работу, не имея в своем распоряжении необходимого оборудования, материалов, квалифицированной рабочей силы и руководящих производственных кадров. Одновременно с налаживанием технологии производства велись строительные и монтажные работы.

В течение года работа характеризовалась систематическим невыполнением плана, как с началом запуска завода, так и в период освоения работ ввиду больших трудностей [\[3, л. 1\]](#). Утвержденного производственного плана у предприятия не было. Сумма месячных заданий составила 3400 т. Фактический выпуск продукции за год составил 2474 т. [\[3, л. 5\]](#). Завод стал выпускать дрожжи белковые, назначение которых предназначалось для питания трудящегося населения Ленинграда и бойцов Красной Армии Ленфронта [\[3, л. 6\]](#).

Белковые дрожжи в начале работы выращивались на расе маточных дрожжей. Эта раса не эффективна на высоких сахарах. В это время на производство поступала меласса (кормовая патока), она была средней сахаристости 45-46%, вследствие чего получалось мало выхода. Поэтому производство переключилось на старую Томскую расу №7, на которой работало раньше. За год предпринималось освоить расу жировых дрожжей, но без успешно [\[3, л. 6\]](#).

В первые месяцы работы выходы были низкие, так как не обеспечивалось санитарное состояние аппаратуры. Чаны от длительной консервации покрывались коррозией. Мыть их было очень трудно. Коррозия дрожжевым потоком смывалась, засоряла сепараторы, вследствие чего получались значительные потери дрожжевого молока. Кроме того, неопытные кадры, не имея навыков в работе, допускали нарушения в технологии и тем самым увеличивали потери сырья и продукции. Также отсутствовала правильная промывка дрожжей, вследствие чего кислотность была повышена [\[3, л. 7\]](#).

Качество сырья, которое поступало на завод, не всегда соответствовало установленным кондициям, в силу того, что город находился в условиях блокады, приходилось прибегать к заменителям.

Меласса до июля 1943 г. поступала нормальная со средней сахаристостью в 46,7 %, черная нефiltroванная с сахарных заводов: Бековский, Коробалтинский, Меркенский, Кокандский и т.д. С июля стала поступать зеленая патока с Красногвардейского, Зиметчинского, Зарабулакского заводов, изготавливаемая по укороченной схеме. Фильтрованная с повышенной сахаристостью – 52% и выше [\[3, л. 8\]](#).

Нижнетагильский комбинат поставлял сернокислотный аммоний. Он добавлялся в сусло, которое становилась необходимой подкормкой для дрожжей. Поступившее количество сернокислого аммония, при общей потребности, не обеспечивало полностью нужны производства, поэтому стали прибегать к заменителям: селитре и нашатырному спирту [\[3, л. 9-10\]](#). Таким образом, Ленинградский дрожжевой завод испытывал многие трудности в производственном процессе.

На основании объяснительной записки, в первую блокадную зиму Ленинградский Уксусный завод вышел из строя, он не мог продолжать производство продукции, так как существовали перебои снабжения с электроэнергией, топливом, водой и отсутствием необходимых питательных солей, которые послужили причинами гибели производственных бактерий [\[4, л. 42\]](#).

Однако, завод удалось сделать производственноспособным в 1942 г. Производственных показателей на предприятии удалось добиться, потому что отсутствовавшие и необходимые для нормальной работы питательные соли были заменены на питательные концентраты, полученные из сухофруктов, глюкозы и солода, путем сложной биохимической переработки. Благодаря восстановлению и показательной работе Уксусного завода в условиях блокады и цинготных заболеваний, Ленинград и фронт могли получать необходимое количество уксусной кислоты для борьбы с этой болезнью. Завод наладил у себя производство высококачественных настоев витамина «С», организовал выработку фруктовых вод высокого качества, снабжая ими город и фронт. В итоге предприятием выпускалось: уксус спиртовой бочковый 9%, уксус фасованный в бутылках, витамин «С», фруктовые напитки. По производительности труда план 1942 г. был выполнен на 221% [\[4, л. 42-43\]](#).

Уже в 1943 г. Ленинградский уксусный завод производил уксус бочковый, хвойно-фруктовую и фруктовую воду, и витаминный напиток «С». В первом полугодии завод работал в особо тяжелых условиях в связи с обеспечением производства качественным сырьем и кадрами. Спирт-сырец поступал с ликероводочного завода низкого качества, а в феврале спирт поступил как отход от ректификата, вследствие чего произошло отравление уксусных бактерий. Крепость производимого уксуса снизилась на 2%. Поэтому завод встал перед угрозой срыва выпуска высококачественного уксуса, но благодаря современной мобилизации инженерно-технологического персонала с привлечением лучших стахановцев производства путем напряженного труда удалось провести определенный технологический режим, полностью восстановивший жизненную деятельность бактерий, следствием чего стало получение к началу июня нормальных выходов высококачественного уксуса [\[5, л. 40\]](#).

Годовой план 1943 г. по выпуску валовой продукции в неизменных ценах предприятием

был выполнен на 173,2%. Выпуск валовой продукции в неизменных ценах составил 157,2% к выпуску валовой продукции за 1942 г. Выполнение плана представляется в следующем виде производимых товаров: уксус фасованный в бутылках 9%, уксус бочковый 9%, уксус бочковый 5%, витаминная настойка «С», хвойно-фруктовая и фруктовая вода [\[5, л. 40\]](#).

Подводя итог можно сделать вывод о том, что пищевые промышленные предприятия блокадного Ленинграда в самых тяжелых условиях находили способы производства продукции. В технологии изготовления стали применять заменители и продукты переработки: соевые бобы, соевый шрот, жмыхи. Выпускаемого объема товаров было недостаточно для населения города. Сложные условия усугублялись ограниченностью сырья, нехваткой топлива, электроэнергии и всевозможных ресурсов, что спровоцировало консервацию предприятий. После зимы 1941-1942 гг. производственный процесс постепенно стал восстанавливаться, запуск некоторых заводов возобновлялся с 1942 г. В лабораториях предприятий осваивали новые способы изготовления продукции, которые внедряли в производство, из-за чего ассортимент выпуска товаров увеличивался. Однако, полностью восстановить работу пищевых предприятий не представлялось возможным.

Библиография

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. 1300. Оп. 14. Д. 6
2. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2225. Оп. 99. Д. 162.
3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4965. Оп. 1. Д. 1059.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 5006 Оп. 2. Д. 72.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). ЦГА Ф. 5006. Оп. 2, Д. 89.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9605. Оп. 2. Д. 29.
7. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 221. Оп. 11. Д. 520.
8. Постановления Военного совета Ленинградского фронта. Часть 1 (август 1941 г. – март 1942 г.). Сб. документов / Отв. сост. К. А. Болдовский. – СПб.: Нестор-История, 2023. – 656 с.
9. Попков П.С. Ленинград в дни Отечественной войны // Пропганда и агитация. 1942. № 20. С. 5-10.
10. Дзенискевич А.Р. Промышленность Ленинграда в период между прорывом и ликвидацией блокады (январь 1943 – январь 1944 г.) // Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. ст. / [ред. коллегия: С.Н. Валк (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та истории. – Москва; Ленинград, 1964. – С. 129-153.
11. Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941–1944). – СПб.: «Нестор», 1998. – 242 с.
12. Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России, 2016. №1. С. 8-21.
13. Красноженова Е.Е. Тотальный голод стал главной причиной многочисленных жертв среди ленинградцев. Продовольственная ситуация в блокадном Ленинграде в 1941-1944

гг. // Военно-исторический журнал. № 1, 2024. С. 58-65.

14. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Формы и методы повышения производительности труда на оборонных предприятиях блокадного Ленинграда // Журнал. Современная научная мысль. № 3, 2023. С. 106-110. doi: 10.24412/2308-264X-2021-4-106-111

15. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Восстановление и техническая модернизация предприятий Ленинградской промышленности (1942-1945 гг.) // Современная научная мысль, 2022. № 5. С. 168-172. doi: 10.24412/2308-264X-2022-5-168-172

16. Ходяков М.В. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С.812–839.
doi.org/10.21638/spbu24.2022.401

17. Ходяков М.В. Документы архивов Санкт-Петербурга и Российского государственного архива экономики о работе кондитерской промышленности Ленинграда в годы блокады. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2021. № 4. С. 52-61.

18. Зотова А.В. Сельскохозяйственный феномен блокадного Ленинграда // Вестник Костромского государственного университета, 2013. С. 38-40.

19. Зотова А.В. Экономика блокады. СПб.: «Издательский центр «Остров»». 2016. – 320 с.

20. Болдовский К.А. Руководящие органы блокированного Ленинграда: полномочия и сферы компетенции // Труды института истории обороны и блокады Ленинграда, 2023. № 1. С. 96-109.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Приближается восьмидесятилетний юбилей Победы в Великой Отечественной войне, который, безусловно, станет серьезным объединительным фактором для российского общества. И действительно, сегодня, как и несколько десятилетий назад, победа над нацизмом играет важную роль в коллективной памяти: наглядным свидетельством здесь служит многомиллионная акция «Бессмертный полк». Среди знаковых событий Великой Отечественной можно указать на битву за Москву и Сталинград, и, конечно, блокаду Ленинграда. Ленинград в годы войны стал символом стойкости и героизма, в связи с чем представляется важным обратиться к изучению различных аспектов истории блокадного города.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда. Автор ставит своими задачами показать историографический разбор темы, рассмотреть переход пищевой промышленности Ленинграда на нужды военного времени, определить объем выпускаемого товара.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого ««последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта». Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать информацию о производственной работе на пищевых предприятиях блокадного Ленинграда. Научная новизна заключается также в привлечении архивных

материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга, а также опубликованными документами. Из используемых исследований укажем на труды Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова, Е.Е. Красноженовой, А.В. Зотовой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения продовольственной ситуации в блокадном Ленинграде. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей блокадного Ленинграда, в целом, так и продовольственным вопросом в городе, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в период блокады Ленинграда «производимого выпуска продукции не хватало для населения, а большая часть предприятий была вынуждена уйти на консервацию». В работе показано, что «сложные условия усугублялись ограниченностью сырья, нехваткой топлива, электроэнергии и всевозможных ресурсов, что спровоцировало консервацию предприятий». Особо отмечается, что хотя с 1942 г. «в лабораториях предприятий осваивали новые способы изготовления продукции, которые внедрялись на производстве, из-за чего ассортимент выпуска товаров увеличивался», полноценного восстановления работы предприятий в силу ряда причин добиться было невозможно.

Главным выводом статьи является то, что «пищевые промышленные предприятия блокадного Ленинграда, в самых тяжелых условиях, находили способы производства продукции», хотя выпускаемого объема товаров не было достаточно для нужд города.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 6 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания: необходимо вычитать текст статьи. Имеются опечатки («После зимы 1941-942 гг. производственный процесс постепенно стал восстанавливаться, запуск некоторых заводов возобновлялся с 1942 г.») пунктуационные ошибки («Статья Попкова П.С. председателя Исполкома Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся посвящена жизнедеятельности Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», «Информация из источников, дает представление о заводской рабочей деятельности, выпуске продукции и общей ситуации на предприятиях»), улучшить стилистику отдельных предложений.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью "Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941-1943 гг.)".

Предмет исследования- производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда в 1941-1943 годы.

Методология исследования базируется на принципах объективности, научности, системности. В работе автор использовал исторический, логический и историко-генетический методы и это дало ему возможность всесторонне и глубоко рассмотреть производственную деятельность на предприятиях блокадного Ленинграда. Автор отмечает, что он использовал " историко-системный метод", что позволили " рассмотреть работу пищевых предприятий как целостной системы".

Актуальность исследования, как верно отмечает автор рецензируемой статьи обусловлена тем значительным интересом к работе промышленных пищевых предприятий в условиях блокады Ленинграда, организации рабочего процесса на производстве и выпуска продукции , так необходимой городу" и недостаточным вниманием исследователей к ряду вопросов этой темы". Автор ставит целью статьи "исследование особенностей производственного процесса на пищевых промышленных предприятиях блокадного Ленинграда" и актуальность темы очевидна.

Научная новизна рецензируемой статьи состоит в постановке проблемы и задач исследования. Новизна обусловлена тем, что в работа подготовлена на архивных источниках, часть из которых вводится в научный оборот впервые. Архивные источники , в основном это отчеты о хозяйственной деятельности, приказы дали информативный материал о том, как была организована работа и показывают объем выпускаемой пищевой продукции, виды продукции и ряд других интересных факторов и дают возможность исследовать работу предприятий в условиях блокады. Автор в своей работе использовал документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга, а также ряд сборников документов, посвященных работе Военного совета Ленинградского фронта, направленных на решение различных вопросов жизнедеятельности города Ленинграда в условиях блокады.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, но есть элементы описательности и это делает статью доступной и понятной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение цели работы. В начале статьи автор раскрывает актуальность, методологию исследования, источники и научную новизны. Также пишет о работах, в которых исследуемая тема рассматривалась и выделяет те вопросы, которые изучены недостаточно. Содержание работы подчинено цели и задачам исследования. В работе много разнообразных и интересных материалов о переходе к работе в условиях блокады, отмечены документы, показывающие что делали власти для того, чтобы в осажденном городе выпускались хлеб и другая продукция, дан анализ проводимых мер по экономии сырья для пищевой промышленности, приведены данные по производству молочных продуктов, хлеба, дрожжей и т.д. Работа снабжена таблицами, что делает восприятие текста более наглядным. В конце статьи автор приводит выводы по теме и пишет, что "пищевые промышленные предприятия блокадного Ленинграда в самых тяжелых условиях находили способы производства продукции. В технологии изготовления стали применять заменители и продукты переработки...: Сложные условия усугублялись ограниченностью сырья, нехваткой топлива, электроэнергии и всевозможных ресурсов, что спровоцировало консервацию предприятий. После зимы 1941-1942 гг.

производственный процесс постепенно стал восстанавливаться, запуск некоторых заводов возобновлялся с 1942 г."

Библиография работы состоит из 20 источников (это архивные материалы и работы российских исследователей по теме, в том числе работы последних лет). В их числе работы Красноженовой Е.Е., Кулик С.В., Ходякова М.В., Зотовой А.В., Болдовского К.А.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа будет интересна специалистам и широкому кругу читателей, всем кто интересуется историей Великой Отечественной войны и организацией работы промышленных предприятий и жизнью ленинградцев в условиях блокады.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Русанов И.Н. Джазовая музыка в дискурсе власти и культурной политике СССР периода позднего социализма (сер. 1950-х — сер. 1980-х гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.71227 EDN: TYJQSF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71227

Джазовая музыка в дискурсе власти и культурной политике СССР периода позднего социализма (сер. 1950-х — сер. 1980-х гг.)

Русанов Иван Николаевич

ORCID: 0000-0002-8697-7618

ассистент; кафедра Отечественной истории; Омский Государственный Педагогический Университет

644024, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Лермонтова, 4а, кв. 17

✉ i.rusanov@st.omgpu.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.71227

EDN:

TYJQSF

Дата направления статьи в редакцию:

09-07-2024

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования и развития джазовой музыки в СССР в контексте культурной политики советской власти. Предметом исследования является джазовая музыка в культурном дискурсе советской власти сер. 1950-х – сер. 1980-х гг. Объект исследования – действия советской власти, направленные на адаптацию джазовой музыки к социокультурному ландшафту СССР периода позднего социализма. Особое внимание уделяется взаимодействию представителей джазовой культуры в СССР и советской власти, а также формированию андеграундной культуры внутри джазовой музыки на территории СССР. Подробно рассматриваются такие аспекты темы как причины изменений в культурной политике по отношению к джазовой музыке в обозначенный период и результаты деятельности и мотивы формирования андеграунда внутри джазовой музыки в СССР. В основе методологии лежит историко-культурный подход, что помогает перенести акценты с линейного исторического нарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в общее глобальное пространство. В качестве основных методов

используются: историко-генетический, историко-системный. Новизна исследования заключается в определении роли советского государства как важнейшего актора, повлиявшего и на адаптацию джазовой музыки к реалиям СССР и на появление сообщества джазового андеграунда внутри неё. Особую роль, по мнению автора, в данных процессах сыграл феномен «эстрадно-джазовых ансамблей», а также конструирование образа элитарной музыки для интеллектуалов вокруг джаза, в противовес деструктивной рок-музыке, проникшей и пользующейся большой популярностью в СССР. Формально, с сер. 1950-х по сер. 1980-х джазовая музыка постепенно становится всё более доступной и официальной, однако, это не приводит её к популярности на территории СССР, что объясняется особенностями её официального позиционирования и компромиссного характера «эстрадно-джазовых ансамблей», имеющих в целом мало общего с аутентичным джазом.

Ключевые слова:

джаз в СССР, музыкальная культура СССР, музыкальный андеграунд СССР, культурная политика СССР, советский джаз, культура позднего социализма, культура оттепели, эстрадно-джазовая музыка СССР, неофициальная культура СССР, джазовый андеграунд СССР

Проникновение западной популярной музыки на территорию СССР в период "хрущёвской оттепели" стало знаковым культурным феноменом не только для советского слушателя, но и для государства, которое хоть и приоткрыло завесу "железного занавеса", тем не менее не было заинтересовано в тиражировании внутри СССР потенциально чуждых ему культурных явлений. Безусловно, многие советские энтузиасты и меломаны уже были знакомы с популярной западной музыкой к середине 1950-х гг.. Так, джазовая музыка, пришедшая из Франции ещё в 1920-х годах и адаптированная для советской сцены благодаря вкладу Л. Утесова, однако, воспринималась властными структурами скорее как проявление буржуазной культуры. Тем не менее, в 1930-х годах в СССР формировались и аутентичные джазовые коллективы (к примеру, оркестр А. Варламова в Москве исполнял традиционный инструментальный джаз с типичными для него импровизациями и камерным составом инструментов) [\[1, с. 52\]](#). Джазовая культура в СССР постепенно формировалась и популяризировалась. Так, важной вехой в этом направлении стал культовый фильм Г. Александрова "Веселые ребята" (1934). Советская культура всерьёз взялась за джазовую музыку лишь в период "холодной войны": постепенно начали расформировываться многие джазовые оркестры, коллектив Л. Утесова был перепрофилирован в "Государственный центральный оркестр СССР", а само понятие "джаз" начинает исчезать из официального культурного дискурса. Впрочем, никаких официальных запретов по отношению к джазовой музыке не существовало, и случаи её исполнения в закрытых клубах для иностранцев и на территории европейских посольств не были единичными (см. Софронов Ф. М. Советский джаз во время и после войны // Arzamas.academy. Курс лекций "История джаза". Ч 3. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/courses/141/3> (дата обращения (23.06.2024)).

С началом "оттепели" курс в отношении джаза начинает меняться: допечатываются довоенные и первые послевоенные тиражи зарубежных джазовых пластинок, в репертуаре эстрадных советских музыкантов начинает появляться типичный для джазовой музыки свинг, а в Ленинграде возникают первые джазовые оркестры. Однако отношение к джазовой музыке было достаточно противоречивым: с одной стороны,

прежних неформальных запретов уже не было, но допускать аутентичный западный джаз на советскую сцену власть не собиралась.

На волне подобных метаморфоз происходит возникновение феномена музыкального андеграунда в сфере джазовой музыки на территории СССР в середине 1950-х годов. По свидетельствам многих представителей самого музыкального андеграунда, начало этому было положено в Ленинграде — джазовой столице СССР того времени. Именно здесь стали возникать подпольные джазовые ансамбли [\[2, с. 18\]](#). Причины того банальны: отсутствие официальных допусков аутентично джазовых концертов, отрицание властью на неформальном уровне подлинного джаза как музыки и, как следствие, невозможность в полной мере реализовывать потребность джазовых музыкантов в полноценных живых выступлениях.

Тем не менее, "хрущевская оттепель" дала джазу некоторую свободу: в 1955 году выходит статья И. Дунаевского "Назревающие вопросы легкой музыки", где автор выражает интересное мнение, что с джазом не нужно бороться, а стоит лишь направить его в нужное русло — эстрадно-джазовое [\[3, с. 19\]](#).

На место джаза постепенно приходит его советский суррогат, в котором видны некоторые типичные черты как джазовой музыки, так и советской эстрады, а также различный фольклор, в особенности "одесский" (см. Мошков К. В. 1 октября 2017 — 95-летие отечественного джаза // Джаз.ру. Часть II: Хронология джаза в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jazz.ru/2017/10/01/russian-jazz-timeline> (дата обращения 21.06.2024). Советский джаз приобрел приемлемый характер для официального культурного пространства СССР периода оттепели. Джаз как таковой в основном превратился в эстрадно-джазовые песни, в которых "ничего общего с джазом не было" [\[2, с. 81\]](#).

Проблема контроля над джазовой музыкой была связана в первую очередь с ее структурой. По сути своей, любое произведение могло быть обработано в джазовой технике, где тема традиционно исполнялась только в начале и в конце, в то время как вся середина была чистой импровизацией. Поэтому выявить джаз было крайне проблематичной задачей для советской партийной номенклатуры, чем активно пользовались новоявленные советские джазмены.

Летом 1957 года в Москве произошло знаковое событие для советского джаза — "VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов", фактически популяризовавший западную популярную музыку как в столице, так и — очень быстро — во многих советских городах. Молодая интеллигенция получила совершенно новый опыт музыкального действия, и вследствие этого во многом повлияла на социокультурный облик СССР того времени. Это иронично отмечает В. Паперный: "По своим последствиям Московский фестиваль молодежи и студентов 1957 года можно сравнить только с высадкой английских пуритан на скалу Плимут в бостонском заливе. В Москве стали появляться одетые в джинсы фарцовщики, немые бородатые философы, абстракционисты с фломастерами и горящими глазами, сильно пьющие джазовые саксофонисты, голодные подпольные поэты и тому подобные невиданные существа" [\[4, с. 132\]](#). Прошедший в рамках фестиваля концерт оркестра Мишеля Леграна, а затем и "конкурс джазов", транслируемый по центральным телеканалам на всю территорию СССР, не могли остаться незамеченными, и многие советские люди начали искать различные способы самостоятельного воспроизведения подобной музыки. Здесь на помощь пришли, хоть и едва уловимые из-за глушения, зарубежные радиостанции, которые

прослушивались по всей стране вплоть до Владивостока:

"В середине 1950-х появился в эфире Уиллис Коновер. С 10 до 12 часов шла его программа Голоса Америки "Time for Jazz". Первый час был такой свинговый, а второй час был би-боп. Но мы тогда не знали, что это такое" [\[5, с. 46\]](#).

"От друзей узнали, что есть в "Голосе Америки" радиопередача "Час джаза" Уиллиса Коновера. Тогда стали ловить на коротких волнах "Час джаза" [\[6, с. 4\]](#).

Главным открытием для массы советских слушателей, связанным с фестивалем 1957 года в Москве, была не столько актуальная западная джазовая музыка того времени, сколько стремительно набирающий популярность рок-н-ролл, который прижился в советском культурном коде конца 1950-х — начала 1960-х годов под названием "бит". Безусловно, отдельные прецеденты знакомства с рок-музыкой в СССР существовали также благодаря прослушиванию зарубежных радиостанций и редким пластинкам, привезенным из-за рубежа, однако серьезным и массовым увлечение рок-музыкой становится начиная именно со знаковых событий 1957 года. Все это, вкупе с развитием радио-технической аппаратуры в СССР и появлением в продаже катушечных магнитофонов и транзисторных приемников со средними волнами, способствовало проникновению в массы запрещенной музыки.

В 1958 году в Ленинграде открывается джазовый клуб "Д-58" (слово "джаз" в названии было урезано до первой буквы, дабы не привлекать к себе лишнее внимание со стороны партийных работников), не имевший на тот момент аналогов в СССР. В нем относительно свободными стали выступления, публичные лекции о джазе. По сути своей, это была первая в своем роде крупная и специализированная площадка для коммуникации представителей зарождающегося джазового андеграунда в СССР. Деятельность "Д-58", вскоре закрытого и обвиненного в пропаганде американского искусства, была продолжена возникшим в 1964 году джазовым клубом "Квадрат". Вскоре, в 1965 году, появился и первый самиздатовский журнал "Квадрат", выходивший до 1971 года, издание которого стало возможным благодаря прикрытию горкома комсомола и стараниям одного из организаторов вышеописанных джазовых клубов — Е. Барбана. В течение второй половины 1950-1960-х годов открывается еще несколько джазовых клубов в разных городах, в том числе в Воронеже, Казани, Свердловске, Ташкенте [\[1, с. 133\]](#). В Сибири же ключевым городом джаза становится Новосибирск с его "Творческим джазовым объединением".

Ситуация в Москве несколько отличалась: вместо "клубов" по всей столице стали открываться кафе. В 1961 году открыли первое знаковое кафе "Молодежное", которое стало одной из площадок джазовой музыки с регулярными выступлениями камерных коллективов. Со временем появились и другие: "Аэлита", "Синяя Птица", "Ангара", "Ровесник", "Мелодия и ритм", которые сохраняли в себе аутентичный (насколько это возможно в рамках СССР того времени) джаз. Подобные кафе со временем открывались и в других городах СССР: "Белые ночи", "Буратино" в Ленинграде, "Квадрат" в Новосибирске. Начиная с 1962 года стали организовываться джазовые фестивали в Москве (затем в 1965, 1966, 1967 годах эта тенденция продолжилась). Все это происходило в процессе конфронтации официального и андеграундного искусств, где второе постепенно уступало позиции ввиду различных факторов: возможность выступать и зарабатывать в составе престижного эстрадно-джазового ансамбля для многих превращалась в неплохой карьерный лифт, качество предоставляемого оборудования и площадок для выступлений у официальных ансамблей также было несравненно лучше, а

возможность интегрировать в репертуар почти без риска элементы импровизации с аутентичными джазовыми ходами давала какую-никакую свободу в подобном компромиссном решении.

Во второй половине 1960-х в связи с началом правления Л. И. Брежнева произошли перемены в политическом курсе партии, что не могло не отразиться и на культурном ландшафте всего СССР. К началу 1970-х советская власть стала ограничивать развитие неконформной культуры внутри Союза, знаменуя тем самым окончание инерции "хрущевской оттепели" и конструируя концептуально новый период бытования внутри различных сообществ советского музыкального пространства.

Начавшаяся борьба с неудобными личностями привела к репрессиям в адрес многих советских деятелей культуры: И. А. Бродский, А. А. Галич, В. Н. Войнович, В. П. Аксенов и многие другие оказались среди нежелательных личностей, попав в опалу [\[7, с. 293\]](#). "Оттепель" сменилась похолоданием, с чем немногие были готовы смириться, оказываясь или в ситуации реальной эмиграции, или же своеобразной "внутренней", порождавшей массовую ситуацию "двоемирия": контрасты между официальным и неофициальным значительно углубились, породив раскол внутри личности советского человека. Эзопов язык стал характерной тенденцией и закономерным ответом на существующие реалии и проявлялся не только в культуре, но и в советской повседневности, вынуждавшей приспосабливаться к новым реалиям [\[8, с. 16\]](#).

Во второй половины 1960-х, в соответствии с общим вектором цензуры культурного пространства СССР, критике и гонениям стали подвергаться многие "неудобные" композиторы, музыканты, что особенно ярко проявлялось в академической музыке и по отношению к формирующемуся рок (-бит) андеграунду, однако джазовую музыку это не затронуло. Во многом это было также связано с ростом популярности рок-музыки как явления потенциально более опасного и существенно менее склонного к компромиссам. По свидетельствам Ф. М. Софронова, именно джазовую музыку советские власти порой противопоставляли рок-музыке в качестве более достойной альтернативы (см. Софронов Ф. М. Советский джаз во время и после войны // Arzamas.academy. Курс лекций "История джаза". Ч. 3. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/courses/141/3> (дата обращения (23.06.2024)).

Джаз внезапно превращается в "высокую музыку" в противовес низменности рок-н-ролла и диско. Таково мнение А. Троицкого: "Наш джаз был допущен на профессиональные подмостки в первую очередь потому, что он в массе своей конформен и не содержит намека на "дух времени" [\[9, с. 86\]](#). Два важных фактора (рост популярности рок-музыки как потенциально более опасного явления и наличие специфики развития джаза в СССР (при поддержке власти) делают его слова не лишены смысла, хоть и весьма упрощающими реальную картину бытности джазовой музыки в СССР.

Подобные послабления в адрес джазовой музыки привели к развитию советского джаза. Е. Барбан в интервью BBC касательно положения джаза в СССР 1970-х — начале 1980-х годов достаточно емко выразил положение джазовой музыки данного периода: "Как это ни парадоксально, ренессанс возник уже в более тяжелые времена, когда по сравнению с хрущевскими временам художественные движения стали более жестко контролироваться" (см. Джаз в эпоху Хрущева: "на костях" и только на танцах // World of Electric Guitar. Интервью с Е. Барбаном для BBC UK [Электронный ресурс]. URL: http://worldelectricguitar.ru/articles/jazz_articles.php (дата обращения: 20.06.2024).

Именно в 1970-х советский джаз выходит из периода подражания и первичной адаптации и переходит к формированию собственного уникального стиля. Именно с этими процессами и было связано его признание со стороны власти и начало поддержки джазовой музыки в СССР. В это же время происходит профессионализация джазовой музыки в СССР: издаются учебные книги, открываются учебные заведения, курсы, в которых официально преподаются основы джазовой музыки и импровизации (С 1973 г. в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных читается курс "Массовые музыкальные жанры", в 1984 там же открывается отделение эстрадной и джазовой музыки, а также училище на Ордынке в Москве (Государственное музыкальное училище эстрадно-джазового искусства), "Джазовая студия Москворечье" [\[10, с. 17\]](#). Таким образом, джаз в 1970-х перестает восприниматься властью и массами как легкая танцевальная музыка, а переходит в разряд интеллектуальной, сложной, элитарной и встраивается в линию допустимой, принимаемой музыки, что создает вокруг него ореол "правильной" музыки, на контрасте с неудобным роком. Таким образом, джазовая музыка переходит из положения вынужденного андеграунда в поле официальной музыки, избавившись от ряда неудобных для советской идеологии стилей и техник и тем самым идя на определенные компромиссы. Однако это не означает исчезновение андеграундного джаза в СССР, напротив, неуместные стили находят воплощение в кругах джазовых энтузиастов по всей стране: в это время в андеграунде советского джаза набирают популярность экспериментальные направления джаза — фриджаз (трио ГТЧ, С. Курехин, С. Летов, А. Вапилов и его проекты, Г. Лукьянов), джаз-рок ("Арсенал" А. Козлова и другие).

Таким образом, положение джазовой музыки в контексте государственной культурной политики в период "позднего социализма" в СССР серьезно менялось. Уходя от неформальных запретов, публичных порицаний и пресечения попыток публичного исполнения, джаз стал постепенно интегрироваться в советскую повседневность в удобном для официальной идеологии формате подконтрольных "эстрадно-джазовых коллективов", что привлекло значительную часть джазового андеграунда, особенно в национальных республиках и на периферии СССР, куда тенденции центральных городов попадали с определенной задержкой, в поле официальной культуры. Все это значительно способствовало адаптации джазовой музыки на почве СССР, однако не искоренило феномен музыкального андеграунда, стремящийся к исполнению, развитию и популяризации аутентичного джаза, который оставался нежелательной музыкой. К середине 1980-х годов советский джаз, таким образом, был представлен во всех советских республиках, тиражировался и исполнялся многочисленными музыкальными коллективами, количество джазовых фестивалей стремительно увеличивалось с каждым годом. Даже несмотря на невысокую популярность джазовой музыки внутри страны, пластинки "на костях" постепенно сменялись официальными записями от "Мелодии", печатная продукция (как официальная, так и "самиздат") заметно чаще касалась анонсов джазовых концертов, а порой и вопросов теории и практики джазовой музыки. Именно в 1970-1980-х годах в джазовой музыке СССР происходит размежевание: прежний вынужденный джазовый андеграунд разделяется на официальный джаз ("эстрадно-джазовые коллективы") и самоизбранный андеграундный джаз (ресторанный джаз и неконформные любители аутентичной джазовой музыки).

В результате джазовая музыка в СССР к началу 1980-х оказывается в парадоксальном состоянии: "конформный" джаз становится доступным, его популяризируют, но он не вызывает желаемого интереса у слушателя ввиду сложившегося вокруг него характерного образа элитарности, в то время как аутентичный западный джаз оказывается в андеграунде и не имеет как массовой публики, так и подходящих условий

для развития.

Библиография

1. Советский джаз. Проблемы. События. Мастера. Сборник статей. / Сост. и ред. А.В. Медведев, О.Р. Медведева. М.: Советский композитор, 1987.
2. Барбан Е.С. Квадрат: Из истории российского джаза. СПб: Композитор, 2015.
3. Дунаевский И.О. Назревающие вопросы лёгкой музыки // Советская Музыка. 1955. №6. С. 19-25.
4. Паперный В. Мос-Анджелес Два. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
5. Каплан Ф. Летят музыкальные волны с заката // Пчела. 1997. №11. С. 46-48.
6. Исаченко С.В. Джаз на Кубани в советский период: к истории вопроса // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №5.
7. История русского и советского искусства. / Под ред. Д.В. Сарабьянова. М.: Высшая школа; Издание 2-е, перераб. и доп., 1989.
8. Ильина Т.В. История искусств: Отечественное искусство. Учебник. 3-е изд. изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 2000.
9. Троицкий А.К. Гремучие скелеты в шкафу. Том 1: Запад гниет. М.: Амфора, 2008.
10. Баташев А.С. Советский джаз. Исторический очерк / Под ред. А. В. Медведева М.: Музыка, 1972.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Музыка с древних времен и вплоть до настоящего времени является неотъемлемой спутницей человечества, а ее роль во влиянии на миллионы людей трудно переоценить. Уместно привести цитату И. Баха о том, что «цель музыки – трогать сердца». Прошедший двадцатый век оказался богат на различные музыкальные направления: это и рок-музыка, и поп-музыка, и, конечно, джаз, находящийся на стыке европейских и африканских культур. И сегодня поклонники джаза находятся почти во всех странах мира, не обходя, разумеется, Россию.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является джазовая музыка в дискурсе власти и культурной политике СССР периода позднего социализма. Автор ставит своими задачами показать роль джаза в советской культуре, проанализировать вопрос контроля советских властей над джазовой музыкой, а также определить причины размежевания джазовой культуры на официальный джаз (эстрадно-джазовые коллективы) и самоизбранный андеграундный джаз (ресторанный джаз и неконформные любители аутентичной джазовой музыки).

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 10 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы советского периода (прежде всего, И.В. Дунаевского), а также работы постсоветского времени (А.С. Баташев, С.В. Исаченко), в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения джазовой культуры в Советском Союзе. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после

прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как советской джазовой культурой, в целом, так и политикой советских властей по отношению к ней, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в период «оттепели» «отношение к джазовой музыке было достаточно противоречивым: с одной стороны, прежних неформальных запретов уже не было, но допускать аутентичный западный джаз на советскую сцену власть не собиралась». Примечательно, как отмечает автор рецензируемой статьи, во второй половине 1960-х гг. «именно джазовую музыку советские власти порой противопоставляли рок-музыке в качестве более достойной альтернативы». Автор делает вывод, что «уходя от неформальных запретов, публичных порицаний и пресечения попыток публичного исполнения, джаз стал постепенно интегрироваться в советскую повседневность в удобном для официальной идеологии формате подконтрольных «эстрадно-джазовых коллективов», что привлекло значительную часть джазового андеграунда, особенно в национальных республиках и на периферии СССР, куда тенденции центральных городов попадали с определенной задержкой, в поле официальной культуры».

Главным выводом статьи является то, что к 1980-м гг. «конформный» джаз становится доступным, его популяризируют, но он не вызывает желаемого интереса у слушателя ввиду сложившегося вокруг него характерного образа элитарности, в то время как аутентичный западный джаз оказывается в андеграунде и не имеет как массовой публики, так и подходящих условий для развития».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Луняшин С.Д. Венгерская кампания 1697 г.: планирование и подготовка // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.74496 EDN: TVWGET URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74496

Венгерская кампания 1697 г.: планирование и подготовка

Луняшин Сергей Дмитриевич

ORCID: 0009-0002-8484-1319

ассистент; Исторический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова
аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ slunyashin@narod.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74496

EDN:

TVWGET

Дата направления статьи в редакцию:

18-05-2025

Аннотация: В статье рассматриваются мероприятия по подготовке военной кампании 1697 г., проведённые в период декабря 1696 – июля 1697 гг. Акценты в исследовании сделаны на: 1) методах и процессе планирования военных операций, 2) взаимоотношениях между различными военно-бюрократическими ведомствами и военачальниками; 3) процессе заготовки всех необходимых для кампании ресурсов (в первую очередь – денег, фуража и продовольствия); 4) способах координации командующих и военных чиновников с целью обеспечить боеспособность войск. Были изучены подготовительные мероприятия зимы-весны 1697 г., в которые были вовлечены не только представители высшего командования и Придворного военного совета, но, также, бан Хорватии и император Леопольд I Габсбург. Следующим этапом стал подробный анализ мер, предпринимаемых военным руководством в июле 1697 г., в особенности, Евгением Савойским, в период, когда армия уже находилась в Венгрии, но всё ещё не была готова действовать против османов. В качестве источников были привлечены опубликованные письма Евгения Савойского периода января-сентября 1697 г. и протоколы Придворного военного совета и Военного совета Нижней Австрии.

Привлечённые источники позволили изучить системные взаимодействия между различными уровнями военной иерархии, чиновниками и императором. Подробный анализ источников позволил достичь контекстуального восприятия деятельности институтов военного командования. Последний фактор обеспечил достоверность исследования и позволил отделить факторы, системно присущие военному делу монархии австрийских Габсбургов, от ситуативных явлений кампании 1697 г. В результате исследования была установлена определяющая роль системных и коллективных усилий в обеспечении боеспособности армий Дунайской монархии. Кроме того, впервые была определена зона компетенций главнокомандующего войсками Дунайской монархии в период снаряжения войск, в период пребывания с армией на театре военных действий и во время подготовки к боевому столкновению. Кроме того, была оценена степень личных усилий принца Евгения Савойского организации и в успешном проведении кампании 1697 г.

Ключевые слова:

военная история, XVII век, Монархия Габсбургов, Евгений Савойский, османско-габсбургские войны, Великая Турецкая война, военная логистика, военные комиссары, высшее командование, генеральный штаб

Великая турецкая война (1683–1699 гг., также известна как «Война Священной лиги») завершила второй этап глобального противостояния Османской империи и европейских государств — период османско-габсбургских войн 1526–1699 гг. Война была затяжной, после периода крупных побед (1683–1689 гг.) Священная Лига столкнулась с серией поражений в полевых битвах и потеряла некоторые только что завоёванные территории. К середине 1690 гг. и Османская империя, и Дунайская монархия (локомотив Лиги) были истощены и искали возможности заключить мир на выгодных условиях, для чего обе стороны должны были нанести противнику решающее поражение. Султан Мустафа II был воодушевлён победами над отдельными частями войск Лиги в 1694 и 1695 гг. [\[6, s. 1-3\]](#), а император Леопольд I, воспользовавшись снижением активности боевых действий на границах с Францией, собирал войска и деньги для нового похода [\[21, p. 79-98\]](#).

Решающей для исхода войны стала кампания 1697 г.: 11 сентября войско султана было разгромлено и почти полностью уничтожено в битве при Зенте, после чего османы утратили возможность оказывать серьёзное сопротивление и согласились на мирные переговоры. Договор, подписанный в г. Сремски-Карловци (нем. Karlowitz) 26 января 1699 г., провёл границу по рекам Тиса и Сава, так что к Дунайской монархии отошла большая часть земель к западу от первой и к северу от второй, за исключением небольшого «перешейка» южнее линии Сланкамен — Сремска-Митровица [\[11, s. 312\]](#).

Оценивая причины победы Дунайской монархии, историки выделили разные существенные факторы. Ведущий венгерский исследователь османско-габсбургских войн Геза Палффи называет три ключевых фактора, обеспечивших победу Габсбургов. Наряду с созданием международной коалиции и привлечением финансирования со стороны банкирских семей и Папского престола, серьёзное значение он придаёт эволюции внутренних элементов военного дела Дунайской монархии. А именно — обращению к рекрутской системе набора войск и созданию постоянно действующего Главного военного комиссариата (рпвн. General Kriegscomissariat) [\[16, s. 604-605\]](#); таким образом, войска Дунайской монархии могли легче восполнять потери и быстрее решать главную

проблему всех наёмных армий XVI–XVII вв. — нехватку в войсках денег и продовольствия. Хорватский военный историк Синиша Джуричич, исследуя ряд сражений конца XVII — начала XVIII вв., обращает внимание читателя на фактор личностных качеств различных главнокомандующих, особенно выделяя фигуру Евгения Савойского [6]; [7]; [8]. Действительно, успех конкретных операций сильно зависел от людей, возглавлявших войска и различные военные ведомства. Конфликты между ними были чреваты полной дезорганизацией боевых действий. Например, летом 1697 г. бан Хорватии Адам II Баттяни не смог наладить отношения с командиром императорских войск генералом Карлом Францем фон Ауэрспергом, что привело к неудаче при осаде Бихача. Осенью того же года Евгений Савойский, действуя согласованно с баном, совершил удачный рейд по Боснии, нанеся османам ряд поражений [6, s. 22].

По моему мнению, дополнительный вклад в понимание этих событий может внести их изучение через призму проблемы институционализации военного командования. К концу XVII в. командующие и военные чиновники в Дунайской монархии уже состояли на службе правителю и числились в постоянной армии или в постоянных же бюрократических органах. Следовательно, когда речь идёт о деятельности всей военной машины, а не о принятии решений в момент, когда армия находится в походе или вступила в бой, недостаточно изучить качества и поведение отдельных полководцев. В то же время коммуникации между командующими и их авторитет играли существенную роль в подготовке и ведении войны, т. к. армия Дунайской монархии ещё не была регулярной, а её командование не трансформировалось в действующий в рамках строгой иерархии офицерский корпус.

Материалы, относящиеся к кампании 1697 г. позволяют рассмотреть планы полководцев Дунайской монархии и подготовку кампании с целью выделить системные факторы, характеризовавшие высшее военное командование в этой кампании. Источниковый корпус данного исследования составляют письма и доклады Евгения Савойского, протокольные записи венского Придворного военного совета и Военного совета Нижней Австрии. Привлечение данных типов источников позволит изучать проблему достаточно детально, но при этом не спускаться на уровень персоналий, а оставаться на уровне компетенций командующих, специальных военных органов и, в конечном итоге, оценить функционирование командной иерархии как системы. Стоит отметить, что опубликованные письма Е. Савойского написаны им за короткий промежуток времени (январь — сентябрь 1697 гг.), и за это время принц выступал сначала в качестве авторитетного, но лишь одного из многих полковников и советников командующего войсками в Венгрии (январь 1697 г.), а затем — уже в качестве самого командующего и фельдмаршала (июль — сентябрь 1697 г.) [6, s. 10].

Подготовка к кампании 1697 г. началась в декабре предыдущего года. Прибывший из Италии Евгений Савойский, получил звание полковника одного из драгунских полков и чин советника главнокомандующего (Августа Саксонского). Судя по всему, он установил контакт с наиболее влиятельными военными деятелями — баном Хорватии Адамом II Баттяни и генералом хорватской границы Карлом Францем фон Ауэрспергом. 4 января он отправил им письма, из которых следует, что ещё в декабре все они участвовали в некоем совещании, на котором было решено предпринять в Хорватии наступление (рнвн. Impresa) силами бана и генерала хорватской границы [13, s. 115-116]. Последний должен был подготовить свой контингент при поддержке ландтага Нижней Австрии и Военного совета Внутренней Австрии, т. е. собирать и снабжать войска при помощи денег, полученных из вышеуказанных источников. Уже с середины XVI в. это была обычная практика, но упоминание её в письме свидетельствует, что помощь сословий ещё не

приняла форму обязательного налога, и её получение зависело от действий пограничного генерала и от поддержки его запросов со стороны высшего командования в Вене. Евгений Савойский в данном случае явно выступает в качестве советника фельдмаршала, уведомляя фон Ауэрсперга о том, что его запросы санкционированы «сверху».

Другой обязанностью Е. Савойского была проверка состояния войск, отправленных на зимние квартиры. В письмах от 8 и 27 января он писал о корпусе войск саксонского курфюршества и о корпусе, который он ранее привёл из Италии. Здесь Е. Савойский выступил в двух качествах. Что касается саксонцев, то он известил старшего комиссара этих войск (барона Ганса Карла фон Карловица) о том, что результаты предыдущей проверки требуют ревизии, которая поручена «секретарю Экхлеру», и попросил Г. К. фон Карловица оказать ревизору всяческую поддержку [\[13, s. 116\]](#). Второе же письмо было направлено императору в связи с тем, что бывший корпус Е. Савойского предполагали в ближайшее время отправить «в пределы Империи», т. е. на рейнский театр военных действий. Будущий герой битвы при Зенте попросил императора отложить это мероприятие в связи с неудовлетворительным состоянием корпуса: мало того, что он был ослаблен осенне-зимним переходом через горы, так на зимних квартирах нет ни достаточно качественного жилья, ни запасов продовольствия, ни денег, которыми можно было бы покрыть расходы на содержание корпуса. Е. Савойский сообщил о необходимости набрать в полки новых людей, поставить лошадей и починить обозные телеги, и в это время дать людям отдых. В противном случае запланированный на начало марта марш грозил обернуться огромными потерями [\[13, s. 117\]](#).

Наконец, 31 января Е. Савойский, наряду с другими генералами [\[6, s. 118\]](#), составил развёрнутое мнение (рнвн. Guttachten) о планах кампании. Здесь впервые упомянута цель военных мероприятий в том году: нанести османам такой урон, от которого они не смогут быстро оправиться и принудить султана к заключению «разумного мира» (рнвн. raisonnablen Friden) [\[13, s. 119\]](#). Наиболее подходящей целью для этого Е. Савойский считал взятие Белграда; большая часть письма посвящена описанию деталей этой операции и перечислению средств, которых потребует её выполнение. Впрочем, принц уделил место и другим вариантам действий: во-первых, он предусмотрел, что в случае невозможности взятия Белграда надо держать войско у границы для парирования действий османов, а во-вторых, кратко перечислил сложности, с которыми войско столкнулось бы при попытке осадить Темешвар [\[13, s. 125\]](#). Выбор именно этого города не случаен — в 1695 г. фельдмаршал Август Саксонский уже пытался взять столицу последнего «венгерского» эйялета, но потерпел неудачу и отступил с большими потерями [\[6, s. 2-3\]](#). Вероятно, спустя полтора года в умах некоторых габсбургских генералов витала идея реванша, и именно поэтому Евгений Савойский отмечает очевидную обречённость повторной осады. Тем самым он демонстрировал не только свой опыт, но и готовность спорить с непосредственным командиром, что не могло не привлечь на себя внимание. Основания для такого поведения у него были: президент Придворного военного совета Эрнст Рюдигер фон Штаремберг уже в 1696 г. рекомендовал назначить фельдмаршалом именно принца Савойи [\[3, s. 407\]](#).

Предложения и экспертизы от разных генералов обсуждались в течение апреля-мая на нескольких совещаниях. К сожалению, мне не известны их протоколы (с большой вероятностью, они и вовсе не сохранились, учитывая политику военных архивов в XVIII–XIX вв. [\[17\]](#)). Окончательное решение генералитета было принято лишь 20 мая — Э. фон

Штаремберг доложил о нём императору в виде рекомендации, которой Леопольд I решил последовать [\[6, s. 7\]](#). Согласно одобренному монархом плану, основной удар наносился на Белград, отвлекающий — на Бихач, вспомогательные подразделения контролировали Трансильванию и Валахию, а в Верхней Венгрии формировался резерв [\[13, s. 126-128\]](#). Стоит отметить, что этот план уже в момент принятия противоречил одному существенному условию из экспертизы Е. Савойского: последний указывал, что войска Габсбургов обязаны прийти под Белград, окружить его и возвести циркумвалационную линию как минимум за 6 недель до прихода в Венгрию главного османского войска. Для этого уже к началу мая императорская армия должна была быть сосредоточена у Петроварада, откуда за несколько дней могла достигнуть Белграда. На осаду Е. Савойский отводил не менее 40 дней, т. е. крепость должна была быть взята одновременно с появлением османов армии [\[13, s. 123\]](#). Очевидно, что выдерживание графика в этом случае было жизненной необходимостью: осаждающие, оказавшись зажатыми между сильным гарнизоном крепости и подошедшим войском, были бы обречены на поражение или на бегство и оставление значительной части военного имущества.

Встаёт вопрос: почему подготовка вспомогательного удара началась в январе, а план действий главных сил не был определён вплоть до второй половины мая, когда претворять его в жизнь, по оценке Е. Савойского, было уже поздно? Ответ кроется в структуре политической и военной систем Дунайской монархии и Священной Римской империи. Дело в том, что удар по Бихачу наносили люди, под командованием которых непрерывно находились достаточно представительные контингенты (ок. 4 тыс. у бана Хорватии и до 10 тыс. у Ауэрсберга армии [\[13, s. 137\]](#)) и которые имели полномочия для проведения самостоятельных операций. В состав этих войск входили гарнизоны и летучие отряды, составленные из наёмников, личные отряды генерала границы и бана (своего рода гвардия), ускоки и, наконец, отряды феодального дворянского ополчения армии [\[21, p. 68-72\]](#). Основные же силы антиосманской коалиции комплектовались по иному принципу. В течение всего периода 1526–1699 гг. против османов действовали войска, выставлявшиеся либо разными государствами, либо имевшими политическое влияние композитами и провинциями одного государства. Вплоть до 1648 г. крупнейшие контингенты отправляли Священная Римская империя и Дунайская монархия. Войска первой собирались в соответствии с решением рейхстага и были организованы по военным округам и, соответственно, имели не только общего «имперского» командующего, но и командира от каждого военного округа армии [\[22, p. 459-462\]](#). Похожая система существовала и в Дунайской монархии. Большая часть армии собиралась централизованно на специальный налог, но другая, тоже представительная, часть формировалась согласно решениям и ассигнованиям местных сословно-представительных органов власти. Феодальные ополчения, которые регулярно созывались в Венгрии, Хорватии и Австрии, также управлялись отдельно [\[19, s. 20-23\]](#). После 1648 г. единые вооружённые силы империи распались, и вместо них на помощь Габсбургам стали приходить войска Баварии, Саксонии, Бранденбурга и других германских княжеств, получивших право содержать армии [\[10, s. 94-97\]](#). В этой ситуации планирование операций было замедлено двумя кругами согласования. Для начала было необходимо получить согласие всех субъектов на сбор их войск для использования в наступательных или оборонительных целях. Затем сформированные контингенты прибывали на театр военных действий, где их командиры, под руководством императора и его представителей, определяли свои роли в грядущей кампании.

Таким образом, войска антиосманской коалиции, даже если они уже находились в непосредственной близости от театра военных действий — а в ходе войны 1683–1699 гг. часть армий размещалась в гарнизонах или на зимних квартирах — не могли начать наступление до тех пор, пока все командующие не выработают общий план и согласятся ему следовать. Именно поэтому всю весну 1697 г. шли совещания полководцев, которые были лишь подытожены решением императора. И даже заранее согласованная операция в Хорватии отчасти зависела от расположения сословий Нижней и Внутренней Австрии и чиновников Военного совета в Граце. Османы же, напротив, сначала принимали общий план, затем, ещё с осени предшествовавшего года начинали подготовку кампании [\[2, с. 255\]](#). Концентрация политической и военной власти в руках султана позволяла предназначить трату огромных ресурсов без какого-либо согласования, а во время кампании — очень быстро менять планы. Дисциплину османского войска не раз отмечали ведущие военные деятели Дунайской монархии — Лазарь Швенди и Раймондо Монтекукколи [\[20, с. 50-53\]](#). Последний прямо противопоставлял слаженность и сплочённость командования османов разноначалию и дезорганизации в рядах войск Дунайской монархии и Священной Римской империи [\[1, с. 305-306\]](#); [\[1, с. 313-315\]](#).

Несмотря на все пожелания полководцев, единственным надёжным способом преодолеть разногласия внутри командного состава оставалось прямое вмешательство императора. В этом отношении с середины XVI по конец XVII вв. ничего не изменилось. Так же как в 1531 г. Фердинанд I должен был улаживать конфликты между командиром дворянского ополчения Элеком Турзо и командиром войск Крайны Хансом Катцианером [\[9, с. 33-35\]](#), так и в 1697 г. только личный приказ императора мог заставить командиров отдельных подразделений сделать то, что от них требовал фельдмаршал. Будучи господином на поле боя и в своей армии, в масштабе всех войск в Венгрии фельдмаршал был лишь формальным командующим. Поэтому 6 августа, ожидая скорого столкновения с войском султана, Е. Савойский попросил императора, чтобы тот поскорее приказал командирам отрядов в Верхней Венгрии и Трансильвании (графу Шарлю-Тому де Водемону и Жану-Луи де Рабутену) двигаться на соединение с основной армией [\[13, с. 133\]](#). 26 июля проявилась и обратная сторона более строгой пограничной военной системы, к которой принадлежал генерал Хорватской границы К. Ф. фон Ауэрсперг. Получив от Придворного военного совета приказ снять осаду Бихача и двигаться к Дьёру или Буде, он не мог послушаться, даже если сам понимал, что оперативная обстановка требует двигаться в лагерь у Петроварадина [\[13, с. 130\]](#). Генерал К. Ф. фон Ауэрсперг нашёл лазейку в приказе: он медленно двигался к Сигетвару — городу, от которого можно было двигаться как на север, так и на юг — и ждал «контрприказа» от своего командования. Евгений Савойский писал императору с просьбой как можно скорее отменить новый и прислать новый приказ [\[13, с. 130\]](#), что в конечном итоге и было сделано. Пересылка писем заняла время, так что «хорватский» отряд присоединился к основной армии только 16 августа. Это произошло чрезвычайно вовремя: уже 17 августа К. Ф. фон Ауэрсперг получил под командование дополнительные силы и отбыл нести охранение вдоль ближайших к новому полевому лагерю переправ через Тиссу [\[13, с. 137\]](#).

Из разнообразных источников видно, что, кроме планирования боевых действий, командующие в XVI–XVII вв. были вынуждены тратить не меньше сил организации снабжения своего войска. Это касается как командиров пограничных гарнизонов и войск, которые могли санкционировать грабежи и разбой ради добычи стройматериалов [\[15, f. 18\]](#) или продовольствия [\[14, f. 54-55\]](#); [\[5, p. 144-148\]](#), так и главнокомандующих. Письма Е. Савойского, написанные им после прибытия в подчинённую ему армию, пестрят

упоминаниями разнообразных хозяйственных проблем, из которых самой острой был недостаток денег.

С самого образования Дунайской монархии государственные финансы (формировавшиеся из доходов правителя, налогов и займов) управлялись Придворной Казначейской палатой (рнвн. Hofcamer, букв. Придворной палатой, комнатой), которая могла распределять расходы так, как было угодно монарху (и, фактически, самим казначейским чиновникам). Военные расходы, за ведение которых отвечал военный казначей (рнвн. Kriegs Zahlmeister), не были неприкосновенны и могли быть перераспределены даже после начала военной кампании [\[18, s. 15-16\]](#). К 1697 г. эта система была дополнена несколькими противовесами, но, в сущности, не изменилась. В неизвестный момент при каждом войске была учреждена касса (рнвн. Cassa), из которой выплачивалось жалование и закупалось продовольствие. Эта касса могла быть заблаговременно пополнена до начала похода. Кроме того, в 1650 г. был создан Главный Военный комиссариат (рнвн. General Kriegscomissariat), служащие которого были ответственны, в т. ч. за своевременное снабжение войск деньгами. Такой способ управления деньгами критиковался многими военными, особенно — фельдмаршалом и президентом Придворного военного совета Р. Монтекукколи, который выступал за разделение военного и гражданского бюджетов [\[1, с. 282\]](#). Е. Савойский невольно вторил ему, указав в экспертизе от 27 января 1697 г., что в предназначенном для взятия Белграда войске должна быть создана «отдельная касса с деньгами, чтобы этот нерв войны можно было пускать в дело ежедневно и ежечасно». Однако реальность разошлась с планами, поэтому 26 июля Е. Савойский написал императору, что в «в кассе нет ни крейцера, чтобы обеспечить войско едой» и что по этой причине он был вынужден занять три тысячи гульденов у других командующих и аристократов. Из адресованного президенту Придворного военного совета Э. фон Штарембергу письма от 17 августа можно узнать, что с несколькими комиссарами (графом Солари и секретарём Экклером) Е. Савойский за последнее время получил 80 тыс. гульденов, однако их хватило, чтобы «распределить на каждый полк всего лишь по 1500 гульденов» [\[13, s. 137\]](#). Пехотный полк в это время составлял около 1500 человек, а месячное жалование рядового солдата – от 6 до 11 гульденов [\[12, s. 178-183\]](#). Поэтому не удивительно, что в том же письме Е. Савойский просил как можно скорее прислать задержанное на 2 месяца солдатское жалование.

Каким образом решалась проблема с деньгами и сопутствующая ей проблема нехватки продовольствия Е. Савойский в письмах регулярно упоминал различных чиновников (секретарей, провиантмейстеров, комиссаров), которые должны «провести ревизию», «заняться», «контролировать» и «наблюдать», чтобы снабжение армии велось в соответствии с её потребностями [\[13, s. 127-129\]](#). Командующий запрашивал отправку этих чиновников у Придворного военного совета и у императора. В рассмотренной выше ситуации деньги от императора доставили именно комиссары.

Проблема с задержками продовольствия также присутствовала, но, вероятно, была вызвана другими причинами. По сути поставки продовольствия был полностью дезорганизованы: в течение всего июля и начала августа она решалась путём фуражировок и реквизиций непосредственными командирами в режиме ручного управления. И это несмотря на то, что Е. Савойский настойчиво — и в январе, и в июле, и в августе — предлагал организовать продовольственные склады по маршрутам следования войск (вдоль Тисы и Дуная), и заранее заполнить их продуктами, чтобы не тратить силы на фуражировку и не настраивать против себя местное население [\[13, s.](#)

[123\]](#); [\[13, s. 135\]](#). Однако реализовать эти планы было невозможно, поскольку в главном войске отсутствовали провиантмейстеры — снабженцы, в задачи которых входила заготовка, закупка и доставка продовольствия непосредственно в лагерь [\[4, f. 13-15\]](#). 26 июля Е. Савойский жаловался в письме Леопольду I: «в войске нет ни одного представителя генерального штаба» [\[13, s. 132\]](#), хотя они обязаны были руководить снабжением на местах. Эта ситуация была внештатной, и я склонен связать её с внезапной отставкой предыдущего командующего Августа Саксонского — вероятно, высшие чиновники покинули армию вместе с ним. 6 августа Е. Савойский снова написал, что: «ожидает появления полевой военной канцелярии, комиссаров и штаба» [\[13, s.136\]](#). Судя по дальнейшим письмам, эта проблема была решена, когда к основному войску присоединились подкрепления из Верхней Венгрии и Хорватии.

В конце августа армия, объединившаяся и получившая, наконец, достаточное денежное довольствие, оказалась в непосредственной близости с войском Мустафы II. Вплоть до сражения при Зенте (11 сентября) Евгений Савойский двигался форсированными маршами и не мог рассчитывать на поддержку императора или президента Придворного военного совета [\[13, s. 140-153\]](#). Даже если бы он запрашивал командиров, чиновников, ресурсы и подкрепления, они не успели бы до него дойти. Так что в этот момент Е. Савойский оказался предоставлен сам себе, а судьба кампании на несколько недель больше зависела от умений её командующего, а не от структуры военной системы.

В то же время победа, одержанная в ходе умело организованного сражения [\[6, s. 20-22\]](#), была основана на долгих месяцах подготовки, которую вели сотни старших офицеров и военных чиновников разного ранга, а также император и высшие придворные Дунайской монархии. В ходе кампании успешно был нанесён отвлекающий удар (хоть он и не завершился взятием Бихача), а основное войско достаточно долго поддерживалось в боеготовности, чтобы в конце концов встретиться с османами и разгромить их. Рассмотрение деятельности Евгения Савойского на посту командующего показало, что на протяжении большей части кампании он был занят не выполнением боевых замыслов, а поддержанием своей армии в боеготовности. Более того, эту работу он не мог выполнить сам: к концу XVII в. военная система Дунайской монархии настолько усложнилась, что снабжение контингента, даже находящегося на самых южных границах государства, могло быть организовано только при непосредственном участии высших военно-бюрократических органов в Вене — Придворного военного совета и Главного военного комиссариата. Внештатные ситуации требовали даже прямого вмешательства верховного главнокомандующего — императора. При этом, несмотря на всю сложность и громоздкость, система военного командования сработала. А Евгению Савойскому, приложившему огромные усилия для координации всех участников процесса, удалось не только решить боевую задачу — сохранить своё войско и нанести поражение вражескому, но и приблизить завершение войны. Победа при Зенте заменила несостоявшееся взятие Белграда, став тем самым решительным ударом, после которого османы запросили мира.

Библиография

1. Записки Монтекукколи Генералиссимуса императорских войск или Общие принципы военного искусства в трёх книгах; пер. Я. С. Семченкова. Montreal: Accent Graphics Communications, 2012.
2. История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Ихсаноглу Э. / пер. с турец. В. Б. Феоновой. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006.
3. Arneth A. Eugen (Prinz von Savoyen) // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). 6. Bd.

Leipzig: Duncker & Humblot, 1877. S. 406-421.

4. Basta G. Il maestro di campo generale, das ist: außfürliche Anzeig, Bericht und Erklärung von dem Ampt eines General-Feldt-Obersten (etc.). Franckfurt: Nicolaus Hoffman, 1617.

5. Bracewell C. W. The Uskoks of Senj: Piracy, Banditry, and Holy War in the Sixteenth-Century Adriatic. Ithaca, London, 1992.

6. Đuričić S. Bitka kod Sente 1697. prema pismima princa Eugena Savojskog i izvorima iz Bečkog ratnog arhiva [Электронный ресурс] // Hrvatski povijesni portal, 01.12.2020. URL: https://www.academia.edu/44614061/Bitka_kod_Sente_1697_prema_pismima_princa_Eugena_Savojskog_i_izvorima_iz_Be%C4%8Dkog_ratnog_arhiva (дата обращения 18.05.2025).

7. Đuričić S. Princ Eugen Savojski u Velikom bečkom ratu do oslobođenja Beograda (1683.-1688.) // Scrinia Slavonica. Annual of the Department for the History of Slavonia, Srijem and Baranja of the Croatian Historical Institute. vol. 15 (2015). Slavonski Brod, 2015. S. 35-56.

8. Đuričić S. Vojne operacije generala Dünewalda u Slavoniji 1687. godine // Scrinia Slavonica. vol. 22 (2022). Slavonski Brod, 2022. S. 77-94.

9. Göss J. Z. Elf Briefe König Ferdinands I. an seinen Feldhauptmann Hans Katzianer // Historische Blätter im Auftrage der Beamten des Haus-, Hof- und Staatsarchivs. Herausgegeben von Lothar Gross. 5. Heft. Wien, 1932.

10. Hochedlinger M. Austria's wars of emergence: war, state and society in the Habsburg Monarchy, 1683-1797. London, New York, 2003.

11. Klaus-Jürgen B. Die Türken vor Wien: Zwei Weltmächte im Ringen um Europa. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Theiss, 2021.

12. Meynert H. G. Geschichte der K.K. österreichischen Armee, ihrer Heranbildung und Organisation, so wie ihrer Schicksale, thaten und Feldzüge, von der Frühesten bis auf die jetzige Zeit. 2. Bd. Wien: C. Gerold & Sohn, 1854.

13. Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen. 1. Bd, 1694-1702. Hrsg. Friedrich Heller. Wien: Gerold, 1848.

14. OeStA/KA ZSt HKR HR Bücher 139 (1557-1558).

15. OeStA/KA ZSt IÖHKR Bücher 8/2 Protokoll Croatica (mit Indices), 1597-1598.

16. Pálffy G. Das Königreich Ungarn (1526-1699): eine alte Regionalmacht innerhalb einer neuen Monarchie / Handbuch zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 2. Herrschaft und Politik in Südosteuropa von 1300 bis 1800. Hrsg. Oliver Jens Schmitt. Red. Edwin Pezo. Berlin-Boston, 2021. S. 567-660.

17. Pálffy G. Die Akten und Protokolle des Wiener Hofkriegsrats im 16. und 17. Jahrhundert // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.-18. Jahrhundert). Ein exemplarisches Handbuch / Hg. Pauser J., Scheutz M., Winkelbauer T. Wien-München, 2004 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 44). S. 182-195.

18. Regele O. Der österreichische Hofkriegsrat 1556-1848 // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 1, H. 1. Wien, 1949.

19. Rothenberg G. E. The Austrian military border in Croatia, 1522-1747. Urbana, 1960.

20. Schwendi L. Kriegs Diskurs: Vom Krieg und Kriegsherrn. Frankfurt am Mayn, 1593.

21. Wilson P. H. German armies War and German politics, 1648-1806. London, Bristol: UCL Press, 1998.

22. Wilson P. H. Heart of Europe A History of the Holy Roman Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Эпоха конца XVII – начала XVIII вв. оказалась ознаменована крупнейшими геополитическими противоречиями, в ходе которых, между прочим, оформилась Российская империя. Известно, что Петр I первоначально рассматривал именно черноморское направление как приоритетное, надеясь сформировать общеевропейскую коалицию против Османской империи, то время еще, конечно, не «больного человека Европы», но смотревшейся антиподом по сравнению с христианскими государствами Европы. В этой связи вызывает интерес рассмотреть период османо-габсбургских войн, завершившихся как раз перед началом Северной войны.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является Венгерская кампания 1697 г. Автор ставит своими задачами проанализировать подготовку кампании, а также рассмотреть планирование данной кампании, фактически ознаменовавшей перелом в ходе войны Священной лиги.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать Венгерскую кампанию 1697 г.

Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и немецком языках. Из привлекаемых автором источников укажем на материалы из фондов Австрийского государственного архива, записки Раймундо Монтекукколи, письма Евгения Савойского и т.д. Из используемых исследований отметим работу ведущего исследователя османо-габсбургских войн Гезы Палффи. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как османо-габсбургскими войнами, в целом, так и войной Священной лиги, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «Великая турецкая война (1683–1699 гг., также известна как «Война Священной лиги») завершила второй этап глобального противостояния Османской империи и европейских государств — период османско-габсбургских войн 1526–1699 гг.» Автор обращает внимание на то, что «из разнообразных источников видно, что, кроме планирования боевых действий, командующие в XVI–XVII вв. были вынуждены тратить не меньше сил для организации снабжения своего войска». В работе отмечается, что «рассмотрение деятельности Евгения Савойского на посту командующего показало, что на протяжении большей части кампании он был занят не выполнением боевых замыслов, а поддержанием своей армии в боеготовности. Более того, эту работу он не мог выполнить сам: к концу XVII в. военная система Дунайской монархии настолько усложнилась, что снабжение контингента, даже находящегося на самых южных границах государства, могло быть организовано только при непосредственном участии высших военно-бюрократических

органов в Вене — Придворного военного совета и Главного военного комиссариата».

Главным выводом статьи является то, что «Евгению Савойскому, приложившему огромные усилия для координации всех участников процесса, удалось не только решить боевую задачу — сохранить своё войско и нанести поражение вражескому, но и приблизить завершение войны».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, в ряде случаев имеются опечатки.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Макаров Е.П. Военно-политический контекст развития Виргинии после окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.5.71239 EDN: TTSFSQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71239

Военно-политический контекст развития Виргинии после окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг.

Макаров Егор Павлович

ORCID: 0000-0002-1105-0260

кандидат исторических наук

доцент; кафедра "Философия и социально-гуманитарные науки"; Самарский государственный технический университет

443100, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Циолковского, 1

✉ egor.makarov.esq@gmail.com

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.71239

EDN:

TTSFSQ

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2024

Аннотация: В статье рассматриваются изменения, постепенно происходившие во взаимоотношениях колонии Виргинии и Великобритании в первой половине 1760-х гг. Предметом исследования выступают основополагающие факторы, определявшие военно-политическое сотрудничество колонии и метрополии. Объектом исследования являются дипломатические договорённости и открытые вооружённые столкновения на территории ряда округов западного приграничья Виргинии. Важное внимание в исследовании уделено роли военного сотрудничества местного виргинского ополчения и британских регулярных войск в контексте подавления восстания Понтиака, произошедшего в период 1763-1766 гг. Особая роль в исследовании уделяется анализу стремления центральной власти Великобритании к установлению более полного контроля над политико-правовым и военно-административным полем Виргинии на протяжении обозначенного периода. В своей работе автор использует хронологический и историко-сравнительный методы исследования, которые позволяют произвести более полный анализ важного этапа

эволюции британо-виргинских взаимоотношений в первой половине 1760-х гг. В качестве основных выводов проведённого исследования можно обозначить несколько тезисов. Во-первых, нарастание противоречий во взаимоотношениях между колонией и метрополией происходило на фоне победного завершения Франко-индейской войны, однако взгляды местного сообщества и королевских чиновников на дальнейшее развитие колониального пространства существенно расходились. Во-вторых, в первой половине 1760-х гг. идеологические противоречия между Виргинией и метрополией не были ярко выраженными. В-третьих, даже в обсуждении военно-административных вопросов между Виргинией и Великобританией доминировал финансово-экономический аспект. Особым вкладом автора является изучение сравнительно мало исследованных аспектов религиозно-культурного разобщения и проблем земельной собственности на территории западного приграничья. Новизна исследования заключается в том, что данный этап эволюции британо-виргинских взаимоотношений в первой половине 1760-х гг. рассматривается частью более глобального процесса развития американского колониального общества.

Ключевые слова:

Виргиния, Великобритания, Франко-индейская война, восстание Понтиака, Северная Америка, колониальная политика, общественное мнение, социальный протест, семилетняя война, восемнадцатый век

Конфликты между Великобританией и Францией сопровождали всю историю их взаимоотношений и на территории Европы, и в колониях Нового Света. При этом способы противодействия друг другу в Северной Америке существенно отличались от длительных европейских войн, где задействовались огромные воинские контингенты. В Виргинии на всём протяжении периода споров с Францией, интересы Великобритании защищало многочисленное вооружённое ополчение местных поселенцев, преимущественно выходцев из недавно образованных округов западного приграничья. Жители западных округов в своём противодействии влиянию французской стороны не имели чёткого плана действий и руководствовались конкретными практическими интересами, однако как носители британской культуры играли неоценимую роль для всего продвижения и закрепления британского влияния на континенте. Виргинское население в целом не было заинтересовано в разжигании в регионе крупномасштабной войны с представителями французской стороны, поскольку любой длительный вооружённый конфликт наносил ущерб всем местным жителям и нёс разорение, мешая конструктивному развитию.

Под «французской стороной» традиционно понимались не только европейцы-колонисты Новой Франции, но также и их многочисленные союзники из числа местных индейских племён. Процесс перманентного противостояния британских и французских колонистов большую часть времени напоминал соперничество в деле заселения определённых районов ранее не принадлежавшей никому земли, и редкие случаи вооружённых стычек местные жители стремились урегулировать как можно быстрее. Более того, обе стороны располагали ограниченными ресурсами и, не желая растрачивать свой потенциал на боевые действия, стремились направлять поток колонистов таким образом, чтобы не встречаться лицом к лицу с конкурентами [\[8\]](#).

Данный конфликт стал более выраженным к середине XVIII века. В 1740-1750-е гг. и британцы, и французы пользовались помощью союзных индейских племён для

организации рейдерских набегов на землеустроительные экспедиции и недавно организованные фермерские домохозяйства в приграничных областях. В таких условиях виргинское население западного приграничья постоянно находилось настороже, и это напряжение неизбежно вело к моральному ожесточению людей. Если говорить о виргинском обществе в целом, ближе к середине XVIII века стало всё шире распространяться мнение о том, что на помощь метрополии можно будет рассчитывать только в случае крупномасштабного конфликта. Повседневные вопросы безопасности в западном приграничье виргинцы научились решать самостоятельно, полагаясь на собственную самоорганизацию [\[20\]](#).

Таким образом, безопасной жизнь на виргинской границе не была никогда, но на фоне общей усталости местного населения, люди редко бросали собственные дома и перебирались в области внутренней Виргинии. Сплочённость локальных сообществ западных округов была очень высокой и даже при малой плотности населения, вооружённые местные жители научились и наносить превентивные удары, и организовывать рейды возмездия на враждебную территорию. Начальный период Франко-индейской войны 1754-1763 гг. стал временем серьёзной проверки виргинской границы на прочность. По сути, в эти годы испытывалась система военно-административной организации округов западного приграничья колонии. Сама война началась со столкновения виргинских колонистов с регулярной французской армией, при этом первые сражения были выиграны виргинцами практически без помощи профессиональных британских войск [\[9\]](#).

Французские войска максимально задействовали потенциал своих индейских союзников и разгромив колониальное ополчение на границе у фортов Уильям-Генри, Дюкен и Карильон завязли в виргинской обороне, выстроенной местным сообществом таким образом, чтобы продержаться до подхода подкрепления, а затем сделать отход противника максимально затруднительным. С самого начала Франко-индейской войны виргинцы понимали, что не смогут быстро получить значительную военную поддержку от метрополии. Великобритания пристальнее всего наблюдала за событиями, происходившими на европейском континенте, и с началом переброски войск Фридриха II в Саксонию сосредоточилась на перестройке бюджетной политики таким образом, чтобы увеличить финансирование своих союзников не только в лице Пруссии, но также и Гессена с Брауншвейгом [\[6\]](#).

Население Виргинии хорошо осознавало, что Великобритания вступила в войну с очень мощной коалицией Франции, Австрии, России и Швеции, и на североамериканском театре боевых действий виргинцам большей частью предстояло держать оборону против хорошо знакомого соседа в лице французов. Метрополия могла помочь колонии, прежде всего за счёт контроля королевским флотом прибрежных вод, но в западном приграничье ситуация оставалась сложной, и вплоть до конца 1750-х гг. виргинское ополчение выносило на своих плечах значительную часть тягот войны. С 1758 г. ситуация начала меняться в лучшую сторону, и британские регулярные войска существенно усилили местные виргинские контингенты. Колониальное ополчение сумело внести посильный вклад в боевые действия у Луисбурга и на Авраамовых полях, а также в продвижение во французской Канаде [\[1, с. 125-132\]](#).

Начало 1760-х гг. стало для виргинцев временем окончательной победы в войне и связанных с ней великих надежд на скорое возмещение всех понесённых в военное время расходов. Заключение Парижского мирного договора в 1763 г. ещё больше усиливало энтузиазм, царивший в виргинском обществе, ведь границы империи

существенно расширились именно там, где местные жители могли извлечь из этого максимальную выгоду. Французская сторона оказалась поверженной, и в новых условиях конфликты на территории западного приграничья могли возникнуть лишь с дезорганизованными индейскими племенами. Размышляя о выстраивании пограничной обороны в послевоенное время, виргинцы всё чаще высказывались о том, что как и перед войной, смогут справиться с защитой рубежей самостоятельно, без широкого привлечения регулярной британской армии. Общественные дискуссии на эту тему доходили до того, что необходимость финансирования поддержания в Виргинии британского воинского контингента ставилась местными правящими элитами под серьёзное сомнение [\[19\]](#).

Правительство самой Великобритании напротив, осознавало, что полученные по Парижскому мирному договору территории ещё предстояло удержать, и делать это было необходимо именно силой регулярной армии. На эти мероприятия были необходимы значительные денежные средства, которые предполагалось равномерно распределить между провинциями сообразно их бюджету и протяжённости границ. В случае с огромными территориями западного приграничья Виргинии власти метрополии не сомневались, что столь богатая колония сможет добровольно взять на себя соответствующие расходы на оборону. Однако начавшиеся переговоры между центральной властью Великобритании и колониальной администрацией Виргинии быстро выявили противоречия, в дальнейшем ставшие почвой для серьёзного политико-экономического конфликта [\[7\]](#).

Военно-административное деление Виргинии и непрекращавшееся всю первую половину XVIII века перераспределение границ между её западными округами всегда было её внутренним делом. Даже в период Франко-индейской войны 1754-1763 гг. центральная власть была очень плохо осведомлена о реальном положении дел на огромных территориях западного приграничья этой колонии. С начала века территория колонии многократно увеличилась, но даже на очень протяжённых послевоенных границах 1763 г. и вопросы строительства фортификационной линии, и текущее обеспечение безопасности решались силами местного ополчения, полностью подконтрольного доминировавшим в каждом конкретном округе крупнейшим землевладельцам. Их негативная реакция на присутствие регулярных британских войск в мирное время объяснялась нежеланием открывать перед метрополией реальное состояние хозяйственного потенциала округов. И в случае Виргинии недовольство крупнейших землевладельцев автоматически означало недовольство населения целых округов, готового крайне недружелюбно реагировать на грядущее расквартирование британских военных на их землях и за их счёт. Важно понимать, что предлагая модернизировать местную военно-административную систему, метрополия не подразумевала снятие всех повседневных обязанностей по обороне границы с местного ополчения, но хотела усилить его регулярными войсками, которые держались на случай возможного крупного конфликта [\[18\]](#).

Виргинцы не понимали, кто может стать возможным противником в таком потенциальном крупном конфликте после того, как Франция была повержена в войне. Также они не понимали причины того, что метрополия хотела содержать регулярную армию в западном приграничье за счёт сообщества местных жителей, каждый из которых был одновременно и производителем, и при необходимости с оружием в руках десятилетиями защищал своё домохозяйство от преступников или представителей враждебных индейских племён [\[17\]](#).

В подобных условиях возрастания социальной напряжённости, спровоцированной грядущим вмешательством метрополии в дела военно-административного устройства Виргинии, представители центральной власти более всего беспокоились о потенциальной неблагонадёжности населения присоединённых после войны территорий. Не желая усугублять недовольство виргинцев, чиновники метрополии попытались перенаправить возраставший гнев виргинского сообщества на недавних противников во Франко-индейской войне. Для Великобритании управление нетерпимостью собственных граждан было хорошо знакомым политическим инструментом. Центральная власть метрополии с интересом наблюдала, как жители западного приграничья Виргинии реагировали на то, что их согражданами и соседями становились побеждённые враги, отличавшиеся от них в языковом и религиозном плане.

Межнациональный или религиозный конфликт мог стать почвой для обоснования необходимости поддержания на границе западных округов более значительного вооружённого контингента. Фактически, в глазах британских властей жители виргинского западного приграничья могли рассматривать присоединение Квебека как унижение не только Франции, но и всех местных французов-католиков, ненависть к которым естественным образом поддерживалась на протяжении всего военного времени [\[5\]](#).

Рост нетерпимости в послевоенное время в основном поддерживался искусственно, и центральной власти было выгодно поддерживать в повседневном быту колонистов хорошо знакомый им тезис о противостоянии двух враждебных друг другу социокультурных реальностей – протестантской и католической. Если в Европе подобная британская культурная политика приносила свои плоды, то в виргинском западном приграничье она несла больше проблем, чем пользы. Для жителей Виргинии в послевоенное время патриотический подъём выражался не в вооружённом противостоянии ненавистному врагу, а в желании как можно быстрее восстановить хозяйственный потенциал пострадавших от боевых действий западных округов. Даже активно прибывавшие в западное приграничье протестантские миссионеры сосредотачивали свою деятельность не на антикатолической пропаганде, а на обращении представителей местных невраждебных племён в христианство [\[16\]](#).

Важным аргументом центральной власти Великобритании в пользу поддержания значительного воинского контингента на территории западного приграничья было дипломатическое наследие Франции в долине Огайо. Большая часть местных представителей коренных народов региона весь период Франко-индейской войны открыто поддерживала французскую сторону, и после заключения Парижского мирного договора в 1763 г. не убавила своей враждебности к британцам. Произшедшие в первые послевоенные годы многочисленные локальные столкновения с местными племенами убедили виргинцев в том, что в случае с бывшими французскими союзниками тактика переговоров работала гораздо хуже, чем путь прямого, иногда превентивного, вооружённого подавления [\[15\]](#).

Сразу после окончания Франко-индейской войны виргинские правящие элиты стремились восстановить довоенные темпы колониального продвижения в долину Огайо и продолжить хозяйственное освоение этого стратегически важного региона. Вслед за разведывательными экспедициями устремлялись многочисленные работники землеустроительных компаний, в задачу которых входило межевание участков, прокладка транспортной инфраструктуры и создание новых фортификационных опорных пунктов. С ростом масштабов землеустроительных работ в регионе концентрировалось

значительное число виргинских вооружённых ополченцев, специально нанимавшихся земельными компаниями для обеспечения вопросов безопасности. Землеустроительные работы на территории западного приграничья были внутренним процессом виргинского народного хозяйства и происходили без прямого участия британских регулярных войск [\[3\]](#).

На фоне непростых переговоров центральной власти метрополии и колониальной администрации Виргинии о послевоенном финансировании пребывания британского контингента в Северной Америке, прослеживалось явное нежелание виргинских правящих элит брать на себя дополнительные финансовые обязательства. Уже в 1763 г. виргинцы были готовы взять на себя финансовое обеспечение присутствовавших в провинции солдат, но только при сокращении их численности и на таких условиях, какие были бы указаны местным законодательным собранием [\[14, p. 175-196\]](#).

Данная ситуация осложнялась тем, что ещё в военное время 1761-1762 гг. на фоне ожидавшегося поражения Франции, виргинцы чувствовали консолидацию враждебных Великобритании индейских племён. Агрессивная риторика индейских вождей долгое время не позволяла Виргинии выстроить чёткую линию мирного взаимодействия с сопредельными племенами. После проигрыша Франции в войне её индейские союзники отвергли предложение виргинцев стать новыми торговыми партнёрами и развивать дальнейшее взаимодействие в мирном ключе. Стремительный рост масштабов виргинской колониальной экспансии на фоне нерешённых военно-политических вопросов с коренными народами региона явился одной из причин восстания Понтиака, начавшегося уже в 1763 г. [\[11\]](#).

Закалённое войной с французами виргинское ополчение хотя и было менее организованным, чем британские регулярные войска, но представляло собой серьёзную силу. Хорошее знание местности, опора на систему фортификации и умение концентрировать огневую мощь позволили виргинцам выдержать первые нападения на предприятия, осуществлявшие в это время землеустроительные работы в западном приграничье. Достаточно быстро проявилась главная проблема нового конфликта, заключавшаяся в хаотичности стремительных нападений индейцев, проникавших вглубь западных округов Виргинии и уничтожавших небольшие фермерские домохозяйства, работники которых были малочисленны и не могли оказать должное сопротивление таким рейдерским набегам. Практика показывала, что фермеры имели систему оповещения об индейских вторжениях и в лучшем случае предпочитали бежать вместе с семьями до прибытия ополчения или окончания рейда, который практически всегда заканчивался сожжением посевов и построек, отравлением колодцев, а также убийством домашнего скота. Нападения чаще всего не преследовали своей целью грабёж, а представляли собой типичные акции устрашения с целью вынудить поселенцев покинуть занятые места [\[4\]](#).

Для Виргинии восстание Понтиака несло, прежде всего, финансовые убытки, усиливавшиеся на фоне переговоров с метрополией о необходимости финансирования постоянного британского военного присутствия в регионе. От главнокомандующего британскими войсками в Северной Америке Джеффри Амхерста было получено заверение в том, что все поставки оружия и боеприпасов восставшим племенам были перекрыты и в скором времени этот фактор должен был привести к ослаблению интенсивности нападений. В таких условиях 1763-1766 гг. Виргиния в деле защиты западного приграничья продолжала опираться в основном на собственное вооружённое ополчение [\[10\]](#).

Не касаясь деталей боевых действий, и переходя к периоду окончания восстания Понтиака, важно выделить ряд явлений и процессов, которые привели к видимым проблемам в военно-политическом развитии Виргинии. Конфликт с племенами продемонстрировал серьёзную угрозу не только для развития виргинского западного приграничья, но и для всего запада британских провинций Северной Америки. Обсуждение наилучших условий пребывания британских войск в американских колониях переросло в более серьёзные дискуссии о способах установления стабильного мира с местными коренными народами. Решение этого вопроса выходило за рамки компетенции колониальных законодательных собраний, и должно было приниматься лично британским монархом. Таким решением была королевская прокламация 1763 г., установившая линию разграничения между территориями, предназначенными для хозяйственного освоения колониями, и землями коренных народов, освоение которых на данном этапе представлялось невозможным [\[13\]](#).

В Виргинии издание прокламации было воспринято крайне негативно, поскольку последовательное земельное расширение на западе и до, и во время, и после Франко-индейской войны являлось важнейшим условием устойчивого хозяйственного развития провинции. По сравнению с ситуацией в других колониях, виргинцы ощущали негативные последствия запрета на земельное расширение на западе именно в тот период, когда они самостоятельно сумели выстроить эффективную форму военно-административного устройства округов западного приграничья [\[12, p. 90-114\]](#).

После подавления восстания Понтиака британское правительство продолжило попытки регулирования отношений собственных колонистов с представителями коренного населения региона. Ограничительные меры усиливались, и виргинские земельные компании не смогли получить королевскую санкцию на дальнейшее продвижение ни в долину Огайо, ни в земли Кентукки. Жители уже освоенного западного приграничья Виргинии после 1766 г. оказались связанными новыми торговыми и промысловыми ограничениями и получили от метрополии чёткий сигнал о том, что в любых новых конфликтах с племенами на спорных территориях не смогут рассчитывать на поддержку регулярных британских войск.

Население западных округов Виргинии в течение более чем полувека выстраивало сложную и самобытную военно-политическую модель устройства собственных территорий, главной отличительной особенностью которой было стремление в вопросах обороны полагаться преимущественно на собственное вооружённое ополчение. Жители виргинского западного приграничья серьёзно пострадали в период Франко-индейской войны, и именно их в наибольшей степени коснулись королевские послевоенные запреты на хозяйственную деятельность в спорных землях. Даже присутствие британских регулярных войск на западной границе провинции в послевоенное время по плану метрополии должно было финансироваться за счёт местного населения. Все эти явления в совокупности заставляли местных жителей настолько радикально переосмысливать своё отношение к власти метрополии, что многие из них переставали политически и культурно ощущать себя британцами [\[2, с. 95-102\]](#).

Формирование особого, с точки зрения местного населения, военно-политического устройства западного приграничья Виргинии создало условия, при которых в вопросах обороны метрополия гораздо больше зависела от местного ополчения, чем от собственной регулярной армии. В сложный период первой половины 1760-х гг. правительство Великобритании не учло этого фактора в полной мере, и не предоставило местному населению столь необходимой им возможности колониального продвижения за

Аппалачи. Напротив, учитывая дороговизну ведения Семилетней войны, центральная власть метрополии сначала попыталась переложить расходы на содержание американского армейского контингента на местные бюджеты, а затем и вовсе решила частично покрыть государственный долг за счёт колониальных налогов. В виргинских реалиях такая политика метрополии рассматривалась как запрет на использование наиболее важных статей местных доходов, и вместе с тем как грубая и незаконная попытка обокрасть местное население.

Неконструктивная и полная просчётов попытка британских властей упорядочить военно-административную сферу Виргинии вызвала общее локальное возмущение социальной напряжённости. За этим неизбежно последовал взрывной рост протестных настроений по поводу введения новых налогов, ставший грозным вестником грядущей американской войны за независимость.

Библиография

1. Макаров Е.П. Битва на Авраамовых полях и битва при Сен-Фо в восприятии изменений североамериканского театра боевых действий Семилетней войны в 1759-1760 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 125-132.
2. Макаров Е.П. Закон о гербовом сборе 1765 года в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 95-102.
3. Anderson F. The War That Made America: A Short History of the French and Indian War. London: Penguin Books, 2006.
4. Babits L.E., Gandulla S. The archeology of French and Indian war. Gainesville, FL.: University Press of Florida, 2015.
5. Berleth R. Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier. Hensonville: Black Dome Press, 2009.
6. Borneman W.R. The French and Indian War: Deciding the Fate of North America. New York: Harper Perennial, 2007.
7. Brumwell S. Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755-1763. New York: Cambridge University Press, 2002.
8. Calloway C.G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
9. Corbett J.S. England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
10. Dowd G.E. War under Heaven: Pontiac, the Indian Nations, and the British Empire. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
11. Fiske J. New France and New England. New York: Houghton Mifflin and Company, 1902.
12. Henderson H.J. Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760-1800 // William and Mary Quarterly, Vol. 47, № 1, 1990. P. 90-114.
13. Hofstra W.R. The planting of New Virginia: settlement and landscape in the Shenandoah Valley. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
14. Lamb M. Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach // Accounting Historians Journal, Vol. 30, 2003. № 2. P. 175-196.
15. Merritt J.T. At The Crossroads: Indians and Empires on the Mid Atlantic Frontier, 1700-1763. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
16. Middleton R. Pontiac's War: Its Causes, Course and Consequences. Philadelphia: Routledge, 2007.
17. Stanley G.F.G. New France: The Last Phase, 1744-1760. Toronto: McClelland and Stewart, 1968.
18. Titus J. The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia.

Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1991.

19. Ware T. Maryland in the French and Indian war. Charleston, SC.: The History Press, 2023.

20. Weidensaul S. The First Frontier: The Forgotten History of Struggle, Savagery, and Endurance in Early America. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Жизнь на границе долгое время была связана с различными опасностями, что вызвало появление различных парамилитарных групп: это и граничары, и казаки, и ковбои. Писатели и кинематографисты уже второе столетие воспевают североамериканский фронт, чего стоят только произведения Д. Ф. Купера. Однако эпоха североамериканского фронта служит и предметом интереса деятелей науки.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является развитие Виргинии после окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг. Автор ставит своими задачами проанализировать действия английской и французской сторон, а также отношение виргинского населения к своей безопасности.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится

"последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения", а его отличительными сторонами являются конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать военно-политический контекст развития Виргинии после окончания Франко-индейской войны 1754-1763 гг.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы Е.П. Макарова, Ф. Андерсона, Г. Стэнли и др., в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения англо-французского противостояния в Северной Америке. Заметим, что библиография представляет важность как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как фронтиром, в целом, так и североамериканским фронтиром, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "безопасной жизнь на виргинской границе не была

никогда, но на фоне общей усталости местного населения, люди редко бросали собственные дома и перебирались в области внутренней Виргинии". Автор обращает внимание на то, что "для жителей Виргинии в послевоенное время патриотический подъём выражался не в вооружённом противостоянии ненавистному врагу, а в желании как можно быстрее восстановить хозяйственный потенциал пострадавших от боевых действий западных округов". Примечательно, что как показано в рецензируемой статье, "закаленное войной с французами виргинское ополчение хотя и было менее организованным, чем британские регулярные войска, но представляло собой серьёзную силу". Это вызывало противоречия с британскими властями, ратовавшими за регулярную армию.

Главным выводом статьи является то, что

"неконструктивная и полная просчётов попытка британских властей упорядочить военно-административную сферу Виргинии вызвала общее локальное возрастание социальной напряжённости".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Европы и Америки, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Англоязычные метаданные

Higher governing bodies in besieged Leningrad: sources and digital methods of their analysis

Prigodich Nikita Dmitrievich

PhD in History

Associate Professor; Center for Social Sciences and Humanities; ITMO National Research University
Senior Researcher; Saint Petersburg State University

197101, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Kronverkskiy ave., 49, letter A

✉ ndprigodich@gmail.com

Abstract. The article presents the formulation of the scientific problem regarding the study of actions taken by the higher Soviet and party leadership of Leningrad during the blockade years. The author focuses on the relevance of examining the methods of managing the city under these unique circumstances. The analysis of the distribution of power authority will clarify the principles of Leningrad's functioning during the war and its connection to the overall structure of political leadership in the USSR. In recent years, this area has gained significant momentum due to the publication of a wide range of documents and materials. In this regard, the research's source base consists of a substantial array of decisions and resolutions from the Bureau of the Regional and City Committees of the VKP(b), the Military Council of the Leningrad Front, and the Executive Committee of the Leningrad City Council of Workers' Deputies. The analysis of Soviet-party governance in Leningrad during the Great Patriotic War, based on a large array of decisions and resolutions of power institutions, including appendices and transcripts, relies on methods of historical informatics. The historiographic review of the Soviet and post-Soviet periods allows for conclusions about extensive references made by researchers to the connection between political governance of the city with numerous economic and social themes. However, within this context, there is a palpable lack of attempts to analyze the stated problem using interdisciplinary methods. In this regard, the scientific novelty of the proposed research lies in the approach to the issue at hand. The article provides thematic narratives on the application of historical informatics methods, including computerized content analysis, machine learning, descriptive statistics, and correlation analysis. The capabilities of these methods represent a relevant tool that allows for progress in addressing some of the general tasks posed. Correlating the research results with historiography will yield a more comprehensive understanding of the state management system in besieged Leningrad.

Keywords: defense, Great Patriotic War, method, resolutions of government authorities, transcript, political administration, data analysis, Leningrad, Military Council, blockade

References (transliterated)

1. Boldovskii K. A. Rukovodyashchie organy blokirovannogo Leningrada: polnomochiya i sfery kompetentsii // Trudy Instituta istorii oborony i blokady Leningrada. 2023. № 1. S. 96-109. EDN: YEICLE.
2. Stenogrammy zasedanii ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Zapisi obsuzhdenii, zamechanii k proektam, resheniya (noyabr' 1941-dekabr' 1942 gg.): Sb. dok. / Otv. sost. N. Yu. Cherepenina. SPb.: Art-Ekspress, 2017. 440 s.
3. Stenogrammy zasedanii ispolkoma Leningradskogo gorodskogo Soveta. Zapisi

- dokladov, obsuzhdenii, zamechanii k proektam, resheniya (yanvar'-dekabr' 1943 gg.): Sb. dok. / Otv. sost. N. Yu. Cherepenina. SPb.: Art-Ekspress, 2018. 640 s.
4. Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiinykh organov Leningrada. 1941-1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanii. Iyun' 1941 g. – mart 1942 g. / Otv. sost. K. A. Boldovskii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. 863 s.
 5. Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiinykh organov Leningrada. 1941-1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanii. Mart 1942 g. – dekabr' 1942 g. / Otv. sost. K. A. Boldovskii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020. 1261 s.
 6. Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiinykh organov Leningrada. 1941-1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanii. Yanvar' 1943 g. – yanvar' 1944 g. / Otv. sost. K. A. Boldovskii. V 2 kn. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2022. 1760 s.
 7. Postanovleniya Voennogo soveta Leningradskogo fronta. Chast' 1 (avgust 1941 g. – mart 1942 g.). Sb. dokumentov / Otv. sost. K. A. Boldovskii. SPb.: Nestor-Istoriya, 2023. 656 s.
 8. Postanovleniya Voennogo soveta Leningradskogo fronta. Chast' 1 (aprel' 1942 g. – dekabr' 1942 g.). Sb. dokumentov / Otv. sost. K. A. Boldovskii. SPb.: Nestor-Istoriya, 2024. 792 s.
 9. Sobolev G. L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie. Kniga pervaya: iyun' 1941 – mai 1942. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. 712 s. EDN: SFOPYX.
 10. Pavlov D. V. Leningrad v blokade (1941 god). M.: Voenizdat, 1961. 207 s.
 11. Dzeniskevich A. R., Koval'chuk V. M., Sobolev G. L., Tsamutali A. N., Shishkin V. A. Nepokorenniy Leningrad. Kratkii ocherk istorii goroda v period Velikoi Otechestvennoi voiny. L.: Nauka, 1970. 324 s.
 12. Shumilov N. D. V dni blokady. M.: Mysl', 1977. 302 s.
 13. Bazovskii V. N. Samoe dorogoe: Dokum. povestvovanie ob A. A. Kuznetsove. M.: Politizdat, 1982. 255 s.
 14. Dzeniskevich A. R. Voennaya pyatiletka rabochikh Leningrada. 1941-1945. L.: Lenizdat, 1972. 213 s. EDN: YAFXML.
 15. Dzeniskevich A. R. Zavody na linii fronta: Rabochie Leningrada frontu. M.: Politizdat, 1978. 111 s.
 16. Dzeniskevich A. R. Rabochie leningradskoi promyshlennosti nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1938-1945 gg. L.: Nauka, 1986. 479 s.
 17. Koval'chuk V. M. Leningrad i bol'shaya zemlya. Istoriya Ladozhskoi kommunikatsii blokirovannogo Leningrada v 1941-1943 gg. L.: Nauka, 1975. 328 s.
 18. Koval'chuk V. M. Magistrali muzhestva: Kommunikatsii blokirovannogo Leningrada, 1941-1943. SPb.: Vesti, 2001. 517 s. EDN: VZTFUCU.
 19. Koval'chuk V. M. 900 dnei blokady. Leningrad, 1941-1944: posvyashchaetsya 60-letiyu Velikoi Pobedy. SPb.: DB, 2005. 234 s. EDN: QPAZXZ.
 20. Lomagin N. A. Neizvestnaya blokada. Kn. 1. SPb.: Olma-press, 2004. 446 s.
 21. Lomagin N. A. Uchet i kontrol' – osnova sotsializma: razmyshleniya o vnutrennikh prichinakh goloda v Leningrade osen'yu i zimoi 1941-1942 gg. // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2019. № 3. S. 155-182. DOI: 10.51255/2311-603X-2019-00054. EDN: OXTAPQ.
 22. Hass J. K. Seeing like a Starving State: The Soviet Political Economy of Death in the

- Blockade of Leningrad // Modern history of Russia. 2021. Vol. 11, No. 2. P. 324-338. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.202. EDN: PFYZHQ.
23. Gavrilova O. A., Khodyakov M. V. Izgotovlenie prodovol'stvennykh kartochek v blokadnom Leningrade. 1941-1943 gg. // Noveishaya istoriya Rossii. 2016. № 2 (16). S. 44-67. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.203. EDN: WWQRRZ.
 24. Gavrilova O. A. "Pivo zhe im vydaetsya potomu, chto v izvestnoi stepeni yavlyaetsya produktom pitaniya": o proizvodstve i potreblenii piva v blokadnom Leningrade // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2017. № 3. S. 60-81. DOI: 10.51255/2311-603X-2017-00004. EDN: ZRCELP.
 25. Gavrilova O. A. Renovatsiya v usloviyakh blokady: snos raionov derevyannoi zastroiki v Leningrade. 1941-1942 gg. // Noveishaya istoriya Rossii. 2022. T. 12, № 4. S. 853-869. DOI: 10.21638/spbu24.2022.403. EDN: JRUXCL.
 26. Khodyakov M. V. Konditerskoe proizvodstvo v blokadnom Leningrade. 1941-1943 gg. // Noveishaya istoriya Rossii. 2022. T. 12, № 4. S. 812-839. DOI: 10.21638/spbu24.2022.401. EDN: CIEMBO.
 27. Khodyakov M. V. Bezhtentsy v Leningrade i zhilishchnaya politika gorodskikh vlastei na nachal'nom etape voyny i blokady // Quaestio Rossica. 2022. T. 10, № 2. S. 455-468. DOI: 10.15826/qr.2022.2.681. EDN: QWFGYZ.
 28. Sobolev G. L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie. Kniga vtoraya: iyun' 1942 – yanvar' 1943. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015. 793 s.
 29. Sobolev G. L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie. Kniga pervaya: fevral' 1943 – yanvar' 1944. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2017. 1221 s. EDN: YOZCAF.
 30. Leningrad. Voina. Blokada. Gorod-front: materialy i issledovaniya / Sost. P. V. Ignat'ev, E. L. Korshunov, A. I. Rupasov. SPb.: Galart, 2019. 527 s.
 31. Zotova A. V. Voennaya promyshlennost' Leningrada v period Velikoi Otechestvennoi voyny // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2014. T. 16. № 3. S. 103-110. EDN: SQJALP.
 32. Bochin D. A. Proizvodstvo alyuminievykh splavov na zavodakh Leningrada i Leningradskoi oblasti dlya aviapromyshlennosti v 1928-1941 gg. // Klio. 2011. № 3(54). S. 83-85. EDN: NVWRLP.
 33. Bochin D. A. Proizvodstvo samoletov v Leningrade v 1940-1941 gg. // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2014. № 1. S. 39-44. EDN: RVKLCX.
 34. Bochin D. A. O razrabotkakh novoi aviatsionnoi tekhniki v Leningrade nakanune Velikoi Otechestvennoi voyny // Trudy Voenno-kosmicheskoi akademii imeni A. F. Mozhaiskogo. 2013. № 638. S. 47-53. EDN: RWLVUX.
 35. Stepanov A. S. Aviapromyshlennost' Leningrada i ee perestroika nakanune Velikoi Otechestvennoi voyny // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2009. № 6. S. 9-13. EDN: KHXPDB.
 36. Mukhin M. Yu. Evakuatsiya aviapromyshlennosti v 1941 g. // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2012. № 3. S. 86-98. EDN: PBQKLB.
 37. Atlas Pobedy. Velikaya Otechestvennaya voina. 1941-1945 gg. / Otv. red. Yu. A. Nikiforov. M.: Prosveshchenie-Soyuz, 2025. 295 s.
 38. Velikaya Otechestvennaya voina 1941-1945 godov. V 12 t. T. 11. Politika i strategiya Pobedy: strategicheskoe rukovodstvo stranoi i Vooruzhennymi silami SSSR v gody voyny. M.: Kuchkovo pole, 2015. 864 s.
 39. Boldovskii K. A. Rukovodnyashchie kadry blokadnogo Leningrada v nomenklature TsK VKP(b) // Noveishaya istoriya Rossii. 2022. T. 12, № 4. S. 840-852. DOI:

10.21638/spbu24.2022.402. EDN: RDTPUX.

40. Boldovskii K. A. Partiinyi apparat Leningrada kak element upravlencheskoi struktury goroda perioda blokady // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2020. № 3 (27). S. 201-215. DOI: 10.51255/2311-603X-2020-00063. EDN: XUMMLH.
41. Boldovskii K. A. Leningrad v dekabre 1941 goda // Noveishaya istoriya Rossii. 2019. T. 9. № 1. S. 70-82. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.104. EDN: QVOROT.
42. Chistikov A. N. Chrezvychainnye organy upravleniya Leningradom letom 1941 g. // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2020. № 3 (27). S. 189-200. DOI: 10.51255/2311-603X-2020-00062. EDN: DBOLYV.
43. Tverdyukova E. D. Kontrol' ispolneniya reshenii v sisteme ispolnitel'noi vlasti Leningrada v gody blokady (1941-1944) // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2020. № 3 (27). S. 177-188. DOI: 10.51255/2311-603X-2020-00061. EDN: UEZTQO.
44. Tverdyukova E. D. Opyt sozdaniya bazy dannykh "Rukovoditeli blokadnogo Leningrada" // Otechestvennye arkhivy. 2021. № 3. S. 15-22. EDN: QEBPON.
45. Boldovskii K. A. Blokadnyi Leningrad: novye istochniki i issledovaniya (2015-2021) // Rossiiskaya istoriya. 2022. № 3. S. 135-145. DOI: 10.31857/S0869568722030104. EDN: FXDTQT.
46. Jones M. Leningrad: State of Siege. London: Hodder & Stoughton, 2009. 324 p.
47. Glantz D. M. Leningrad: city under siege 1941-1944. Rochester: Grange Books, 2005. 224 p.
48. Brandenberger D. "Leningradskoe delo" i nasledie stalinizma // Noveishaya istoriya Rossii. 2024. T. 14, № 4. S. 998-1009. DOI: 10.21638/spbu24.2024.412 EDN: VJQALB.
49. Khlevnyuk O. V. Sistema vysshei vlasti v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Istoriografiya, istochniki i perspektivy issledovaniy // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. № 1. S. 15-26. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-15-26 EDN: YNMEPJ.
50. Garskova I. M. Istoricheskaya informatika: evolyutsiya mezhdistsiplinarnogo napravleniya. SPb.: Aleteiya, 2018. 408 c.

Unknown letters of Antonio Possevino from the collection of historian N. P. Likhachev.

Druzhevskii Anton Olegovich

Postgraduate student of the Department of Russian History from Ancient Times to the beginning of the 19th century at the Herzen Russian State Pedagogical University
Methodologist at the Department of Educational Programs; Boris Yeltsin Presidential Library

191186, Russia, St. Petersburg, Central district, nab. Moika River, 48-50-52

✉ adruzhevskij@mail.ru

Abstract. In the article, the author analyzes unknown letters of the papal legate Antonio Possevino (1534–1611) from the collection of the historian – source scholar N.P. Likhachev (1862–1936), which were discovered by the researcher during the study of Russian-Polish documents in the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences on January 25, 2024. Antonio Possevino met several times with Ivan the Terrible, trying to convince the ruler to convert from Orthodoxy to Catholicism, to conclude a religious union. The diplomat acted as an intermediary between Ivan the Terrible, Stefan Batory and the Pope. However, for a number of reasons, the mission of the papal envoy was unsuccessful. And although Muscovy lost in the Livonian War, it did not

change its original faith. The author used various research methods: analysis, synthesis, adhered to a systematic approach and scientific objectivity, used textual analysis, contextual analysis. Textual analysis helped to understand the worldview of Possevino. The letters of the papal envoy presented in the article are introduced into scientific circulation for the first time and were previously not known. The letters help change perceptions of Possevino and his mission, reinterpreting his role in history. The analysis of the sources that we introduce into scientific circulation contributes to the understanding of diplomatic relations between Muscovy and the West in the 16th century. It becomes clear that Muscovy for the papal envoy is a country that is interesting to him. Russia did not seek to advertise its actions in Europe. Evidence of this is that European courts did not feel interest in her, and Possevino, through a familiar bishop, advertised his works. We learn the extra information about Antonio Possevino's personality. The ideological opponent of Ivan the Terrible acquires the features of a living person who is cunning, dodgy and professional. Possevino has a sincere interest (despite the fact that he is an ideological opponent of Ivan the Terrible) in Muscovy, which follows from the nature of these letters. The letters are different in content: in the first more about Posevino's attitude towards Muscovy, in the second about the private religious affairs of the papal legate.

Keywords: historian, archival documents, papal envoy, scientific historical archive, Livonian War, researcher, Antonio Possevino, foreigners about Russia, Ivan the Terrible, diplomacy

References (transliterated)

1. Dzherom G. Zapiski o Rossii. Moskva: MGU, 1990. 288 s.
2. Ul'fel'dt Ya. Puteshestvie v Rossiю datskogo poslannika Yakova Ul'fel'dta v XVI veke. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1889. 61 s.
3. Shtaden G. Zapiski o Moskovii. Moskva: Drevlekhramilishche, 2008. 584 s. EDN: QPOCTD
4. Ivan Groznyi i iezuity: missiya Antonio Possevino v Moskve / sost. i predisl. I. V. Kurukina; perevod s nemetskogo S.P. Gizhdeu; per. s latinskogo L.N. Godovikovoi. Moskva: Agraf, 2005. 256 s.
5. Nauchno-istoricheskii arkhiv SPB II RAN. Kolleksiya 39, karton 589 ed. khran. 4-7.
6. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2004-2017. Rezhim dostupa: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3162196 (data obrashcheniya: 27.04.2025).
7. Nauchno-istoricheskii arkhiv SPB II RAN. Kolleksiya 39, karton 589 ed. khran. 4-7.
8. Nauchno-istoricheskii arkhiv SPB II RAN. Kolleksiya 39, karton 589 ed. khran. 4-7. Sm. 4 s. 198-204.
9. Florya B.N. Ivan Groznyi. Moskva: Akademicheskii proekt, 2019. 421 s.
10. Morozova L.E. Ivan Groznyi glazami sovremennikov. Moskva: Kuchkovo pole, 2022. 384 s.
11. Panova T.D. Ivan Groznyi: ego predki i rodnya: Istoriya v litsakh i sud'by v svete novykh issledovaniy. Moskva: Kuchkovo pole, 2024. 384 s.
12. Mavlyutova G.I., Yusupova L.A., Misbakhova A.G. Pozdnie formy sifilisa: sovremennoe sostoyanie problemy. Rezhim dostupa: <https://www.lvrach.ru/2015/06/15436248> (data obrashcheniya: 27.04.2025).
13. Klyuchevskii V.O. Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve. Moskva: Prometei, 1991. 334 s. EDN: SCGGGB
14. Opisi Nauchno-istoricheskogo arkhiva SPBII RAN. Kolleksiya 39 "Rossika", 1528-1910

gg. Rezhim dostupa: <https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2025/01/arhiv-spbii-ran-zes-kollekciya-39.pdf?ysclid=ma02pha0p8452942975> (data obrashcheniya: 27.04.2025).

15. Opisi Nauchno-istoricheskogo arkhiva SPBII RAN. Kolleksiya 45 "Antonio Possevino", 1836-1840 gg. Rezhim dostupa: <https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2024/12/arhiv-spbii-ran-zes-kollekciya-45.pdf?ysclid=ma02wocval303023580> (data obrashcheniya: 27.04.2025).
16. Possevino A. Istoricheskie sochineniya o Rossii shestnadtsatogo veka. Moskva: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. 272 s.
17. Nauchno-istoricheskii arkhiv SPB II RAN. Kolleksiya 39, karton 589 ed. khran. 6, l. 1-2. Pis'mo episkopu Vyurtsburga. Dokument naiden A.O. Druzhevskim. Perevod osushchestvlyalsya pri podderzhke D.S. Chepelya.
18. Nauchno-istoricheskii arkhiv SPB II RAN. Kolleksiya 39, karton 589 ed. khran. 7, l. 1-2. Kopiya pis'ma neustanovlennomu litsu. Dokument naiden A.O. Druzhevskim. Perevod osushchestvlyalsya pri podderzhke D.S. Chepelya.

The methodology of history and the scheme of the genesis of the revolution in Russia by M.Ya. Gefter (comments on his works "There will be no Third Millennium" and "Stalin died yesterday")

Rozin Vadim Markovich

Doctor of Philosophy

Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Gonchamaya, 12 str.1, kab. 310

✉ rozinvm@gmail.com

Abstract. The article offers comments on two works by Mikhail Gefter, "There will be no Third Millennium" and "Stalin died yesterday." There is a certain agreement between the views of the author and M. J. Gefter regarding the understanding of history and the methodology of history. Several problems that arose when reading these works are discussed: M. Gefter's understanding of history as several local stories with beginnings and endings, different approaches to reconstructing the personalities of Lenin and Stalin, and Gefter's explanation of the logic of the Russian revolution. A methodology for solving these problems is outlined, which involves the analysis of two objects: the first, Gefter, who studies the history of Russia and its heroes (Lenin, Stalin, etc.), and the second object, the author of this article, who analyzes and interprets Gefter's work. Everything is clear to Gefter about Stalin, the leader's life is known in all his deeds, and no definitions other than negative ones can be applied to him. Gefter's attitude to Marx and Lenin is different: he tries to organize a conversation with these historical subjects. From Gefter's point of view, Lenin was close to admitting that there would be no world revolution at all, it could not take place in the form that was expected. The author suggests that Gefter's reconstruction opens up the prospect of resolving the impasse in Russia's development: not revolution, but evolution, not a unitary state, but a federation, thought out and secured by a new social order and law. The last part of the article is a brief historical self-determination of the author. Using the material of personal history and the analysis of the life of Emanuel Swedenborg, he outlines his understanding of history and methodology of history, noting the similarities with the views of Gefter.

Keywords: methodology, mind, evidence, reconstruction, future, the past, time, history, The

chiefs, state

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
2. Borkhes Kh.S. Dumaya vslukh // Borkhes Kh.S. Sobr. Soch.: V 4 t. SPb, 2005.
<http://lib.ru/BORHES/dumaya.txt>.
3. Geftter M.Ya. Tret'ego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. 2023. <https://predanie.ru/book/220783-tretego-tysyacheletiya-ne-budet-russkaya-istoriya-igry-s-chelovechestvom/#/toc3>
4. Geftter M.Ya. Stalin umer vchera // Podborka perestroechnoi publitsistiki. 2024.
yadi.sk/i/4g5q3h7ZZbv4Qg.
5. Kant I. Grezy dukhovidtsa, poyasnennye grezami metafiziki // Kant I. Sobr. Soch.: V 6 t. T. 2. M.: Mysl', 1964. 511 s.
6. Neretina S. Pauza sozertsaniya. Istoriya: arkhaisty i novatory. – M.: Golos, 2018.
7. Rozin V.M. Novaya kontseptsiya istorii: Istoriya kak obraz zhizni lichnosti, sotsial'nyi diskurs i nauka. M.: URSS, 2018. 208 s.
8. Rozin V.M. Obrazy i paradoksy Vselennoi. Prolegomeny k refleksivnoi kontseptsii kosmologii. M.: Golos, 2024. 164 s.
9. Rozin V.M. Ponyatie i fenomen travmy: biologicheskii, psikhologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty // Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox: Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox: <http://vox-journal.org>. Vypusk 42 (sentyabr' 2023). S. 50-69.
10. Rozin V.M. Diskursy istoricheskogo poznaniya i istoriya kak sposob zhizni // Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox: <http://vox-journal.org> Vypusk 27 (dekabr' 2019). S. 34-60.
11. Svedenborg E. O nebesakh, o mire dukhov i ob ade. Kiev: Ukraina, 1993. 336 s.

Mineral and raw material resources of the European North of the RSFSR in the program of scientific study of the natural productive forces of the country in the early years of Soviet power.

Filippova Tatiana Petrovna

PhD in History

Scientific Associate, Komi Scientific Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

167000, Russia, Komi Republic, Syktykar, 24 Kommunisticheskaya str., office 311

 tanya.tatiana-fil@yandex.ru

Abstract. The article brings attention to the problem of mastering the mineral and raw material potential of the European North of Russia through the lens of understanding the historical experience of researching this territory in the early years of Soviet power – from 1917 to the early 1920s, in the context of addressing state tasks related to the study and practical use of the natural productive forces of the RSFSR. The object of study is the activities of state departments and scientific institutions of the RSFSR aimed at the development of natural resources in the European North. The subject of research is the historical role of science in studying the mineral and raw material resources of the European North of the RSFSR and the significance of the results obtained for further industrial development of the region. The basis of the research consists of documents from the funds of the Russian State Historical Archive, the Arctic and Antarctic Research Institute, the Central

State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg, and the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. One of the foundations of the source base of the work consists of published legislative acts that characterize the work of the Soviet government, as well as scientific works by researchers of the North. The methodological basis of the work includes the main principles of modern historical science: historicism and scientific objectivity. The research is based on a systematic approach that allowed for the creation of an objective historical reconstruction of events related to the study of mineral and raw material resources in the European North during the specified time period. Based on the analysis of sources and reliance on methodological approaches, it has been determined that after 1917, the European North was in a zone of special priorities for the government. The need to address state tasks aimed at expanding the mineral and raw material base of the RSFSR to overcome the economic crisis necessitated the wide application of mineral resources from this territory in economic development. This marked the beginning of the intensive activities of scientific institutions (the Geological Committee, the Northern Scientific and Industrial Expedition, the Russian Academy of Sciences), whose main directions became the study of resource potential and its assessment for industrial use. It is concluded that during this period the problem of developing the European North gained national significance, which provided a powerful impetus for its systematic study and industrial development. Familiarity with this historical experience is essential for the implementation of modern plans for the development of the European North of Russia.

Keywords: expedition, geological research, scientist, state plan for electrification, USSR, RSFSR, productive forces, mineral and raw material resources, European North, scientific study

References (transliterated)

1. Goroshko N. V., Patsala S. V. K voprosu o "severnoi" strategii Rossii: osvoenie ili zaselenie // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2020. № 52. S. 88-103. DOI: 10.17223/19988648/52/6 EDN: JYOFJD.
2. Lazhentsev V. N. Mineral'no-syr'evye resursy severnykh regionov v usloviyakh novoi industrializatsii Rossii // SEVER i RYNOK: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. 2023. № 3. S. 7-21. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.001 EDN: AKEEEL.
3. Saburov A. A. Organizatsiya sovetskikh arkticheskikh issledovaniy v 1920-kh gg. planirovanie i koordinatsiya nauchnoi deyatel'nosti // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2016. № 3. S. 41-48. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.41 EDN: WKXLUX.
4. Timoshenko A. I. Sovetskii opyt osvoeniya Arktiki i Severnogo morskogo puti: formirovanie mobilizatsionnoi ekonomiki // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2013. T. 14. № 1-2. S. 73-95. EDN: RXBWSN.
5. Karpov V. P. Sovetskii istoricheskii opyt osvoeniya Arktiki v zerkale sovremennykh problem // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2020. № 63. S. 25-30. DOI: 10.17223/19988613/63/3 EDN: HTVDJG.
6. Emelina M. A., Savinov M. A., Filin P. A. Letopis' Arkticheskogo instituta: ot Sevekspeditsii do GNTs RF AANIIB 1920-2020 gg.: istoriya polyarnykh issledovaniy. V 2 t. Pod redaktsiei chl.-korr. RAN, dokt. geogr. nauk I. E. Frolova i dr. T. 1. M.: Paulsen, 2020. 822 s. EDN: KSTIHF.
7. Zykin I. V. Regional'nye lesopromyshlennye komplekсы evropeiskogo Severa SSSR v strategii pervogo pyatiletnego plana // Uchenye zapiski Petrozavodskogo

- gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 42. S. 44-53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.549 EDN: MXWSZS.
8. Brovina A. A. Nauchnoe osvoenie evropeiskogo Severa Rossii (konets XIX - pervaya polovina XX v.). Syktyvkar: FITs Komi NTs UrO RAN, 2022. 576 s. DOI: 10.19110/89606-047 EDN: NZZRCB.
 9. Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii. 3 chasti v 5 tt. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1773-1788.
 10. Lepekhin I. I. Puteshestviya akademika Ivana Lepekhina v 1772 godu. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1805. Ch. 4. 404 s.
 11. Shirokshin N. V. Geognosticheskii obzor beregov Kandalakshskoi guby i Belogo morya do g. Kemi v Arkhangel'skoi gubernii // Gornyi zhurnal. 1835. Ch. I. Kn. 3. S. 397-427.
 12. Shrenk A. I. Puteshestvie k Severo-Vostoku evropeiskoi Rossii cherez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram. SPb.: Tipografiya Grigoriya Trusova, 1855. 665 s.
 13. Baer K. E. v. 1838 Expédition à Novaia-Zemlia et en Laponie // Bull. Scient. Publié par l'Acad. Impériale des Sci. de St.-Petersbourg, 1838. T. 3. № 8-9. R. 132-144.
 14. Middendorf A. Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lappland während der Sommer-Expedition im Jahre 1840 // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, 1845. Bd. 2. P. 139-182.
 15. Keyserling A. und Krusenstern P. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land, im Jahre 1843. St.-Peterburg: Gedruckt und zu haben bei Carl Kray, 1846. 465 p.
 16. Gofman E. K., Koval'skii M. A. Severnyi Ural i beregovoi khrebet Pai-Khoi: Issledovaniya ekspeditsii, snaryazhennoi Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom v 1847, 1848 i 1850 godakh. T. 1-2. SPb.: Tip. Imperatorskaya Akademiya nauk, 1853-1856.
 17. Fedorov E. S. Novye dannye po geologii Severnogo Urala // Izvestiya Geologicheskogo komiteta. 1889. T. 8. № 1. S. 7-20.
 18. Chernyshev F. N. Orfograficheskii ocherk Timana // Trudy Geologicheskogo komiteta. 1915. T. 12. № 1. S. 1-136.
 19. Rippas P. B. Kol'skaya ekspeditsiya 1898 goda (predvaritel'nyi otchet) // Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1898. T. 35. Vyp. 3. S. 292-312.
 20. Polevoi P. I. Ukhtinskii neftenosnyi raion // Zapiski Russkogo tekhnicheskogo obshchestva. Spb. 1908. № 1. S. 29-35.
 21. Zamyatin A. N., Yakovlev N. N. O rezul'tatakh issledovaniya v Yuzhnom Timane // Izvestiya Geologicheskogo komiteta. 1910. T. 29. № 2. S. 158-162.
 22. Sokolov V. I., Sokolov D. V. Kratkii otchet ob issledovaniyakh v 1916 g. v predelakh Olonetskogo kraya rudnykh mestorozhdenii, uglei, stroitel'nykh materialov i drugikh poleznykh iskopaemykh // Izvestiya Geologicheskogo komiteta. 1917. № 1. S. 94-122.
 23. Kassin N. G., Polkanov A. A. [Geologicheskie issledovaniya vdol' linii Murmanskoi zheleznoi dorogi v raione Kol'skogo poluostrova] // Izvestiya Geologicheskogo komiteta. 1918-1926. T. 37. № 1. S. 129-142.
 24. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 36. M.: Izdatel'stvo Politicheskoi literatury, 1974. 741 s.
 25. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1917-1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M.: b.i., 1942. 1483 s.
 26. Volin M. S. Organizatsiya izucheniya estestvennykh resursov sovetskoi strany v 1917-

- 1920 gg. // Voprosy istorii. 1956. № 2. Fevral'. С. 80-88.
27. Obzor nauchno-izdatel'skoi deyatel'nosti komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii 1915-1920 gg. / Sost. G. P. Blok. Pgr.: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1920. 120 s.
 28. Fersman A. E. Polevye shpaty. Estestvennye proizvoditel'nye sily Rossii // Komissiya po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii, sostoyashchaya pri Ros. akad. nauk. / Sost. Geologicheskii komitet. T. 4. Poleznye iskopaemye. Pgr.: Pervaya gosudarstvennaya tipografiya, 1919. 19 s.
 29. Eremina E. V. Barit i viterit. Estestvennye proizvoditel'nye sily Rossii // Komissiya po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii, sostoyashchaya pri Ros. akad. nauk. / Sost. Geologicheskii komitet. T. 4. Poleznye iskopaemye. Vyp. 30. Pgr.: Pervaya gosudarstvennaya tipografiya, 1919. 37 s.
 30. Fondy Arkticheskogo i Antarkticheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (AANII). D. R-1724.
 31. Kalitskii K. P. Ukhtinskii neftenosnyi raion // Neftyanoe i slantsevoe khozyaistvo. 1921. № 9-12. S. 115-119.
 32. Gubkin I. M. Ukhtinskii neftenosnyi raion // Izvestiya neftyanogo komiteta. 1918. № 1. S. 22-27.
 33. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 58. Op. 2. D. 763.
 34. Fondy AANII. D. R-1728.
 35. RGIA. F. 58. Op. 2. D. 763.
 36. Fondy AANII. D. R-1726. Kn. 4.
 37. Osnovaniya proekta elektrifikatsii Severnogo raiona. Sostavleno Gosudarstvennoi Komissiei po Elektrifikatsii Rossii. Pgr.: Nauchnoe khimiko-tekhnicheskoe izdatel'stvo, 1920. 75 s.
 38. Plan elektrifikatsii RSFSR. Vvedenie k dokladu VIII s"ezdu Sovetov Gosudarstvennoi komissii po elektrifikatsii Rossii. M.: Gos. tekhn. izd-vo, 1920. S. 181.
 39. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv nauchno-tekhnicheskoi dokumentatsii g. Sankt-Peterburga (TsGANTD SPb). F. R-369. Op. 1-1. D. 1.
 40. Fondy AANII. D. R-1719.
 41. Trudy Severnoi nauchno-promyslovoi ekspeditsii. Vyp. 14: Raboty otryadov Sevekspeditsii v 1921 g.: predvarit. otchet. SPb.: Gos. izd-vo, 1922. 95 s.
 42. GU RK "Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi" (GU RK "NA RK"). F. r-139. Op. 1. D. 400. L. 7-8.
 43. Chernov A. A. O geologicheskikh issledovaniyakh v 1926 g. v basseine B. Syni i Lun-Vozha (listy 122 i 123) // Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Geologicheskogo komiteta za 1925-1926 gg. L.: Geologicheskii komitet, 1927. S. 50-51.
 44. Varsanof'eva V. A. O geologicheskikh issledovaniyakh v raione 124-go lista v 1927 g. // Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Geologicheskogo komiteta za 1926-1927 gg. L.: Geologicheskii komitet, 1927. S. 65-67.
 45. Nalivkin D. V. O geologicheskom stroenii Ukhtinskogo neftenosnogo raiona // Neft' i slantsevoe khozyaistvo. 1923. T. 4. № 2. S. 232-235.
 46. Cherepennikov A. A. Poezdka v Ukhtinskii raion v 1926 g. // Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Geologicheskogo komiteta za 1925-1926 gg. L.: Geologicheskii komitet, 1927. S. 267-268.
 47. Khibinskie apatity. Sbornik statei pod red. akad. A.E. Fersmana. D.: Izdanie Gostresta "Apatit", 1930. 300 s.

48. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (SPbF ARAN). F. 922. Op. 1. D. 22.
49. Geologicheskaya izuchennost' SSSR. T. 2 Karel'skaya ASSR. Period 1918-1940 gg. Vyp. 2. Rukopisnye raboty. L.: Nauka, 1974. 323 s.
50. Timofeev V. M., Kupletskii B. M. Stroitel'nye materialy Severozapadnoi oblasti: 1. Severnaya chast' // Estestvennye mineral'nye stroitel'nye materialy Evropeiskoi chasti SSSR. L.: Nauch.-tekhn. otd. VSNKh, 1925. 68 s.
51. Borisov P. A. Keramicheskie pegmatity Karelo-Finskoi SSR. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSSR, 1948. 187 s.
52. Labuntsov A. N. Pegmatity Severnoi Karelii i ikh mineraly. M.-L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1939. 260 s.
53. SPbF ARAN. F. 75. Op. 1. D. 33.
54. SPbF ARAN. F. 75. Op. 1. D. 91.
55. Novaya Zemlya. Ekspeditsiya 1921-1927 gg. pod nachal'stvom R. L. Samoilovicha // Trudy Instituta po Izucheniyu Severa. Vyp. 40. M.: Nauchno-tekhnicheskoe upravlenie VSNKh, 1929. 360 s.
56. Pyatiletnii plan narodno-khozyaistvennogo stroitel'stva SSSR. Tret'e izdanie. M.: Izd-vo "Planovoe khozyaistvo", T. 1-3. 1930.

The 1925 International Exhibition in Paris and the crimean exhibits: on the question of preparing the traditional costume of the Crimean Tatars and crafts related to its production

Islaymova Viktoriya Aleksandrovna

PhD in History

Senior Lecturer; Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295044, Russia, Rep. Crimea, Simferopol, Zalesskaya str., 80, sq. 32

✉ victorianage89@gmail.com

Abstract. The history and features of the preparation of Crimean Tatar exhibits related to traditional costume, which were exhibited at the International Exhibition of Modern Decorative and Industrial Arts in Paris in 1925, were examined. The general scientific principles of generalization, historicism, and objectivity were applied in the article. Thanks to special methods (the method of historical reconstruction, comparative-historical, historical-genetic, and retrospective methods) in the process of comparing new written sources (Soviet periodicals, reports, programs of the event, diaries of the organizers, and the exhibition catalog), the stages of collection, preparation, and direct display of details of the Crimean Tatar costume were identified.

The novelty of the research based in the fact that the leading role of U. Bodaninsky in the presentation of his concept, sketches, selection of items for the exhibition, the Preparation Program and cost estimate, and the problem of rewarding exhibitors.

It was concluded that the International Exhibition of Modern Decorative and Industrial Arts in Paris in 1925 was one of the most important events in the cultural life of the Crimean Tatars, since the traditional costume were seen by millions of visitors, a high level of craftsmanship and a wide range of products were demonstrated.

The contribution and responsible attitude of the organization of the event are shown, who, thanks to the employees of Crimean museums and Crimean Tatar artisans, was able to collect a collection.

A number of issues were identified and resolved: that U. Bodaninsky was denied a visa; the

names of some of the artisans who created exhibits presenting traditional costume were presented; an attempt was made to systematize the exhibitors' awards related to costume, nominations and a list of exhibits that received a bronze medal from the international jury were identified.

Keywords: USSR, awards, traditional costume, Crimean ASSR, World Exhibition, U. Bodaninsky, handicraft production, Crimean Tatars, Paris, bronze medal

References (transliterated)

1. Agisheva I. N., Pokka E. V. Tvorchestvo arkhitekтора Konstantina Mel'nikova // Izvestiya KGASU. 2017. № 3 (41). S. 7-14. EDN: ZHJPBR.
2. Alpashkina O. N. Prosvetitel'skaya, okhrannaya deyatel'nost' i etnograficheskie issledovaniya Bakhchisaraiskogo muzeya v pervye desyatiletiya sovetskoi vlasti // Etnografiya Kryma XIX – XXI vv. i sovremennye etnokul'turnye protsessy: Materialy i issledovaniya. Vyp. 3 / otv. red. M. A. Aradzhioni, L. A. Naumenko. Simferopol': SGG, 2012. S. 12-18.
3. Bartram N. SSSR na Parizhskoi vystavke // Sovetskoe iskusstvo. 1925. № 1. S. 95-96.
4. Bogomazov S. Sovetskoe iskusstvo na putyakh kul'turnoi smychki s zagranitse // Sovetskoe iskusstvo. 1928. № 4. S. 69-74.
5. Bodaninskii U. A. Sobranie sochinenii. Tom II. Dnevnik: 1923-1926 gg. Kazan'-Simferopol': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. 264 s.
6. Vlasov V. P., Bukhtoyarova V. A. Traditsionnyi kostyum krymskikh tatar na Mezhdunarodnoi vystavke sovremennykh dekorativnykh i promyshlennykh iskusstv (Parizh, 1925 g.) // Etnografiya Kryma XIX – XXI vv. i sovremennye etnokul'turnye protsessy: Materialy i issledovaniya. Vyp. 3 / otv. red. M. A. Aradzhioni, L. A. Naumenko. Simferopol': SGG, 2012. S. 349-356.
7. Golubev A. V., Nevezhin V. A. Formirovanie obraza Sovetskoi Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-kh gg. / In-t rossiiskoi istorii Rossiiskoi akad. nauk. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 238 s. EDN: VXAGGN.
8. Zheltukhina O. Krymskie eksponaty na vystavke v Parizhe v 1925 g. // Golos Kryma. 2007. 2 fevr. S. 7.
9. Iskusstvo narodov SSSR // Tugendkhol'd Ya. A. Iskusstvo Oktyabr'skoi epokhi. Leningrad, 1930. S. 78-97.
10. Ioffe A. E. Internatsional'nye, nauchnye i kul'turnye svyazi Sovetskogo Soyuz. 1928-1932. M.: Nauka, 1969. 199 s.
11. Klimov G., Yuniverg L. Spisok nagrazhdennykh eksponentov otдела SSSR. URL: https://web.archive.org/web/20200108013946/http://lamanova.com/16_list-exhibitors-1925.html (data obrashcheniya: 01.02.2025).
12. Kogan P. S. G.A.Kh.N. i nashi khudozhestvennye vystupleniya za granitse // Iskusstvo: ezhemesyachnyi zhurnal Glaviskusstva Narkoprosa RSFSR. 1929. № 3-4. S. 10-15.
13. K uchastiyu Kryma na Parizhskoi vystavke // Krasnyi Krym. 1925. 24 yanvara.
14. Manukyan D. V. Novye tendentsii vystavochnogo proektirovaniya v kontekste Mezhdunarodnoi vystavki v Parizhe 1925 goda // Artikul't: nauchnyi elektronnyi zhurnal. 2015. № 19(3). S. 44-53. EDN: VHXZNZ.
15. Medal' krymskim eksponatam // Krasnyi Krym. 1925. 17 noyabrya.

16. Morits V. E. Sovetskii otдел Mezhdunarodnoi vystavki dekorativnykh iskusstv v Parizhe 1925 g. // Byulleteni GAKhN. M., 1926. № 2-3. S. 7-17.
17. Mosk B. SSSR na vystavke dekorativnykh iskusstv v Parizhe // Krasnyi Krym. 1925. № 92.
18. Musaeva U. K. Podvizhniki krymskoi etnografii, 1921-1941: Istoriograficheskii ocherk. Simferopol': Tavriya, 2004. 212 s.
19. Otppravka eksponatov okonchena // Krasnyi Krym. 1925. № 51.
20. Pis'mo Ya. A. Tugendkhol'da P. S. Koganu ot 7 yanvarya 1925 goda // Volkova N., Shumikhin S. Vstrechi s proshlym: Vyp. 8. M.: RGALI, Russkaya kniga, 1996. S. 400-401.
21. Programma uchastiya Krymskoi Respubliki v Parizhskoi vystavke // GARK, f. R.-652, op. 1, d. 839, l. 8-9 ob.
22. Rodchenko A. V Parizhe: iz pisem domoi. M.: Ad Marginem Press, 2014. 136 s.
23. Sokolov A. S. Rossiya i SSSR na Vsemirnykh vystavkakh XX-XXI vekov // Novaya i Noveishaya istoriya. 2018. № 2. C. 125-143. EDN: YTIOFM.
24. SSSR i Parizhskaya vystavka 1925 g.: mneniya otvetstvennykh politicheskikh deyatelei. M.: Svyaz', 1925. 15 s.
25. Sysoeva E. V. Mezhdunarodnaya vystavka dekorativnogo i industrial'nogo iskusstva 1925 goda v Parizhe // Visnik Kharkivs'koï derzhavnoï akademii dizainu i mistetstv: zb. nauk. prats'. 2009. № 11. S. 137-147.
26. Tugendkhol'd Ya. A. K uchastiyu SSSR na mezhdunarodnoi Parizhskoi vystavke (Pis'mo iz Moskvyy) // Krasnyi Krym. 1925. 28 dekabrya. № 299 (1216).
27. Uspekhi SSSR na Mezhdunarodnoi Vystavke Dekorativnykh Iskusstv v Parizhe // Sovetskoe iskusstvo. 1925. № 9. S. 89.
28. Uchastie Kryma v Parizhskoi vystavke // Krasnyi Krym. 1925. № 11.
29. Exposition de 1925: Section URSS: catalogue: Exposition internationale des arts decoratifs et industriels modernes (1925: Paris, France) / Section de l'Union des Republiques Sovietistes Socialistes. Academie russe des Sciences de l'Art. Paris, 1925. Paris: [Imprimerie Kapp], 1925. 227 p.
30. Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes, Paris 1925: Liste des récompenses / Ministère du commerce, de l'industrie, des postes et des télégraphes. Paris: Imprimerie Nationale, 1925. 176 p.
31. Kozhanova M. Curating national renewal: the significance of arts and crafts in the construction of Soviet identity at the 1925 Exposition internationale des arts décoratifs et industriels modernes in Paris // Art East Central. 2023. Vol. 3. Iss. 3. Pp. 37-57. DOI: 10.5817/aec2023-3-3 EDN: UFPOMF.
32. L'Art Decoratif et Industriel de l'U.R.S.S. / Comite de la section de l'U.R.S.S. a l'Exposition Internationale des Arts decoratifs. Paris, 1925. Moscow, 1925. 156 p.
33. Waleffe de M. Une promenade a l'Exposition des Arts decoratifs // Les Modes: revue mensuelle illustrée des arts décoratifs appliqués à la femme. 1925. 01 juillet. Rr. 2-3.

Illegal financial and economic activities of Lenmyasorybtorg during the years of «Khrushchev reformism»

Khaziev Rustem

Doctor of History

Professor; Institute of History and Public Administration; Ufa University of Science and Technology

Office 512, Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

✉ khazievra@mail.ru

Goffer Pavel Sergeevich

Postgraduate student; Institute of History and Public Administration; Ufa University of Science and Technology

Office 512, Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

✉ pavel.goffer@mail.ru

Abstract. A diverse array of materials from the State Archives of the Russian Federation, introduced into scientific circulation for the first time, and examines the shadow financial and economic activities of the Leningrad meat and fish retail trade (Lenmyasorybtorg) during the «Khrushchev thaw» were analyzed in the article. The measured liberalism in the economic sphere, characteristic of the period of «Khrushchev reformism», contributed not only to the improvement of the economic situation in the country, but also to the development of the shadow economy. The illegal financial and economic activities of the management of «Lenmyasorybtorg», as well as employees of subordinate institutions, in the absence of proper control from higher party and state organizations of Leningrad, who often used the services of trade and stores, contributed to the establishment of a new social category – «Khrushchev's rich» from among trade workers. «The workers of the counter», using the privilege of free access to material and commodity values and financial and economic resources, openly demonstrated the desire for a better life, which they provided for themselves and their loved ones using various fraudulent schemes. The purpose of the article is to concretize the assertion in the post-Stalin period of shadow practices implemented by trade organizations for the purpose of personal enrichment, when underground profit was obtained due to the secret implementation of various types of economic and financial machinations. The conducted research allowed us to reveal that in the era of N. S. Khrushchev, when the idea of consumerism gradually began to spread in Soviet society, trade organizations were a kind of Eldorado for earning illegal money. They developed and used various schemes that made it possible to extract unearned income, gradually undermining the foundations of the planned socialist economy.

Keywords: fraud, food products, Lenmyasorybtorg, Leningrad region, Leningrad, planned economy, trade, Khrushchev thaw, shadow economy, Soviet Control Commission

References (transliterated)

1. Beznin, M. A., Dimoni, T. M. Torgovlya potrebitel'skimi tovarami v sovetskoi Rossii 1950-1980-kh gg. // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki. 2021. № 3 (22). S. 14-19. EDN: UZLGOD.
2. Berkutov, A. S. Nekotorye osobennosti razvitiya organov BKhSS v 1940-1960-ye gody // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2009. № 5. S. 70-72. EDN: LLVDRL.
3. Bogdanov, S. V. Popytki N.S. Khrushcheva aktivizirovat' bor'bu s ekonomicheskoi prestupnost'yu v SSSR // Vestnik arkhivista. 2012. № 3. S. 206-217. EDN: NRZKHR.
4. Vel'mozhko, I. N. Sotsial'nye transformatsii v period "khrushchevskoi ottepeli" // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2016. T. 26, № 4. S. 93-100. EDN: UGPMZX.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF). F. A-340. Op. 1. D. 613.
6. Grigor'eva, A. G. Zarabotnaya plata kak osnovnoi istochnik sovokupnykh dokhodov

- rabochikh v 1953-1964 gg. // *Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI*. 2011. № 4-6 (50-52). S. 75-78. EDN: SIRZBZ.
7. Moroz, I. A. *Gosudarstvennaya trgovaya set': problemy razvitiya i itogi, 1950-1960 gody: po materialam Bryanskoi oblasti: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Bryansk, 2019. 26 s. EDN: MKMAKC.
 8. Nikiforov, Yu. S. Ideologo-politicheskoe obespechenie transformatsii ekonomiki i sotsiuma v SSSR 1950-80-kh gg.: istoricheskie vyzovy i skrytye tendentsii // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. T. 26, № 4. S. 50-57. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-50-57>. EDN: RVSKPZ.
 9. Pashin, V. P., Bogdanov, S. V., Emel'yanov, S. G., Zyubin, O. P. *Ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR: ot Khrushcheva do Gorbacheva (problemy determinatsii, masshtaby, formy i osobennosti gosudarstvennogo protivodeistviya)*. Kursk: Yugo-Zapadnyi gos. un-t, 2012. 372 s. EDN: QSUDDJ.
 10. Pertsev, V. A. *Razrabotka i realizatsiya v sovetskom gosudarstve kontseptsii obshchestva potrebleniya v 1950-1960-e gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. № 8. S. 110-113. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.26>. EDN: ZDRBNF.
 11. Pogrebnyak, A. I. *Statistika pravonarushenii v sisteme gosudarstvennoi i kooperativnoi trgovli Sibiri v seredine 1940-kh-1980-kh gg. // Vestnik KrasGAU*. 2006. № 11. S. 321-332. EDN: KYHUSP.

Russian-Czech Cultural, Enlightenment, and Scientific Cooperation at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Key Personalities and Areas of Cooperation

Tashchian Daniil Andreevich

Postgraduate student; Faculty of History, Sociology and International Relations; Kuban State University

350058, Russia, Krasnodar territory, Krasnodar, st. Stavropol, 183/1, sq. 114

✉ tas1998@yandex.ru

Abstract. The article studies cultural, educational and scientific aspects of interaction between Russia and the Czech Republic at the turn of the XIX-XX centuries. The analysis focuses on institutional models of cooperation, the activities of key personalities and their contribution to the formation of Slavic studies, the development of legal and literary thought, musical and theatrical dialogue. Special attention is paid to transnational and interdisciplinary practices, as well as the role of cultural mediators in the formation of a common Slavic space. Through the biographies of I.S. Palmov, F.F. Siegel, V.A. Frantsev, A.A. Vrzal, J. Rokita and others, it is demonstrated how personal and institutional ties ensured the circulation of ideas, shaped intellectual reference points and contributed to the development of models of cultural autonomy in the conditions of imperial multiculturalism. The cooperation culminates in Neo-Slavism as a form of ideological consolidation aimed at preserving the identity and developing the project thinking of Slavic peoples. The study reveals stable patterns of interaction, in which cultural exchange acted not only as a means of communication, but also as a strategic platform of civilizational choice on the eve of geopolitical transformations of the XX century. Scientific novelty of the study consists in a comprehensive interdisciplinary analysis of Russian-Czech cultural, educational and scientific interaction at the turn of the XIX-XX centuries, presented through the prism of personalized practices, institutional models and transnational strategies of humanitarian integration. For the first time, the biographies and contributions of such key figures as I.S. Palmov, F.F. Siegel, V.A. Frantsev, A.A. Vrzal and Ya. Rokita, with emphasis on their role in shaping Slavic studies, legal thought and literary dialog.

Special attention is paid to conceptualizing Neo-Slavism not as a completed ideological construct, but as a dynamic intellectual project with the potential for cultural consolidation. The author interprets Czech diaspora structures as hybrid forms of cultural autonomy combining diplomatic, educational and enlightening functions.

Keywords: Russian-Czech Relations, Cultural Exchange, Slavic Reciprocity, Neo-Slavism, Intercultural Dialogue, Czech Diaspora, Musical and Theatrical Interaction, Institutional Cooperation, Cultural Mediation, Slavic Studies

References (transliterated)

1. Vedernikov, M. V. Organizovannoe politicheskoe dvizhenie chekhov v Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voyny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03 / M. V. Vedernikov. – M., 2017. – 273 s. EDN: PAIKKW.
2. Vlček, R. K istokam cheshskoi istoricheskoi rusistiki // Rossiya i Chexiya: nauchnye, kul'turnye i obshchestvennye svyazi: materialy komissii istorikov i arkhivistov Rossiiskoi Federatsii i Cheshskoi Respubliki. – SPb.: Aleteiya, 2016. – S. 27.
3. Vrzal, A. Pis'mo k A. M. Skabichevskomu. 1891 // Mezhdunarodnye svyazi russkoi literatury (po sobraniyam Pushkinskogo Doma). – SPb., 2017. – S. 212-213.
4. Doubek, V. Mezhdru Venou i Moskvou // Rodina. – 2001. – № 1-2. – S. 109-110.
5. Egorova, K. B. K istorii rusko-cheshskikh kul'turnykh vzaimosvyazei: A. Vrzal i A. M. Skabichevskii // Slavyanskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. – 2021. – № 1. – S. 300-303. DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.04 EDN: PAVBUA.
6. Lapteva, L. P. Dolgii moi put' po cheshskoi slovesnosti (Bal'mont i cheshskie pisateli) // Voprosy literatury. – 1992. – Vyp. 2. – S. 307-328.
7. Lapteva, L. P. Kontakty F. F. Zigelya s cheshskimi uchenymi (po dannym perepiski) // Problemy slavyanovedeniya. – 2006. – № 6. – S. 96-103.
8. Lapteva, L. P. K voprosu o rusko-cheshskikh nauchnykh kontaktakh v kontse XIX – nachale XX vv. F. F. Zigel' (1845-1921) i Ya. Čelakovskii (1846-1914) // Problemy slavyanovedeniya i medievistiki. – SPb., 2009. – S. 252-278.
9. Lapteva, L. P. Professor Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii I. S. Pal'mov kak istorik zarubezhnykh tserkvei // Slavyanskii al'manakh. – 2011. – № 1. – S. 25-35. EDN: PVYQZN.
10. Lapteva, L. P. Slavyanskije svyazi Adol'fa Chernogo // Istoriya zapadnykh i yuzhnykh slavyan v osveshchenii russkoi istoriografii XIX-XX vv.: sbornik statei. – SPb.: Aleteiya, 2013. – S. 188-199.
11. Lapteva, L. P. Rusko-cheshskie nauchnye svyazi vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX veka. Po dannym perepiski uchenykh // Novaya i noveishaya istoriya. – 2016. – № 1. – S. 83. EDN: VVGOMZ.
12. Otchet "Cheshskogo vspomogatel'nogo obshchestva" v Petrograde za 1908 g. – SPb., 1909. – S. 8-9.
13. Serapionova, E. P. Novyi rubezh rusko-cheshskikh kul'turnykh svyazei // Slavyanskii al'manakh. – 2002. – № 2. – S. 431-443.
14. Filatova, O. I. Cheshskie muzykanty v pervom teatral'nom agentstve dlya Rossii i zagranitsy E. N. Razsokhinoi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. – 2011. – № 2. – S. 54-59. EDN: NYDDMT.
15. Čelakovský, J. Moje zápisky 1871-1914. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/40374484_Jaromir_Celakovsky_Moje_zapisky_1871-1914 (data obrashcheniya: 19.12.2024).

16. Kotov, V. Sokolské hnutí v Moskvě. Magisterská diplomová práce. – Masarykova univerzita v Brně, 2015. – S. 51.
17. Pospíšil, I. Alois Augustin Vrzal: koncepce a dokumenty // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské Univerzity. – 1993. – D. 40. – S. 53-62.

Formation of Jules Ferry's socio-political views in the 1860s.

Ignatchenko Igor V.

PhD in History

Associate Professor, Department of General History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia

✉ ignatchenko_igor@mail.ru

Abstract. Jules Ferry is a principle French politician of the last third of the XIX century, who can rightfully be considered one of the "founding fathers" of the Third Republic in France. His early views were quite contradictory: he called himself a liberal and a republican, but his political opponents sometimes defined him even as a socialist. He played an important role as a journalist and pamphleteer in the liberalization of the authoritarian Second Empire in France in the 60s of the XIX century. However, despite the importance of his political heritage, expressed in the establishment of republican values and institutions in the 80s of the XIX century, the formation of his socio-political views was not examined properly in historiography. There is still no special research on this topic in Russian Federation. The sources for writing this article were his numerous speeches, pamphlets, letters, newspaper articles written by him, as well as the memoirs of his contemporaries. The important issue explored in this article is the correlation of liberal and republican ideas in his system of views in the 60s of the XIX century, that is, until the moment when he began political activity, becoming a member of parliament in 1869.

The article draws an important conclusion that in the 1860s Ferry was much closer to the classical liberals than to the "red" Republicans. It is concluded that there was a lot of classical liberal ideas in J. Ferry's views: he was a supporter of "necessary freedoms" (the expression of A. Thiers), he supported the idea of decentralizing France and condemned attempts to rehabilitate the Terror of the French Revolution at the end of the XVIII century. At the same time, like all other liberals, he defended the gains and values of the Revolution.

Keywords: Emile Olivier, Leon Gambetta, Napoleon III, Jules Ferry, liberalism, the Second Empire, republicanism, XIX century, France, Third Republic

References (transliterated)

1. Thermeau G.-M. Jules Ferry: pourquoi tant de haine? // Contrepoints, 16.06.2021. URL: <https://www.contrepoints.org/2021/06/16/187146-jules-ferry-pourquoi-tant-de-haine> (data obrashcheniya 24.06.2024).
2. Jaurès J. Socialisme et radicalisme en 1885. Préface aux discours parlementaires. Genève, Slatkine, 1980. P. 28-29.
3. Guilhaume P. Jules Ferry. Paris, Albin Michel, 1980. P. 7.
4. Reclus M. Jules Ferry, 1832–1893. Paris, Flammarion, 1947. P. 44.

5. Jules Ferry, fondateur de la Republique. Actes du colloque organisé par l'EHESS / François Furet (dir.). Paris, Ed. de l'EHESS. 1985. P. 8.
6. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 567.
7. Guilhaume P. Jules Ferry. Paris, Albin Michel, 1980. P. 12.
8. Reclus M. Jules Ferry, 1832–1893. Paris, Flammarion, 1947. P. 11.
9. Guilhaume P. Jules Ferry. Paris, Albin Michel, 1980. P. 13.
10. Barral P. Jules Ferry. Une volonté pour la Republique. Nancy, Presses universitaires de Nancy, 1985. P. 6.
11. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 25.
12. Pottecher M. Jules Ferry. Paris, Gallimard, 1930. P. 53.
13. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 27.
14. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 7. Discours sur la politique interieure. P. 78.
15. Pottecher M. Jules Ferry. Paris, Gallimard, 1930. P. 57.
16. Dreyfus F.-C. Notice sur Jules Ferry à l'assemblée générale de l'Association des secrétaires et anciens secrétaires de la Conférence des avocats à Paris, le 18 décembre 1893, Nancy, Impr. de Berger-Levrault, 1893. P. 7.
17. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. P. 4-5.
18. Ignatchenko I.V. Zhyul' Favr: politicheskie vzglyady i deyatel'nost' «sinego» respublikantsa vo Frantsii XIX veka // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2023. № 4. S. 142-155. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.40828 EDN: USWWNH URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_40828.html
19. Rambaud A. Jules Ferry. Paris, Librairie Plon, 1903. P. 3.
20. Ignatchenko I.V. L. Gambetta v bor'be za respubliku vo Frantsii (1868–1875) // Voprosy istorii. 2024. №2. S. 44-54.
21. Anceau É. Émile Ollivier, ses réseaux politiques et le pouvoir sous le Second Empire in: Liens personnels, réseaux, solidarités en France et dans les îles britanniques (XIe–XXe siècle) / D. Bates, V. Gazeau (dir.). Paris, Éditions de la Sorbonne, 2006. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/74849> (data obrashcheniya 24.06.2024).
22. Ollivier E. Empire liberal. 18 vols. Paris, Ed. Garnier frères, 1900. T. V. P. 47.
23. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. Paris, A. Colin, 1893. P. 24.
24. Le Courier de Paris, 13.VI. 1860.
25. Le Courier de Paris, 6.VII. 1860; Le Courier de Paris, 9.VII. 1860.
26. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 12.
27. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 16.
28. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 54.
29. Ollivier E. Empire liberal. 18 vols. Paris, Ed. Garnier frères, 1902. T. VI. P. 557.
30. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 217.
31. Dreyfus F.-C. Notice sur Jules Ferry à l'assemblée générale de l'Association des secrétaires et anciens secrétaires de la Conférence des avocats à Paris, le 18 décembre 1893, Nancy, Impr. de Berger-Levrault, 1893. P. 7.
32. Ferry J. La lutte electorale en 1863. Paris, E. Dentu, 1863. 375 p.
33. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols.

- Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 91.
34. Un projet de décentralisation. Nancy, Vagner, 1865. P. 3.
 35. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 557-563.
 36. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 29.
 37. Quinet E. La Revolution. Paris, Belin, 1987. 802 p.
 38. Rambaud A. Jules Ferry. Paris, Librairie Plon, 1903, 553 p. P. 11.
 39. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863–1871. P. 99.
 40. Le Temps, 6.I.1866.
 41. Ferry J. Les comptes fantastiques d'Hausmann. (Suivi de) Les Finances de l'Hôtel de Ville / Jules Ferry; par J.-E. Horn. Paris, Guy Durier. 1869. P. 9.
 42. Barral P. Jules Ferry. Une volonté pour la Republique. Nancy, Presses universitaires de Nancy, 1985. P. 24.
 43. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. P. 166-167.
 44. Gaillard J.-M. Jules Ferry. Paris, Fayard, 1989. P. 219.
 45. Ferry J. Lettres de Jules Ferry. 1846–1893. Paris, Calmann-Levy, 1914. P. 55.
 46. Barral P. Gambetta et Ferry, amis et rivaux // Revue historique, 2008/4 (n° 648), pp. 891-919. URL: <https://www.cairn.info/revue-historique-2008-4-page-891.htm> (data obrashcheniya 24.06.2024).
 47. Barral P. Les fondateurs de la Troisième République. Paris, Colin, 1968. P. 65-70.
 48. Arzakanyan M.Ts. Stanovlenie Tret'ei Respubliki vo Frantsii // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 56. S. 210-228. URL: <https://roii.ru/r/1/56.11> (data obrashcheniya 24.06.2024).
 49. Ferry J. Discours et opinions politiques de Jules Ferry / Ed. par P. Robiquet. 7 vols. Paris, A. Colin, 1893. Vol. 1. 1863-1871. P. 189.

Production activities of food industry enterprises in besieged Leningrad (1941-1943)

Gribacheva Anastasiya Pavlovna

Postgraduate student; Higher School of Social Sciences of the Humanitarian Institute; Peter the Great St.
Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, Saint Petersburg, Politechnicheskaya str., 29

✉ gap.418@yandex.ru

Abstract. The relevance of this article is due to scientific interest in the study of the production process at food industry enterprises in besieged Leningrad. However, a number of issues within the framework of the above scientific problem still remain poorly understood and need to be developed by modern researchers. The industrial activities of food enterprises were aimed at producing goods for the needs of the city and the front. Plants, factories and combines restructured the organization of their work in the current new environment. In conditions of limited resources, the production process was accompanied by the search for the necessary raw materials and substitutes. They began to use soybeans, cakes, and soybean meal in their work, which is why the food range they produced was able to expand. The article uses the following research methods: historical, historical-genetic, logical and historical-

systemic, through which it is possible to consider the production activities of Leningrad food enterprises as an integral system. The scientific novelty lies in the analysis of archival documentary sources, which made it possible to identify information about production work at food enterprises. The materials contain explanatory notes, reports on economic activities, orders, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The documents preserved data on production plans, product quality, equipment characteristics, etc. Being in the most difficult blockade conditions, the factories continued to produce food products. After the winter of 1941-1942. the work process gradually began to recover. Some mothballed enterprises became productive from the beginning of 1942. New methods of manufacturing products were mastered in laboratories, which were then introduced into production. However, it was not possible to completely restore production operations.

Keywords: Gormolzavod, Leningrad Yeast Plant, Bakery factories, resources, Leningrad Vinegar Plant, alternate materials, production process, industry, blockade, Leningrad

References (transliterated)

1. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) F. 1300. Op. 14. D. 6
2. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). F. 2225. Op. 99. D. 162.
3. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). F. 4965. Op. 1. D. 1059.
4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). F. 5006 Op. 2. D. 72.
5. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). TsGA F. 5006. Op. 2, D. 89.
6. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb). F. 9605. Op. 2. D. 29.
7. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv nauchno-tehnicheskoi dokumentatsii Sankt-Peterburga (TsGANTD SPb). F. 221. Op. 11. D. 520.
8. Postanovleniya Voennogo soveta Leningradskogo fronta. Chast' 1 (avgust 1941 g. – mart 1942 g.). Sb. dokumentov / Otv. sost. K. A. Boldovskii. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2023. – 656 s.
9. Popkov P.S. Leningrad v dni Otechestvennoi voiny // Propaganda i agitatsiya. 1942. № 20. S. 5-10.
10. Dzeniskevich A.R. Promyshlennost' Leningrada v period mezhdu proryvom i likvidatsiei blokady (yanvar' 1943 – yanvar' 1944 g.) // Gorod Lenina v dni Oktyabrya i Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945 gg. : sb. st. / [red. kollegiya: S.N. Valk (otv. red.) i dr.]; Akad. nauk SSSR, Leningr. otd-nie In-ta istorii. – Moskva; Leningrad, 1964. – S. 129-153.
11. Dzeniskevich A.R. Front u zavodskikh sten. Maloizuchennye problemy oborony Leningrada (1941–1944). – SPb.: «Nestor», 1998. – 242 s.
12. Sobolev G.L., Khodyakov M.V. Prodovol'stvennaya komissiya Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 g. // Noveishaya istoriya Rossii, 2016. №1. S. 8-21.
13. Krasnozhenova E.E. Total'nyi golod stal glavnoi prichinoi mnogochislennykh zhertv sredi leningradtsev. Prodovol'stvennaya situatsiya v blokadnom Leningrade v 1941-1944 gg. // Voenno-istoricheskii zhurnal. № 1, 2024. S. 58-65.
14. Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. Formy i metody povysheniya proizvoditel'nosti truda na oboronnykh predpriyatiyakh blokadnogo Leningrada // Zhurnal. Sovremennaya

- nauchnaya mysl'. № 3, 2023. S. 106-110. doi: 10.24412/2308-264X-2021-4-106-111
15. Krasnozhenova E.E., Kulik S.V. Vosstanovlenie i tekhnicheskaya modernizatsiya predpriyatii Leningradskoi promyshlennosti (1942-1945 gg.) // Sovremennaya nauchnaya mysl', 2022. № 5. S. 168-172. doi: 10.24412/2308-264X-2022-5-168-172
 16. Khodyakov M.V. Konditerskoe proizvodstvo v blokadnom Leningrade. 1941-1943 gg. // Noveishaya istoriya Rossii. 2022. T. 12, № 4. С.812-839. doi.org/10.21638/spbu24.2022.401
 17. Khodyakov M.V. Dokumenty arkhivov Sankt-Peterburga i Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva ekonomiki o rabote konditerskoi promyshlennosti Leningrada v gody blokady. 1941-1944 gg. // Otechestvennye arkhivy. 2021. № 4. S. 52-61.
 18. Zotova A.V. Sel'skokhozyaistvennyi fenomen blokadnogo Leningrada // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. S. 38-40.
 19. Zotova A.V. Ekonomika blokady. SPb.: «Izdatel'skii tsentr «Ostrov»». 2016. – 320 s.
 20. Boldovskii K.A. Rukovodyashchie organy blokirovannogo Leningrada: polnomochiya i sfery kompetentsii // Trudy instituta istorii oborony i blokady Leningrada, 2023. № 1. S. 96-109.

Jazz music in the discourse of power and cultural policy of the USSR during the period of late Socialism (1950s — 1980s)

Rusanov Ivan Nikolaevich

Assistant; Department of National History, Omsk State Pedagogical University

644024, Russia, Omsk region, Omsk, Lermontov str., 4a, sq. 17

✉ i.rusanov@st.omgpu.ru

Abstract. The author discusses the formation and development of jazz music in the USSR in the context of the cultural policy of the Soviet government. The subject of the study is jazz music in the cultural discourse of the Soviet government from the 1950s to the 1980s. The object of the study is the actions of the Soviet government aimed at adapting jazz music to the socio-cultural landscape of the USSR during the period of late socialism. Special attention is paid to the interaction of representatives of jazz culture in the USSR and the Soviet government, as well as the formation of underground culture within jazz music in the USSR. Such aspects of the topic as the reasons for changes in cultural policy towards jazz music in the designated period and the results of activities and motives for the formation of the underground within jazz music in the USSR are considered in detail. The methodology is based on a historical and cultural approach, which helps to shift the emphasis from a linear historical narrative to local socio-cultural spaces and their inclusion in a common global space. The main methods used by the author are historical-genetic, historical-systemic methods. The novelty of the research lies in determining the role of the Soviet state as the most important actor that influenced both the adaptation of jazz music to the realities of the USSR and the emergence of a jazz underground community within it. According to the author, a special role in these processes was played by the phenomenon of "pop and jazz ensembles", as well as the construction of an image of elite music for intellectuals around jazz, as opposed to destructive rock music, which penetrated and enjoyed great popularity in the USSR. Formally, from the late 1950s to the late 1980s, jazz music gradually became more accessible and official, however, this did not lead it to popularity in the USSR, which is explained by the peculiarities of its official positioning and the compromise nature of "pop-jazz ensembles", which generally have little in common with authentic jazz.

Keywords: jazz underground in the USSR, unofficial culture of the USSR, pop-jazz music of the USSR, culture during the thaw, soviet jazz, culture of late socialism, cultural policy of the USSR, musical underground of the USSR, musical culture of the USSR, jazz in the USSR

References (transliterated)

1. Sovetskii dzhaz. Problemy. Sobytiya. Mastera. Sbornik statei. / Sost. i red. A.V. Medvedev, O.R. Medvedeva. M.: Sovetskii kompozitor, 1987.
2. Barban E.S. Kvadrat: Iz istorii rossiiskogo dzhaza. SPb: Kompozitor, 2015.
3. Dunaevskii I.O. Nazrevayushchie voprosy legkoi muzyki // Sovetskaya Muzyka. 1955. №6. S. 19-25.
4. Papernyi V. Mos-Andzheles Dva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
5. Kaplan F. Letyat muzykal'nye volny s zakata // Pchela. 1997. №11. S. 46-48.
6. Isachenko S.V. Dzhaz na Kubani v sovetskii period: k istorii voprosa // APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. №5.
7. Istoriya russkogo i sovetskogo iskusstva. / Pod red. D.V. Sarab'yanova. M.: Vysshaya shkola; Izdanie 2-e, pererab. i dop., 1989.
8. Il'ina T.V. Istoriya iskusstv: Otechestvennoe iskusstvo. Uchebnik. 3-e izd. izd., pererab. i dop. – M.: Vysshaya shkola, 2000.
9. Troitskii A.K. Gremuchie skelety v shkafu. Tom 1: Zapad gniet. M.: Amfora, 2008.
10. Batashev A.S. Sovetskii dzhaz. Istoricheskii ocherk / Pod red. A. V. Medvedeva M.: Muzyka, 1972.

Hungarian Campaign 1697: Planning and Preparations

Luniashin Sergei Dmitrievich

Assistant; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
Postgraduate student; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, city, Moscow, ave. Lomonosovsky, 27

 slunyashin@narod.ru

Abstract. The article examines the preparation activities for the military campaign of 1697, carried out in the period from December 1696 to July 1697. The study focuses on the military operations planning and the relationships between various military-bureaucratic departments and military leaders, the process of procuring all the resources necessary for the campaign, the methods of coordinating commanders and military officials in order to ensure the combat readiness. The preparatory activities were studied, which involved not only the high command and the Court Military Council, but also the Banus of Croatia and Emperor Leopold I. The next stage was a detailed analysis of the measures taken by the military leadership in July 1697, in particular, Eugene of Savoy, at a time when the army was already in Hungary, but was not ready to act against the Ottomans. The sources used were the published letters of Eugene of Savoy from January to September 1697 and the minutes of the Court War Council and the War Council of Lower Austria. The sources allowed us to study the systemic interactions between different levels of the military hierarchy, officials and the emperor and to achieve a contextual perception of military command institutions, which made possible to separate the system-factors from the phenomena of the 1697 campaign. Finally, the decisive role of systemic and collective efforts in ensuring the combat readiness of the armies of the Danube Monarchy was established. The competence of the commander-in-chief in the Danube Monarchy was determined during the period of equipping the troops, during the period of stay with the army

in the theater of military operations and during preparation for a combat clash. In addition, the degree of personal efforts of Eugene of Savoy in organizing and successfully conducting the campaign of 1697 was assessed.

Keywords: Military Commissioners, Military logistics, Great Turkish War, Ottoman-Habsburg Wars, Prince Eugene Savoy, Habsburg Monarchy, XVII century, Military History, Highest Military Command, General Staff

References (transliterated)

1. Zapiski Montekukkoli Generalissimusa imperatorskikh voisk ili Obshchie printsipy voennogo iskusstva v trekh knigakh; per. Ya. S. Semchenkova. Montreal: Accent Graphics Communications, 2012.
2. Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii / pod red. Ikhsanoglu E. / per. s turets. V. B. Feonovoi. T. 1. M.: Vostochnaya literatura, 2006.
3. Arneht A. Eugen (Prinz von Savoyen) // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). 6. Bd. Leipzig: Duncker & Humblot, 1877. S. 406-421.
4. Basta G. Il maestro di campo generale, das ist: außförlliche Anzeig, Bericht und Erklärung von dem Ampt eines General-Feldt-Obersten (etc.). Franckfurt: Nicolaus Hoffman, 1617.
5. Bracewell C. W. The Uskoks of Senj: Piracy, Banditry, and Holy War in the Sixteenth-Century Adriatic. Ithaca, London, 1992.
6. Đurić S. Bitka kod Sente 1697. prema pismima princa Eugena Savojskog i izvorima iz Bečkog ratnog arhiva [Elektronnyi resurs] // Hrvatski povijesni portal, 01.12.2020. URL: https://www.academia.edu/44614061/Bitka_kod_Sente_1697_prema_pismima_princa_Eugena_Savojskog_i_izvorima_iz_Be%C4%8Dkog_ratnog_arhiva (data obrashcheniya 18.05.2025).
7. Đurić S. Princ Eugen Savojski u Velikom bečkom ratu do oslobođenja Beograda (1683.-1688.) // Scrinia Slavonica. Annual of the Department for the History of Slavonia, Srijem and Baranja of the Croatian Historical Institute. vol. 15 (2015). Slavonski Brod, 2015. S. 35-56.
8. Đurić S. Vojne operacije generala Dünewalda u Slavoniji 1687. godine // Scrinia Slavonica. vol. 22 (2022). Slavonski Brod, 2022. S. 77-94.
9. Göss J. Z. Elf Briefe König Ferdinands I. an seinen Feldhauptmann Hans Katzianer // Historische Blätter im Auftrage der Beamten des Haus-, Hof- und Staatsarchivs. Herausgegeben von Lothar Gross. 5. Heft. Wien, 1932.
10. Hochedlinger M. Austria's wars of emergence: war, state and society in the Habsburg Monarchy, 1683-1797. London, New York, 2003.
11. Klaus-Jürgen B. Die Türken vor Wien: Zwei Weltmächte im Ringen um Europa. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Theiss, 2021.
12. Meynert H. G. Geschichte der K.K. österreichischen Armee, ihrer Heranbildung und Organisation, so wie ihrer Schicksale, thaten und Feldzüge, von der Frühesten bis auf die jetzige Zeit. 2. Bd. Wien: C. Gerold & Sohn, 1854.
13. Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen. 1. Bd, 1694-1702. Hrsg. Friedrich Heller. Wien: Gerold, 1848.
14. OeStA/KA ZSt HKR HR Bücher 139 (1557-1558).
15. OeStA/KA ZSt IÖHKR Bücher 8/2 Protokoll Croatica (mit Indices), 1597-1598.
16. Pálffy G. Das Königreich Ungarn (1526-1699): eine alte Regionalmacht innerhalb einer

neuen Monarchie / Handbuch zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 2. Herrschaft und Politik in Südosteuropa von 1300 bis 1800. Hrsg. Oliver Jens Schmitt. Red. Edwin Pezo. Berlin-Boston, 2021. S. 567-660.

17. Pálffy G. Die Akten und Protokolle des Wiener Hofkriegsrats im 16. und 17. Jahrhundert // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.-18. Jahrhundert). Ein exemplarisches Handbuch / Hg. Pauser J., Scheutz M., Winkelbauer T. Wien-München, 2004 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 44). S. 182-195.
18. Regele O. Der österreichische Hofkriegsrat 1556-1848 // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 1, H. 1. Wien, 1949.
19. Rothenberg G. E. The Austrian military border in Croatia, 1522-1747. Urbana, 1960.
20. Schwendi L. Kriegs Diskurs: Vom Krieg und Kriegsherrn. Frankfurt am Mayn, 1593.
21. Wilson P. H. German armies War and German politics, 1648-1806. London, Bristol: UCL Press, 1998.
22. Wilson P. H. Heart of Europe A History of the Holy Roman Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016.

The military-political context of the development of Virginia after the end of the French and Indian War of 1754-1763.

Makarov Egor Pavlovich

PhD in History

Associate Professor; Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities; Samara State Technical University

443100, Russia, Samara region, Samara, Tsiolkovskiy str., 1

✉ egor.makarov.esq@gmail.com

Abstract. The article examines changes in the relationship between Virginia and Great Britain in the first half of the 1760s after the end of the French and Indian War. The subject of the study is the factors of military-political cooperation between the colony and the metropolis. The object of the study is diplomatic agreements and armed clashes in the western borderland of Virginia. Important attention is paid to the military cooperation of the Virginia militia and British troops in suppressing Pontiac's Rebellion of 1763-1766. A special role is given to the analysis of the desire of the British authorities to establish control over the political, legal and military field of Virginia. The author uses chronological and historical-comparative research methods, which allow him to analyze an important stage in the evolution of British-Virginia relations in the first half of the 1760s. Several theses can be identified as the main conclusions of the study. Firstly, the growing contradictions in the relationship between the colony and the metropolis occurred against the backdrop of the victorious conclusion of the French and Indian War, but the views of the local community and royal officials on the further development of the colonial space differed. Secondly, in the first half of the 1760s, ideological contradictions between Virginia and the metropolis were not clearly expressed. Thirdly, the financial aspect dominated the discussion of military-administrative issues between Virginia and Great Britain. The author's contribution is the study of little-studied aspects of religious-cultural disunity and problems of land ownership in the western borderlands. The novelty of the study lies in the fact that this stage in the evolution of British-Virginia relations in the first half of the 1760s is considered part of the global process of development of American colonial society.

Keywords: Seven Years' War, social protest, public opinion, colonial politics, North America,

Pontiac's Rebellion, French and Indian War, Great Britain, Virginia, eighteenth century

References (transliterated)

1. Makarov E.P. Bitva na Avraamovykh polyakh i bitva pri Sen-Fo v vospriyatii izmenenii severoamerikanskogo teatra boevykh deistvii Semiletnei voyny v 1759-1760 gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. № 80. S. 125-132.
2. Makarov E.P. Zakon o gerbovom sbore 1765 goda v vospriyatii politicheskoi natsii severoamerikanskikh kolonii Velikobritanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2022. Vyp. 1 (846). S. 95-102.
3. Anderson F. The War That Made America: A Short History of the French and Indian War. London: Penguin Books, 2006.
4. Babits L.E., Gandulla S. The archeology of French and Indian war. Gainesville, FL.: University Press of Florida, 2015.
5. Berleth R. Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier. Hensonville: Black Dome Press, 2009.
6. Borneman W.R. The French and Indian War: Deciding the Fate of North America. New York: Harper Perennial, 2007.
7. Brumwell S. Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755-1763. New York: Cambridge University Press, 2002.
8. Calloway C.G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
9. Corbett J.S. England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
10. Dowd G.E. War under Heaven: Pontiac, the Indian Nations, and the British Empire. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
11. Fiske J. New France and New England. New York: Houghton Mifflin and Company, 1902.
12. Henderson H.J. Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760-1800 // William and Mary Quarterly, Vol. 47, № 1, 1990. P. 90-114.
13. Hofstra W.R. The planting of New Virginia: settlement and landscape in the Shenandoah Valley. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
14. Lamb M. Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach // Accounting Historians Journal, Vol. 30, 2003. № 2. P. 175-196.
15. Merritt J.T. At The Crossroads: Indians and Empires on the Mid Atlantic Frontier, 1700-1763. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
16. Middleton R. Pontiac's War: Its Causes, Course and Consequences. Philadelphia: Routledge, 2007.
17. Stanley G.F.G. New France: The Last Phase, 1744-1760. Toronto: McClelland and Stewart, 1968.
18. Titus J. The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1991.
19. Ware T. Maryland in the French and Indian war. Charleston, SC.: The History Press, 2023.
20. Weidensaul S. The First Frontier: The Forgotten History of Struggle, Savagery, and Endurance in Early America. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012.